

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

2
2013

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2013

УДК 800
ISSN 1992-6375

2.2013

Издается с 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mgoru.ru
Подписной индекс
36733
в основном каталоге
Роспечати

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М.А. Шолохова**

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Редакционная коллегия

Н.Д. Котовчихина – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
Т.А. Ерофеева – *отв. секретарь*,
Е.И. Диброва, Л.И. Шевцова,
Н.А. Литвиненко, Р.Б. Сабаткоев,
А.С. Калякин

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mgoru.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Крашенинников А.Е.*
Влияние Ф.М. Достоевского на творчество Г. Тракля 5
- Маслова С.А.*
Современная литературная сказка и детская субкультура 10
- Тетерина Е.Н.*
Категория целостности литературного произведения и проблема
главного героя поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» 18
- Чернов А.Н.*
Функция персонажа в романах Гайто Газданова 23
- Щербитко А.В.*
Роман Всеволода Бенигсена «ГенАцид»: испытание книгой 30

ЛИНГВИСТИКА

- Арчаков Р.А.*
Конвенциональность и субстантивная номинация:
к определению оснований речевого поведения носителя языка 39
- Дубовикова Л.Д.*
О проблемах разграничения префиксального словоизменения
и словообразования в видовременной системе русского глагола 50
- Кошечкина И.Г.*
О тройной сегментации времени и пространства 64
- Кузнецова А.Н.*
Английский национальный характер сквозь призму фразеологии . . . 67
- Морараш М.М.*
Языковые средства актуализации категории темпоральности
(на примере романов В.В. Набокова «Машенька»,
«Защита Лукина», «Приглашение на казнь») 72
- Свиридова Л.К.*
Перевод как обязательное выражение категории тождества 80
- Себрюк А.Н.*
Отражение этнической самоидентификации в антропонимии:
особенности именования афроамериканцев 87

МЕТОДИКА:

Вискова И.В.

Урок-коммуникация как средство развития
грамматической способности учащихся
(на примере изучения темы «Местоимение как часть речи») 94

Калякин А.С.

Профессиональная подготовка лингвиста, переводчика
в современных условиях 103

НАШИ АВТОРЫ

CONTENTS

ПАМЯТКА АВТОРУ

А.Е. Крашенинников

Влияние Ф. М. Достоевского на творчество Г. Тракля

В статье рассматривается влияние философии и творчества Ф.М. Достоевского на лирику Г. Тракля на примере стихотворений «Sonja», «Die Verfluchten» и «Afra».

Ключевые слова: экспрессионизм, немецкоязычные поэты-экспрессионисты, Г. Тракль, Ф.М. Достоевский.

Когда речь заходит о русской литературе в мультикультурном пространстве, то непременно всплывает в сознании уже ставшее расхожим представление о том, что на западноевропейскую мысль наиболее сильное влияние оказали Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов. И это бесспорно в целом. Если же коснуться конкретной проблемы влияния философии и творчества Ф.М. Достоевского на поэзию немцев (немецкоязычных) экспрессионистов, и, в частности, на философию и поэзию Георга Тракля, то становится очевидным, что еще не все следы такого влияния досконально изучены. Для нас это означает и то, что уровень такого воздействия огромен, и то, что осталось еще интереснейшее поле для научного поиска.

Угол зрения, под которым мы рассматриваем влияние Достоевского на Тракля, можно представить в виде условной оппозиции «Ницше – Достоевский».

Как отмечает Н.В. Пестова, нет ни одного исследования о литературном экспрессионизме, которое бы не указывало на глубокое влияние Ницше на литературу XX в. не только в немецкоязычном, но и общеевропейском литературном пространстве. Ницше произнес как заклинание: «Бог умер, да здравствует искусство как последняя метафизическая деятельность человеческого духа», и эта формула стала своеобразным паролем

лем и шагом от нигилизма к модернизму. Поразивший в самое сердце экспрессионистов Готфрида Бенна, Альфреда Дёблина Ницше – этот «огнедышащий Люцифер» («der luziferische Flammenwerfer») – воздействовал на них и все юное поколение не только идеей нигилизма, но и всем тем огромным энергетическим зарядом и творческим потенциалом, настоящим искусом, исходившими из него. Неслучайно Г. Бенн в своей эссеистике высказался именно таким образом: «Нигилизм – это чувство счастья» («Nihilismus ist ein Glücksgefühl»). В его природе были обнаружены те составляющие элементы, которые и сформировали вокабуляр времени: пустота, ничто, тщетность, трансцендентная бездомность в мире и в себе самом. Вся экспрессионистская лирика обитает в зоне впечатлений и переживаний нигилизма.

Ницше стал инкарнацией уединения и одиночества, которые окрасили всю его философскую поэзию. Изумительным по красоте и мощи примером такого лирического переживания является стихотворение «Одинокый». Его щемящая тоска и глубина ощущения потери эхом отзывается и у Г. Тракля («Der Herbst des Einsamen») [3, с. 98].

Но отношение Тракля к Ницше довольно неоднозначное и значительно отличается от восторженности, свойственной многим экспрессионистам. Тракль не воплощал собой поэта-мага и мастера, которого воспевал Ницше и для которого бытие и действительность «имеют единственно эстетическое оправдание»: «Особо отличающей чертой Тракля-поэта была сдержанная меланхолия, “нежное безумие”, вкусившее от “горечи этого мира”, познавшее его “неискупленную вину и преступление”, его зло, и солидарное с “целокупным страданием” человечества. На этом основании Тракль испытывал глубокие сомнения в истинности своего художественного творчества. Он воспринимал свою поэзию как “неполное раскаяние”, “незавершенное наказание”, следуя тем самым не за Ницше, а за Достоевским» [2, с. 11].

Как свидетельствуют современники Тракля, ему было чуждо социальное высокомерие и он с пониманием и дружелюбием относился к простолюдинам. Траклю неслучайно был близок Достоевский, произведения которого он, по воспоминаниям друга его юности Э. Бушбека, «очень рано начал читать и, не щадя сил, одолел всего»: его роднило с ним отношение к окружающему миру. Бушбек вспоминает, что «часто возникали дискуссии по Достоевскому», революционная антибуржуазность которого, окрашенная глубокой религиозностью, мистикой и национальными настроениями, производила неизгладимое впечатление на Тракля. С таким же «рвением и упорством» он, должно быть, читал Ницше – чуть раньше или одновременно с Достоевским [1, с. 71].

Некоторые персонажи романов Достоевского, как, например, князь Мышкин, были наделены родственными поэту чертами характера. Исследователь жизни и творчества Тракля О. Базиль тоже считает, что Тракль «проявлял большой интерес к героям Достоевского, с некоторыми образами он, возможно, знакомился поверхностно, а другие изучал основательно: Раскольникова, Ивана Карамазова, особенно Шатова и даже Ставрогина и Кириллова. Об Алёше, младшем из братьев Карамазовых, он говорил, по утверждению Ганса Лимбаха, “с глубоким волнением”. Почти все герои Достоевского – невротические личности, подавляемые страхом или зависимостью (что можно рассматривать как боязнь “божьего гнева”), подверженные тяжелым психозам и все до одного состоящие в “личных” отношениях со смертью, которую они боятся в большей степени (Кирилов тоже не является исключением), чем так называемые нормальные люди. Трагизм их положения очевиден, он взывает к небу. Перед нами трагические личности в античном смысле слова, и Тракль с ними всей душой» [1, с. 19–20].

Очень ценное наблюдение для понимания своеобразного «неравностороннего треугольника» Ницше–Тракль–Достоевский мы находим у В. Метлагла: «...Ницше противопоставлял “морали христианских ценностей” свою “господскую мораль”. По его мнению, христианская этика выросла “на пропитанной смертью почве”. Ницше видел отражение этой морали в романых героях Достоевского, представлявшихся немецкому философу типами из “нисходящей”, декадентской жизни. И все же, вопреки этой трактовке, Тракль выбирает для себя Достоевского как единственную альтернативу, чтобы в эстетическом и этическом смысле противостоять Ницше. Манера Достоевского была для Тракля, как он нередко повторял, особенно в последние годы своей жизни, “святой”, это была “несущая исцеление”, спасительная для него манера в той трагической ситуации, когда поэт воспринимал самоуничтожение человечества как совершенно конкретную, готовую осуществиться в реальности возможность. Достоевский был для Тракля много ближе, особенно в последней фазе творчества австрийского поэта, чем, к примеру, Толстой, по поводу которого Тракль использовал слова, высказанные в свое время Ницше по поводу Рихарда Вагнера: Толстой предстал как “Пан, гибнущий под собственным крестом”. Достоевский, изначально охарактеризованный Ницше как декадент, неожиданным образом придавал Траклю силу превратить в своем творчестве собственную слабость в логику и власть поэзии» [2, с. 12].

Ярчайший след Достоевского в творчестве Тракля – стихотворение «Sonja». Это стихотворение посвящено обитательницам публичного дома

в Зальцбурге, который посещал Тракль. Имя выбрано Траклем по прямой ассоциации с Соней Мармеладовой:

*Abend kehrt in alten Garten;
Sonjas Leben, blaue Stille.
Wilder Vögel Wanderfahrten;
Kahler Baum in Herbst und Stille.*

*Sonnenblume, sanftgeneigte
Über Sonjas weißes Leben.
Wunde, rote, niegezeigte
Läßt in dunklen Zimmern leben,*

*Wo die blauen Glocken läuten;
Sonjas Schritt und sanfte Stille.
Sterbend Tier grüßt im Entgleiten,
Kahler Baum in Herbst und Stille.*

*Sonne alter Tage leuchtet
Über Sonjas weiße Brauen,
Schnee, der ihre Wangen feuchtet,
Und die Wildnis ihrer Brauen [4, с. 204].*

Образ Сони мы находим еще в одном стихотворении Тракля – «Die Verfluchten» («Проклятые»):

*...Die Nacht ist schwarz. Gespenstisch bläht der Föhn
Des wandelnden Knaben weißes Schlafgewand
Und leise greift in seinen Mund die Hand
Der Toten. Sonja lächelt sanft und schön [Там же, с. 200].*

Тракль вслед за Достоевским верит в чистоту души падшей женщины и в смерть, которая прекратит ее мучения и даст ей упокоевание. Этот мотив, важный для понимания поэтики и метафизики Тракля, представлен в его наследии и еще одним образом падшей женщины – Афры в стихотворении «Afra» (2-я редакция), которая, как и Соня у Достоевского, приходит к Богу:

*...Ein Kind mit braunem Haar. Gebet und Amen
Verdunkeln still die abendliche Kühle
Und Afras Lächeln rot in gelbem Rahmen
Von Sonnenblumen, Angst und grauer Schwüle [Там же, с. 210]*

Афра Аугсбургская (*Afra von Augsburg*) – святая римско-католической церкви, мученица, покровительница Аугсбурга, культ которой восходит к IV–VI вв. По одному из преданий, она была рабыней при языческом храме и торговала своим телом. Во времена гонений на христиан в Аугсбург из испанской Героны бежали епископ Нарцисс и диакон Феликс и нашли убежище в доме Афры. Епископ Нарцисс обратил Афру в христианство и

она перестала принимать участие в традиционных языческих обрядах. Это вызвало подозрение, арест и допросы. На допросах Афра твердо заявила о своей преданности христианской вере и была заживо сожжена.

Любопытно, что эти три стихотворения входят в один и тот же цикл стихотворений «Der Herbst des Einsamen» («Осень одинокого»).

Развитие Траклем образа Сони Мармеладовой и темы сострадания падшей женщине является нетипичным для экспрессионистской поэзии. С. Гренц и М. Люке подчеркивают, что проституткой у экспрессионистов зачастую предстает любая женщина, которая вступает с мужчиной в физическую связь, независимо от того, бедная она и отверженная или хитрая и алчная: «за косметикой проституток прячется тело опустошенного животного или объединенного трупа, которое открывает негативную правду женщины» [5, s. 228]. Но для Тракля, как отмечает О. Базиль, проститутки были «выше и значительнее, чем секс; они были символом “униженных и оскорбленных”» [1, с. 117], о чем и свидетельствуют стихотворения «Sonja», «Die Verfluchten» и «Afra».

Мы считаем, что без понимания отношения Тракля к Достоевскому любой исследователь творчества этого великого экспрессиониста неизбежно окажется в плену общего представления о философской доминанте Ницше среди поэтов-экспрессионистов, что может привести к неверным оценкам творчества Тракля в целом и к неточным интерпретациям его отдельных стихотворений – в частности.

Библиографический список

1. Базиль О. Георг Тракль. Челябинск, 2000.
2. Метлагль В. Жизнь и поэзия Георга Тракля // Тракль Г. Стихотворения. Проза. Письма. СПб., 1996. С. 5–12.
3. Пестова Н.В. Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. Изд. 2-е, доп. и испр. Екатеринбург, 2002.
4. Тракль Г. Стихотворения. Проза. Письма. СПб., 1996.
5. Grenz S., Lücke M. Verhandlungen im Zwielficht: Momente der Prostitution in Geschichte und Gegenwart. Bielefeld, 2006.

С.А. Маслова

Современная литературная сказка и детская субкультура

В статье рассматриваются особенности поэтики современных литературных сказок с учетом связи последних с фольклорным пражанром и мифическими представлениями детей. По мнению автора, литературная сказка сегодня транслирует меняющееся отношение общества к ребенку, отражает проблемы взаимодействия взрослого мира с миром детства.

Ключевые слова: литературная сказка, детская субкультура, детская мифология, двоемирие, иномир, жанровая память, современный литературный герой.

Литературная сказка представляет собой уникальный пример воспроизведения «памяти» фольклорного жанра. Сохраняя установку на чудесный вымысел, верность ключевым структурным элементам, она следует по пути наполнения традиционного сказочного канона: индивидуализация образов героев, психологическая разработка характеров, сюжет с неограниченным набором мотивов, включение в художественную систему сказки зарисовок природы, интерьера, современных для времени написания сказки реалий.

Сказка – один из основных жанров детской литературы, мир детства – «та сфера современности, в которой и народная, и литературная сказки оказываются жизненно необходимыми» [10, с. 22–23]. Известный фольклорист первой половины XX в. А.И. Никифоров назвал литературную сказку, написанную поэтами и писателями специально для детей, «педагогической сказкой», в которой «используются зачины, концовки, образы..., отдельные ситуации сказочных сюжетов, но педагогическая целеустановка так трансформирует все эти элементы, что они формируются в особые поэтические организмы» [11, с. 101], выразив тем самым распространенное среди педагогов и филологов мнение о специфичной направленности детской литературы, решающей только воспитательно-образовательные задачи. Эта точка зрения объяснима восприятием ребенка «в контексте социального научения, в котором центральной фигурой был взрослый» [6, с. 62]. Во многих литературных детских сказках сущностью сюжета становилось «приведение героя к отказу от дурных наклонностей, причем моралистическая критика нередко обращалась против невинных детских слабостей, а то и самого простодушия» [7, с. 47]. Такой взгляд на любое художественное произведение «как на

иллюстрацию известной общей идеи» [3, с. 241] подвергался справедливой критике Л.С. Выготского.

Однако в первой половине прошлого века были предприняты попытки исследования уникального мира детства, исключая категоричный «педагогический» подход к ребенку и, как следствие, к литературе для него. В 1920-е гг. опубликованы труды выдающегося этнографа, исследователя детского фольклора Г.С. Виноградова, выделявшего у детей «особый быт, с не встречающимися у взрослых особенностями» [2, с. 710]. Критик и детский писатель К.И. Чуковский еще до революции предостерегал от заблуждения, «будто ребенок есть уменьшенная копия взрослого, будто, если взять взрослого и равномерно убавить каждое его свойство, то и получится ребенок» [19, с. 18]. Несмотря на плодотворные и перспективные попытки изучения особого детского мировидения и мифотворчества, предпринятые в 1920-е гг., в дальнейшем, вплоть до конца XX в., эти попытки не возобновлялись. Советская идеология препятствовала развитию идеи о своеобразности детского мира, его уникальной специфике, мифологии детства.

Только в конце XX в. получает теоретическое обоснование понятие «детская субкультура», которая определяется как особая культура детей, «как своеобразный субэтнос в рамках различных этносов мира» [16, с. 106–116]. При изучении «секретного мира детей в пространстве мира взрослых» (М.В. Осорина) особое место принадлежит исследователям детской мифологии, фольклора и этнографии.

В свете современных представлений о детской субкультуре может существенно поменяться изучение детской литературы. При таком подходе воспитательно-обучающая составляющая уже не рассматривается как главная, если не единственная (до конца XX в. именно эта позиция преобладала при анализе художественных произведений для детей), наиболее актуальными станут проблемы взаимодействия детской субкультуры и литературы. С одной стороны, детская литература всегда «формировалась и развивалась как органическая часть духовной культуры, поэтому ей присущи все основные свойства и качества художественной литературы» [Там же, с. 10], с другой – «специфика детской литературы в том, что она принадлежит субкультуре детства, ею порождается, ее энергией, ее духовной и эмоциональной силой, в ее поле возникает и благодаря ему живет» [1, с. 8]. «Стереотипные формулы детского поведения», «мифологическое сознание детства» [5, с. 13] являются основными «устойчивыми формульными мотивами детской литературы» [Там же, с. 8].

Один из интереснейших вопросов на пути изучения взаимодействия мифологии и психологии детства с литературой – это вопрос о малень-

ких героях современных произведений. Любопытно проследить, в какой степени сохраняются традиционные черты героя фольклорной сказки в образах современных героев-детей, как эволюционируют эти образы по сравнению с фольклорными героями и персонажами советских сказок. Герой народной сказки «прежде всего социально обездоленный – крестьянский сын, бедняк, младший брат, сирота, пасынок» [9, с. 455], этими же чертами наделены современные герои литературной сказки, они тоже обладают приметами «низкого» героя, «не подающего надежд» [Там же, с. 456]. Лиза из сказки А. Егорушкиной «Настоящая принцесса и Бродячий Мостик» – сирота, учится игре на скрипке, в начале повести «не подающая надежд». В сказке С. Прокофьевой «Девочка-Свеча» героиня – «золушка», «замарашка» Соль, тоже сиротка. Однако чаще всего современной сказке довольно намек на обездоленность, ущербность героя может быть и вовсе мнимой. Обиженными чувствуют себя Вагик («Волшебный возок» В. Кротова) и Маруся («Малуся и Рогопед» А. Усачева), оставленные ненадолго родителями Тим и Тася («Учитель вранья» М. Харитоновна) скучают, а Алешка («Королевство Семи озер» С. Прокофьевой) заболел и сидит дома один. В любом случае, каждый из героев оказывается одинок или ощущает себя таковым. Это обстоятельство может быть обозначено как начальная ситуация «недостачи», которая является обязательным условием для развития дальнейшего сюжета сказки, будь то фольклорная или литературная. «Морфологически волшебной сказкой может быть названо всякое развитие от вредительства или недостачи через промежуточные функции к свадьбе или другим функциям, использованным в качестве развязки» [13, с. 78]. В финале литературной сказки «недостача» устраняется: герой обретает родителей или родственников (Соль, Лиза, Тим и Тася, Алешка), обнаруживается «королевское» происхождение героев (принцессы Лиза и Соль), герой достигает успехов в деле, которое ранее не удавалось (Лиза, Маруся), познает самого себя (Вагик). «Превращение “низких” черт в “высокие” или обнаружение “высокого” в “низком” в финале сказки – своеобразная форма идеализации обездоленного» [9, с. 456] – в фольклорной сказке идентична ситуации в сказке литературной.

Современность сказки проявляется в своеобразном отражении детской психологии и субкультуры на уровне науки конца XX – начала XXI вв. Герой литературной сказки – это сегодняшний ребенок со всем комплексом его отличий от взрослого в силу возрастных и психических особенностей. Каким бы невероятным ни было сказочное повествование, ребенок в качестве главного героя обнаруживает черты, ему свойственные. В советских сказках ребенок-герой обязательно нуждался в исправле-

нии, искоренении дурных наклонностей, он лишь тогда переставал быть судим всезнающим взрослым, когда становился «как все», избавляясь от своих слабостей и недостатков (например, повести-сказки В. Губарева «Королевство кривых зеркал», Л. Гераскиной «В стране невыученных уроков», Ю. Томина «Шел по улице волшебник», С. Прокофьевой «Клад под старым дубом» и пр.). В постсоветской детской литературной сказке появилась тенденция, прямо противоположная назиданию и морализаторству, свойственным советской детской литературе. За ребенком признается право быть таким, каков он есть, быть отличным от взрослого. Детские шалости не осуждаются, а выглядят забавно и трогательно, потому что они есть проявление естественной природы ребенка. Порой идейная проблематика сказки смещается с осуждения «детских» недостатков ребенка на пороки взрослых.

В этом отношении показательна сказочная повесть А. Старобинец «Страна хороших девочек», в которой острие сатиры направлено на родителей и бабушку с дедушкой, не желающих принять «детские» недостатки главной героини. Популярный мотив исполнения желаний здесь «работает» для разоблачения не «детских» недостатков, а родительских амбиций. Поэтизация трогательной наивности героя, его неспособность примениться к обыденной жизни с ее законами и нормами, становится неотъемлемой составляющей художественного мира современной сказки, рассказчик не осуждает своего героя за неумение и нежелание вписаться в рамки «взрослого» мира, напротив, видит в этом преимущество нежного возраста. Склонность ребенка к фантазированию – свойство детской психики. Ироничный тон повествования о детском мировосприятии, построенном на гиперболизации явлений, теплый авторский юмор свойственен повести М. Харитоновой «Учитель вранья», герои которой, Тим и Таська, отличаются безграничной игрой фантазии. Л.С. Выготский отмечал, что преувеличение свойственно детям: «страсть детей к преувеличению прекрасно запечатлелась в сказочных образах» [3, с. 21]. Фантазирование в литературной сказке выглядит как безусловное достоинство ребенка, умение мыслить нестандартно, что делает возможным для Тима и его сестренки недоступное взрослым путешествие.

При стремлении к объективности в раскрытии некоторых черт образа героя-ребенка, современная литературная волшебная сказка обнаруживает устойчивую тенденцию к идеализации детства (что противопоставляет сказку, например, подростково-юношеской прозе). В напряженных моментах кульминации сказки дети проявляют свои лучшие качества, чем во многом способствуют торжеству справедливости в финале. Алешка, очарованный красотой своей спутницы, принуждаемый к злодеянию,

находит в себе силы отказаться от него («Королевство Семи Озер»); Вагик в самых трудных ситуациях слушает голос Сознателя – свою совесть («Волшебный возок»); Маруся бескорыстно помогает жителям сказочной страны, исправляя ошибки в словах («Малуся и Рогопед»), и т.д. В идеализации детства, в счастливом финале современной литературной сказки проявляется верность сказочному канону.

Литературная волшебная сказка, в основе которой лежит идея параллельно существующего мира – сказочного царства, где реальным оказывается волшебство, аккумулирует потребность ребенка в таинственном и необычайном, естественным образом проникает в детскую мифотворческую сферу и может претендовать на дальнейшую жизнь и развитие в сознании ребенка. Вероятность данного утверждения объясняется фактами творческой деятельности ребенка (после чтения сказки) – игровой или продуктивной. Детский взгляд на действительное окружение отличен от взрослого восприятия. За видимой оболочкой предметов скрывается другая, невидимая сторона. «Отношение детей к действительности... характерно в целом своей “фантастичностью” и неопределенностью» [12, с. 153]. Это видение мира ребенком сродни мироощущению древнего человека, обожествляющего природные явления, животных, отдельные вещи. «Предметы, безжизненные с нашей точки зрения, например, реки, камни, деревья, оружие и т.д., считаются у дикарей живыми разумными существами, с которыми они говорят, которых почитают и даже наказывают за сделанное ими зло <...> Кто припомнит, что и для него палки, стулья и игрушки были живыми лицами, тот легко поймет, как детская философия человеческого рода могла распространять понятие о жизненности на вещи, которые современная наука признает безжизненными предметами» [15, с. 55–56]. Это отношение к неодушевленным предметам как к живым обретает конкретность, осязаемость, когда ребенок играет. «Игра ребенка – ... творческая переработка пережитых впечатлений, комбинирование их и построение из них новой действительности» [4, с. 7].

Игра как хранилище и транслятор детской субкультуры, отражающая мифологию и мифотворчество ребенка, заинтересовала ученых сравнительно недавно. О несомненной сказочности определенного вида детских игр вел разговор теоретик детской литературы рубежа XIX–XX вв. Н.В. Чехов: «И как только он (ребенок. – С.М.) начинает играть, он сам превращает свою жизнь в сплошную непрерывающуюся сказку, где и он сам, и все предметы, его окружающие, приобретают жизнь и личность» [16, с. 82]. Основываясь на многолетних наблюдениях за психикой и особенностями развития речи детей, изучая свою многочисленную

корреспонденцию, а также популярные в 1920-е гг. «Дневники матери», неоспоримо свидетельствующие о природной способности ребенка свою жизнь превращать в сказку, К.И. Чуковский приходит к убеждению, что в своих играх «ребята выступают как авторы и в то же время исполнители сказок, воплощающие их в сценических образах» [20, с. 218].

Современный ученый С.М. Лойтер, используя нетрадиционные для фольклориста источники (воспоминания, дневники, эссе, автобиографические повести о детстве, детскую литературу), обнаружила очень любопытный для нас вид детских игр, ранее не изученный и не описанный, – это игры в страну-мечту. «Страна» – это «иное, несуществующее, воображаемое пространство, “уход” в которое из реально существующего, привычно организованного пространства является непреложным условием игры. И это ... прежде всего художественное пространство», в котором «разыгрывается сюжет игры с придуманными произвольными персонажами, обстоятельствами, событиями» [8, с. 162]. С.М. Лойтер отмечает, что детская вымышленная страна – это утопия, и потому что такого места не существует, и потому что страна или государство «идеальное», «благословенное», реализующее «утопическое как сущность» [8, с. 162]. Игры детей в утопию – факт их субкультуры, отражающий способность ребенка к мифическому миромоделированию, созданию собственной фантастической реальности, тщательно скрываемой от мира взрослых.

Местоположение детской страны (остров или город), представляющей воплощенную мечту, установка на идеальное устройство, процветание жителей, реальность чудесного – все это неосознанно для самих создателей ставит ее в один ряд с вымышленными утопическими странами, примеры которым можно найти в легендах многих народов. «Поэтический образ страны благополучия, расположенной на острове, известен фольклору многих народов и генетически восходит, вероятно, ... первоначально к представлению о параллельном существовании двух, трех и более миров, которые эпизодически сообщаются друг с другом» [18, с. 334].

Иномир современной литературной сказки явно апеллирует к создаваемым детьми вымышленным странам. «В детских утопиях просматривается влияние древнегреческого предания... но еще более явственны отголоски “артуровских легенд” ... история Артура, его родословная, подвиги рыцарей “Круглого стола”, битвы, закат королевства, описание башен, дворцов по-своему трансформированы в мотивах и сюжетах некоторых... игр», [8, с. 163] – пишет в своем исследовании С.М. Лойтер. Многие современные сказки рисуют образ чудесного мира подобным образом. Средневековый город, окруженный крепостной стеной, царский дворец

с высокими башнями, городская площадь, рынок, горожане, в манерах и одежде которых явлены приметы средневековья, – по этим доминирующим признакам узнаваемы города Радинглен («Настоящая принцесса и Бродячий Мостик» А. Егорушкиной), Старые Басни («Малуся и Рогопед» А. Усачева), королевство Семи Озер с замком Эвидентис («Королевство Семи Озер» С. Прокофьевой), страна Астралия («Чоки-чок, или Рыцарь Прозрачного кота» В.П. Крапивина). Романтический ареал старинного города в соединении с естественным там волшебством, будь то чудесные обитатели (говорящие животные, мифические существа) или возможность необыкновенных действий (чародейство, превращения), делает тот мир притягательным для маленьких обитателей современного города.

Современная литературная волшебная сказка воссоздает в своей художественной структуре ситуацию двоемирия, что развивает идею «своего» и «чужого» (Е.М. Неелов) царства в фольклорной волшебной сказке. «Начало сказки бывает реалистическим (за исключением фигуры старого царя): мужики и бабы, семейная жизнь и семейные нелады... С этого же момента (уход героя в “тридцатое царство”. – С.М.) властно вторгается сказочная фантастика, реальный крестьянский мир забыт» [14, с. 196]. Востребованность традиционной модели построения сказочной действительности объяснима фактами детской субкультуры.

Ситуация двоемирия в литературной сказке может реализовываться не так явно, как в приведенных примерах. Население пространства маленькими человечками, стремление к общению с ними свойственно детскому мировидению, поэтому иномир может уместиться в реальном мире и представлять собой сообщество маленьких волшебных жителей или даже одно существо, которое живет рядом с людьми. Другой мир, фантастический, моделируется на основе современных реалий жизни, повседневного быта. Факт наличия гарантии у вещей и бытовой техники является основой для создания микромира в сказочной повести Э. Успенского «Гарантийные человечки». Чудесная действительность в сказке – это уменьшенная модель человеческого мира, реализующая некоторые социально-экономические реалии жизни людей. Волшебные существа могут иметь мифическое происхождение, как в сказочных повестях «Домовенок Кузька» З. Александровой или «Приключения Веснушки» С. Прокофьевой. На столкновении древних архетипов с миром современной городской цивилизации строится повествовательная интрига.

При изучении фактов детской субкультуры явной становится связь современной литературной сказки с миром детской мифологии, так же как очевидно функционирование в современных сказочных произведениях древних архетипических моделей и жанровой памяти фольклорной

сказки. Изучение законов фольклорной первоосновы позволяет проследить степень сохранности сказочного канона, а отражение современной сказкой детской мифологии и психологии – процесс отталкивания от него. Как показало наше наблюдение, процесс моделирования чудесной реальности включает трансляцию особых знаков детской субкультуры, а также фиксирует взгляд современной науки на ребенка – главного героя литературной сказки.

Библиографический список

1. Акимова А.Н. Мировая детская литература и субкультура детства // Детское чтение: феномен и традиция в конце XX столетия / Под ред. В.В. Головина, Л.В. Степановой. СПб., 1999. Ч. I. С. 46–49.
2. Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М., 2009.
3. Выготский Л.С. Анализ эстетической реакции. М., 2001.
4. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. М., 1992.
5. Головин В.В. Детская литература, детская субкультура, детская мифология (к постановке проблемы взаимосвязей) // Детское чтение: феномен и традиция в конце XX столетия / Под ред. В.В. Головина, Л.В. Степановой. СПб., 1999. Ч. I. С. 7–17.
6. Кон И.С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 1988.
7. Липелис А. Сказка и реальный мир // Детская литература. 1974. № 1 (97). С. 42–47.
8. Лойтер С.М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследования и тексты. Петрозаводск, 2001.
9. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки // Русская волшебная сказка: Антология / Сост., вступ. ст. и коммент. К.Е. Кореповой. М., 1992.
10. Неелов Е.М. Сказка, фантастика, современность. Петрозаводск, 1987.
11. Никифоров А.И. Сказка и сказочник. М., 2008.
12. Полозова Т.Д. О власти искусства слова и ценности чтения. М., 2010.
13. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2007.
14. Пропп В.Я. Русская сказка. М., 2008.
15. Тейлор Э. Первобытная культура: В 2 кн. Кн. 2. М., 2009.
16. Художественная жизнь современного общества: В 4 т. Субкультуры и этносы в художественной жизни / Отв. ред. К.Б. Соколов. СПб., 1996. Т. 1.
17. Чехов Н.В. Введение в изучение детской литературы. М., 1915.
18. Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2011.
19. Чуковский К. И. Матерям о детских журналах. СПб., 1911.
20. Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 2010.

Е.Н. Тетерина

Категория целостности литературного произведения и проблема главного героя поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай»

Статья посвящена рассмотрению целесообразности использования ключевой категории традиционного отечественного литературоведения – целостность литературного произведения – в решении дискуссионной проблемы героя поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай». По мнению автора, емкость жанрового подхода, позволяющего рассмотреть систему жанровых носителей поэмы в их формально-содержательном единстве, снимает данную проблему и указывает на единственного персонажа, обладающего качеством главного героя мильтоновского произведения.

Ключевые слова: главный герой «Потерянного рая» Дж. Мильтона, целостность литературного произведения, жанровый подход, система жанровых носителей «Потерянного рая» Дж. Мильтона.

Вопрос о степени точности литературоведческого анализа художественного произведения давно стал предметом научных дискуссий [4]. Отсутствие твердого универсального методологического инструментария нередко служит поводом критики литературоведения как науки. По словам Д.С. Лихачёва, литературоведение, имея своим предметом художественную словесность с ее выраженным потенциалом читательского сотворчества, все же «должно стремиться к точности, если оно хочет оставаться наукой» [7, с. 16].

Одной из ключевых составляющих традиционного отечественного литературоведения, которая стремится обеспечить допустимую в литературоведческом анализе точность и способствует уяснению смысла произведения, является категория целостности литературного произведения¹ [3]. Несбалансированное внимание к элементам данной категории, т.е. автономный анализ художественного явления либо в формальном, либо в содержательном аспектах, чреват «опасным расщеплением самого ядра литературного искусства» (К. Федин).

¹ Сходная категория в западном литературоведении встречается, например, в теории органической формы К. Брукса и Р.П. Уоррена.

Так, известна тенденция максимально сблизить теорию литературы с областью точных наук. Критерием точности в анализе литературного произведения выступали либо анализ формальной стороны произведения, либо использование методов исследования структурной лингвистики. Содержательная сторона произведения нередко оставалась в тени или формализовалась [6; 7; 9].

Примером обратной ситуации, т.е. излишней сосредоточенности исследователей на содержательном аспекте произведения, может служить интерпретация одного из самых неоднозначно воспринимаемых читателями и критикой литературных явлений XVII в. – «Потерянного рая» Джона Мильтона. Замена объективного критерия анализа литературного явления субъективным фактором нередко вносит в толкование смысла поэмы оттенок собственных политических, религиозных или эстетических предпочтений исследователей и, подчас, ведет к необоснованной бесконечности вариантов прочтения текста. Так, в обширной многовековой «милтоновской индустрии» [5] важное место занимает вопрос о главном герое «Потерянного рая». Закрепление за определенным персонажем статуса главного героя произведения может существенно изменить акценты в восприятии и уяснении смысла милтоновского творения.

Результаты решения задачи о герое поэмы следующие:

- 1) «В поэме Дьявол стал героем»¹ [19];
- 2) Бог, либо Сын², т.к. «подлинно героический характер поэмы, Сатана, не может быть, по религиозным соображениям, признан самим автором ее героем» [13];
- 3) герой отсутствует³;
- 4) Адам⁴.

На наш взгляд, проблему выявления главного героя поэмы Мильтона снимает исследование жанровой специфики «Потерянного рая». «Категория жанра, – по словам Н.Д. Тамарченко, – необходима отнюдь не для “классификации”, а для адекватного понимания смысла литературных явлений», т.к. жанр – носитель смысла, закрепленного в устойчивой структуре произведения [11]. Именно емкость жанрового подхода

¹ Часть толкователей наследует этот вывод критика XVII века Дж. Драйдена [2; 16; 20].

² Основной аргумент этой группы интерпретаторов – невозможность для автора-христианина возведения на роль главного героя inferнального персонажа [18; 21–23].

³ Некоторые ученые настаивают на том, что «Потерянный рай» – своеобразная «поэма без героя», т.к. ни один из основных персонажей не похож на героев предшествующих милтоновской эпических поэм [25].

⁴ Часть исследователей делает данный вывод на основании принадлежности поэмы эпической традиции [15; 24; 26].

позволяет максимально задействовать категорию целостности литературного произведения, уделить внимание как содержательной, так и формальной сторонам «Потерянного рая»¹. Исследование системы жанровых носителей «Потерянного рая» (эпические предания, хроно-топ, событие, сюжет, система персонажей и принципы их индивидуальной характеристики, коллизия, композиция, субъектно-объектная организация повествования, стилевые доминанты, форма взаимодействия с читателем и др.) в формально-содержательной целокупности и последующее определение места произведения в русле многовековой западноевропейской эпической традиции указывают на единственно возможного в мильтоновской поэме героя. Это «традиционный эпический герой», который имеет в своей конструкции следующие составляющие:

1) устойчивый образец центрального персонажа (т.е. обладает статусом «важного лица» [1, с. 119], «фигуры великой общечеловеческой значимости» [14], а в своем генезисе обнаруживает последовательные стадии формирования и развития свойств и качеств эпической персоны на протяжении всей эпической традиции);

2) уровень трансформации моментов повторяемости в соответствии с духовными потребностями автора, исторического времени, внесших свои коррективы в прежние представления о героике: «Где переживается эпос, там и *новые явления героизма, новый Олимп в поэзии*» [5, с. 294]. Выступая категорией традиционной эпической поэтики, герой принадлежит к единому семейству носителей народного мировоззрения и качественно отличается поведением и мировосприятием от Сигурда, Ахилла, Одиссея, Энея, Помпея, Беовульфа, Сиды, Роланда, героя Данте, Орландо, Танкреда и др.

Мильтоновские Бог, Сын, Сатана и Адам равнозначно соответствуют первому критерию, но лишь человек обнаруживает в своей конструкции мобильный уровень культурных запросов эпохи. Остальные претенденты на роль главного персонажа поэмы не могут выступить в данном качестве и имеют характер героических моделей. Одна из них надысторична (в связи с мильтоновской концепцией «сверхгероизма»), другая – антиисторична.

Надысторическая модель. Божественные персоны мильтоновской поэмы – одно из звеньев необходимого компонента эпической системы персонажей, т.к. эпические боги или сверхсущества традиционно выступают критерием эпической героики с учетом перекодировки главных

¹ Анализу поэмы в жанровом аспекте посвящена диссертация автора данной статьи [12].

этических ценностей на новом этапе традиции¹. В «Потерянном рае» область надысторического занимает обширное место, значительно потеснив собой сферу человеческой активности. Это не влияет на идентификацию главного героя произведения, но отражает потребность в стабильности, новом морально-нравственном кодексе человека, который живет в эпоху неосознанных перспектив дальнейшего развития. Мильтоновский Бог – это Бог всепрощения и милосердия (кн. III). Так же как Сын и ангелы, Он сострадает заблудившемуся в дисгармонии и кризисе своего «проржавленного» столетия человеку, уставшему от высоких амбиций, падений и трагических разочарований. Бог «Потерянного рая» примиряет в себе «парадоксы века» (Пахсарьян Н.Т.) – трагическое мироощущение и мечтательство – дарованной человеку возможностью преодоления смерти и надеждой на обретение Рая в себе. Надысторическая модель «Потерянного рая» осуществляет свою полную реализацию – «телос», царство гармонии – лишь в области абсолютного и конечного «благого», когда «времени уже не будет» (Откров., 12:9), за пределами истории и физической жизни.

Антиисторическая модель. Активный и запоминающийся образ «Потерянного рая», Сатана, чьим падением начинается действие, параллелен символике Вавилонской башне в поэме. Неоднократные сравнения его с гигантской башней (кн. I, VI) заключают идею завершения развития на стадии божественного вмешательства. Поэтому образ построен способом акцентирования героических характеристик, исчерпанных до появления христианства. Он – выражение исторической статики, отсутствия потенциала развития, образ, эффектный своей эстетикой конечности и предела, своим модифицированным, эпически максимализованным героизмом ушедшего, «осень героизма», «пессимизм силы» [8, с. 34]. В связи с отсутствием возможности выхода за рамки, очерченные Богом, застылости генезиса, Сатана существует во времени как нелепая, с точки зрения архангела Михаила, конструкция Вавилонской башни (кн. XII). Его предполагаемая целостность – абсолютное зло – неосуществимо, он полностью отсутствует в Вечности.

¹ В разное время героическая модель существует либо как первосимвол обособленного, наделенного человеческим обликом тела, диктующего человеку принципы земного самутверждения (эпосы дохристианской стадии); либо как всевластный господин, требующий доказательства веры на поле брани в форме поступка, а не размышления (эпосы классического Средневековья); либо как Перводвигатель, зовущий человека из сумрачного леса «смертных порываний» к вечности небесного блаженства (Данте); либо как приглушенная активно развивающимся индивидуализмом совесть, обуздывающая буйство страстей (Аристо); либо как символ нравственного императива, противопоставленный дисгармоничному миру (Дю Бартас, Спенсер, Дж. и Ф. Флетчеры) и т.д.

Носителем качества *главного героя поэмы* является Адам. Именно в его образе нашла место трансформация того представления о героике, которое существовало в сознании рассказчика и слушателей прежних эпох. Новое явление героизма в «Потерянном рае» определяется целью от «призрачных надежд» (кн. XII) прийти к высшей Правде. Он идеальный герой с точки зрения своего времени, т.к. соответствует «пафосу поиска (как. – *E.T.*) стержневому, доминирующему признаку семнадцатого столетия» [10, с. 5] в способности осуществлять самостоятельный мировоззренческий выбор и представляет новую разновидность эпического действия – героику восхождения «падшей натуры» по ступеням Истины через падение, раскаянье, покорность Божественной воле, надежду на искоренение зла, долгие скитания в мировой пустыне и прилежный труд. Адам выражает своей конструкцией умонастроение столетия – его образ отлит из парадоксов века. Он – подобие Творца и воплощение животного порока; «тростник на ветру» без поддержки Бога, но «тростник мыслящий»; существо беспечное, но способное остро переживать свое падение и таить луч надежды на обретение рая в себе; обладает душой, которая равно открыта любви, ненависти и гневу. Человеку Мильтона свойственно уважение и почитание высшего авторитета и готовность пасть по собственной воле; умение остудить кипящий в его душе океан страстей и потворство своим слабостям. Герой способен к существованию в обоих противопоставленных мирах поэмы. Адам, балансирующий на грани божественного и сатанинского, низводится с райских вершин на равнину – пограничную область между небом и адом, пространство страданий и постижений человека XVII в.

Библиографический список

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель и античная литература. М., 1979.
2. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 3. М., 1948.
3. Бушмин А.С. Анализ литературного произведения. Л., 1976.
4. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учеб. пособие. М., 2000.
5. Из лекций А.Н. Веселовского по истории эпоса // Типология народного эпоса / Отв. ред. В.М. Гацак. М., 1975. С. 287–319.
6. Косиков Г.К. Герменевтика и поэтика // Вопросы литературы. 1993. Вып. 2. С. 38.
7. Лихачёв Д.С. О точности литературоведения // Литературные направления и стили: Сб. ст., посвященный 75-летию профессора Г.Н. Пospelова / Под ред. П.А. Николаева, Е.Г. Рудневой. М., 1976.
8. Ницше Ф.В. Рождение трагедии из духа музыки. СПб., 2000. С. 34.
9. Палиевский П.В. Литература и теория. М., 1978.

10. Скакун А.А. Культурное наследие эпохи барокко и классицизма // Основные тенденции и проблемы развития европейского искусства и литературы Нового времени: Материалы конференции / Отв. ред. Скакун А.А. СПб., 1998.
11. Теория литературных жанров: Учеб. пособие / Под ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2011.
12. Тетерина Е.Н. Эпические традиции в «Потерянном рае» Дж. Мильтона и проблема специфики жанра: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
13. Чамеев А.А. Джон Милтон и его поэма «Потерянный рай». Л., 1986. С. 117.
14. Abrams M.H. A Glossary of Literature Terms. NY., 1957. P. 99.
15. Blessington F.C. Paradise Lost and the classic Epic. Boston, 1979.
16. Boss V. Milton and the Rise of Russian Satanism. Toronto, 1991.
17. Cain W. Reflection on the Milton Industry // Modern Language Notes. Baltimore. 1981. V. 96. № 5.
18. Danielson D. Milton's Good God. Cambridge, 1982.
19. Dryden J. Dedication of Aeneis // Essays of John Dryden: 2 v. V. 1. Oxford, 1926. P. 58.
20. Empson W. Milton's God. Cambridge, 1961.
21. Fowler A. Introduction // Milton J. Paradise Lost. London, 1998. P. 39.
22. Frye N. Five Essays on Milton's Epics. London, 1966. P. 23–24.
23. Huges M. The Christ of «Paradise Lost» and the Renaissance Heroic Tradition. SP., 1938.
24. Shawcross J.T. With Mortal Voice. Lexington, 1982.
25. Steadman J.M. Epic and Tragic Structure in Paradise Lost. Chicago, 1976. P. 9.
26. Webber J.M. Milton and his Epic Tradition. Seattle, London, 1979.

А.Н. Чернов

Функция персонажа в романах Гайто Газданова

Статья посвящена одной из наиболее ярких особенностей поэтики прозы Гайто Газданова – образному строю романов и, в частности, построению системы персонажей. Наиболее подробно анализируется роман «Возвращение Будды», являющийся своеобразным «ключом» к прочтению газдановской прозы. Выявлена связь семантической наполненности образов героев с мотивом возвращения, который рассматривается в философском, мифопоэтическом и общекультурном контекстах. Указано на отношения двойничества, в которые вступают все герои произведений Газданова. Сделан вывод о тотальной недооформленности и

полифоническом единстве персонажей, что интерпретируется как эстетическое преодоление трагедии писателя.

Ключевые слова: Гайто Газданов, персонаж, образный строй, мотив возвращения, двойник, семантика, аллюзии, полифония.

Одна из загадочных особенностей поэтики газдановской прозы – ее образный строй. Наиболее наглядно демонстрирует его система персонажей, тщательно выверенная, построенная по математическим правилам. Персонажи во взаимной соотнесенности, в семантической наполненности, в совокупности приемов воссоздания подчинены телеологической устремленности авторской мысли, которая все уровни повествования соотносит с мотивом возвращения. Поскольку весь корпус романов Газданова большинство исследователей рассматривает как художественное единство [9] или как метаповествование [10, с. 11], а роман «Возвращение Будды» – как центральный и показательный, своего рода «ключ» к интерпретации газдановской прозы [5], анализ системы персонажей в нем позволит глубже проникнуть в стилеобразующую и смыслообразующую функцию доминантного мотива возвращения.

В сформировавшемся авторском повествовательном стиле все герои, даже второстепенные (вспомним Джентльмена, который возвращается после смерти Павла Александровича в его дом будто в новом образе и с трансформированным сознанием), имеют свойство возвращаться к одним и тем же предметам, ситуациям, «повторяться» в новых ипостасях и многократно возникать в памяти друг друга. Они изначально и потенциально «активно включены в подтекстно-символические коллизии» [12, с. 113], на что указывает даже семантика имен. Герой-повествователь в «Возвращении Будды», например, не имеет имени, ведь он одновременно и существует, и нет: *Я умер <...> таково было мое воспоминание о смерти, после которой непостижимым образом я продолжал существовать* [3, с. 127]. Как все, что окружало его и чем он жил, теряло <...> всякую убедительность [Там же, с. 166], так и он сам призрачен. В череде бесчисленных непрогнозируемых существований, когда «видел себя композитором, шахтером, офицером, рабочим, дипломатом, бродягой...», он «давно потерял представление о своих собственных очертаниях» [Там же, с. 167] и, значит, самоидентификация невозможна, да и бессмысленна. Он и не может обладать закрепленной номинацией, поскольку *Другие жизни* врываются и затягивают в «механическое» колесо возвращений: *Чем я был я связан с этими воображаемыми людьми, которых я никогда не выдумывал и которые появлялись с такой же неожиданностью, как тот, кто сорвался со скалы и в ком я умер не так*

давно, как эта женщина в черном, как те, кто еще, несомненно, ждал меня – с упорной жадностью кратковременного и призрачного воплощения во мне? [3, с. 133]. Эти видения и перевоплощения характеризуются как изысканный род недуга, погружающий в боль и страдания: *я узнал то очередное и тягостное воплощение <...> самое отвратительное ощущение, которое я испытал* [Там же, с. 134–135].

Если рассматривать пребывание героя-повествователя в колесе бесконечных кармических реинкарнаций с точки зрения буддийской мифологии, то он должен стремиться преодолеть череду перерождений и страданий (сансары) и достичь нирваны, что означает возвращение в бессмертие из мира греха и страстей. Для рассказчика состояние покоя, прекращение страданий связано с возвращением к Катрин. Разлуку с ней, происшедшую в далеком прошлом, вне романного повествования, он позже расценил как «почти самоубийство», как «прыжок в неизвестность». Этот вынужденный и оказавшийся роковым шаг обрек героя на путь возвращения к Катрин, которое в романном времени и пространстве не может состояться.

Драматизм предугадываемой не-встречи с Катрин усилен тем, что идеальная любимая отождествлена с родиной, не-встреча с которой в будущем связана «с резким выделением маргинальности» [4, с. 65]: *что я буду делать в этом чужом городе чужой страны...* [3, с. 154].

Мечту нарратора возвратиться к Катрин можно рассматривать также в контексте христианского преодоления греха на нелегком пути самосовершенствования. Нарратор в начале романа умирает, но, как выясняется, это была смерть, «после которой непостижимым образом я продолжал существовать» [Там же, с. 127]. Он вытерпел страдания и унижения в тюрьме, затем стал свободным и материально обеспеченным благодаря завещанию Щербакова. Далее каким-то непостижимым образом стал спасителем Павла Александровича: после невероятной встречи в Люксембургском саду жизнь Щербакова фантастическим образом преобразилась. Роль главного героя в этой сцене можно осмыслить в духе травестийной христианской литургии, а подачку в десять франков соотнести с мистическими событиями Тайной Вечери.

Большинство персонажей романа, кроме главного – безымянного, имеют русские имена и даже фамилии и отчества, в христианской парадигме они достаточно четко проявляются. Павел Александрович Щербаков, например, соотносим с апостолом Павлом: в их судьбах произошел радикальный переворот по воле сверхчеловеческих сил. Савла на пути в Дамаск [7, с. 217–218] чудесным образом преображает Господь, и он, как блудный сын, по евангельской притче [Там же, с. 117], возвращает-

ся к истинному Отцу, становясь ревностным провозвестником христианской веры. Духовное преображение ознаменовано новым именем – Павел [7, с. 191–192]. Со Щербаковым происходит метаморфоза после встречи с главным героем в Люксембургском саду: обретение материальной состоятельности можно счесть благодатным.

Во время второй встречи рассказчик, во-первых, не может узнать Щербакова, т.к. между прежним оборванцем и этим господином «не было решительно ничего общего» [3, с. 136]; во-вторых, он знакомится с ним и только теперь узнает его имя. Таким образом, персонаж получает номинацию в соответствии со статусом. Причем статус обеспеченного, уважаемого и образованного меcье не нов, он имел его в России, но лишился в эмиграции: «что-то произошло в начале его жизни за границей <...> какая-то катастрофа...» [Там же, с. 168].

Щербаков в финале погибает от руки Амара, явно не христианина (принял мученическую смерть и апостол в языческом Риме). Свое огромное состояние он завещал подавшему десять франков в Люксембургском саду. Газданов будто иллюстрирует евангельскую истину: *И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды <...> истинно говорю вам, не потеряет награды своей* [7, с. 20].

Взаимоотношения Павла Александровича с Лидой тоже могут иметь евангельские аллюзии. Во втором путешествии по странам Азии апостол Павел встречает в городе Филиппы, главном городе Македонии, основанном отцом Александра Македонского (обратим внимание: отчество Щербакова – Александрович), женщину с именем Лидия. Она просит Павла крестить ее со всеми родственниками и остановиться в ее доме [Там же, с. 204], куда тот возвращается неоднократно – из языческого мира в дом истинной веры. Романная Лида вырвана Павлом Александровичем из грязи и порока, но периодически возвращается в греховную среду для встречи с матерью и Амаром. Примечательно, что в «Деяниях Апостолов» Лидия происхождением из малоазиатской провинции Лидия [6, с. 123], в библейские времена – страны легализованной проституции [8]. Новозаветный топоним транспонирует свою репутацию в Лиду из газдановского романа с эквивалентной номинацией. Лида амбивалентна, в ней сочетается «нечто притягательное и неприятное одновременно» [3, с. 170], что в системе религиозно-нравственной квалификации соответствует и Лидии – новозаветной святой, и Лиде – падшей женщине.

Лида же является и двойником, и антагонистом Катрин. Встречи с ней – это эрзац многочисленных возвращений героя к Катрин, суррогат мечтаний о встрече с любимой. Ее образ окружен мистическим, духов-

ным ореолом, а отношения с Лидой, хотя большей частью виртуальные, в немалой мере связаны с эротически-телесным влечением. О Катрин мы знаем только из слов рассказчика в перманентных беседах его с самим собой, но по идеографическому наполнению ее образ прочитывался в других произведениях Газданова. Такова, например, Клэр в романе «Вечер у Клэр» (1930), далекая, недостижимая, ее очертания в мечтах и воспоминаниях Николая, как оказывается, имеют мало общего с реальной женщиной. Соположенность женских образов проявлена не только семантикой их имен (Клэр – «свет», Катрин в переводе с греческого – «вечно чистая»), но и характерными деталями. Так, важна подробность интерьера в комнате Клэр – «синий цвет обоев», который показался герою «внезапно посветлевшим и странно изменившимся» [2, с. 45]. Этот «посветлевший» синий – отозвался в голубом цвете платья Лиды («Возвращение Будды»). Метафизические свойства голубого цвета делегированы образу Катрин (голубая табличка на двери ее дома; голубое платье ее двойника – Лиды), ведь это цвет не только чистоты, света – «он означает божественную премудрость, <...> он есть символ духа истины, <...> обнаружение любви и премудрости» [11, с. 556]. Именно Катрин, сообщает герой, осведомлена о самых потаенных и необъяснимых качествах его существа: *никто вообще, ни один человек на свете, кроме Катрин, не знал о том, что я был болен этим своеобразным душевным недугом* [3, с. 175].

Все персонажи «Возвращения Будды» призрачны, размыты и в основных проявлениях похожи друг на друга и будто являются художественными вариациями одного типа, который, воплощаясь в разных персонажах, приобретает иные гендерно-возрастные, социальные признаки. Возможно, и поэтому героине придана парадоксальная недовоплощенность: нет ее портрета, отсутствует индивидуализированная речь. Ее облик неполон, призрачен, иллюзорен, ему соответствуют языковые средства, используемые нарратором. Эти наблюдения позволяют сделать некоторые выводы.

Во-первых, все без исключения герои вступают в отношения двойничества. О религиозно-мифологическом родстве главного героя и Щербакова было сказано выше. Но нетрудно заметить немало деталей и подробностей биографического сходства: оба покинули революционную Россию; имеют университетское образование, принадлежат одному социальному слою, в жизни того и другого произошла «какая-то катастрофа, связанная... с женщиной» [Там же, с. 168]. В прошлом Павел Александрович, так же как и главный герой, страдал тяжелой болезнью, от которой с трудом извлекся, проведя долгое время в госпитале [Там же].

Двойничество женских образов – Лиды и Катрин – мы уже отмечали. Следует обратить внимание и на то, что эквивалентные пары составляют не только изолированно мужские или женские образы. Парадоксально похожи нарратор и Лида: они неприкаянно совершают маятниковые перемещения из одной среды в другую. Нарратор и Катрин принадлежат ирреальному миру: он представляет собой «что-то забытые воспоминания» [3, с. 133], а она – объект его внутреннего «я». Амар является двойником не только главного героя, на что указывает причастность обоих к истории с убийством и судом (у одного – виртуальная, у другого – реальная), но и Лиды. Их объединяет мотив «смердения» [1], имеющий отношение к прошлому и Тунису. Биографии Лиды и Павла Александровича сближены и медицинской темой: однажды доктор приобщал Лиду к культуре и дал ей, пусть неиспользованную, возможность выйти из трудности, и Павел Александрович благодаря медицине когда-то в прошлом не увяз в той же нечистоте и безысходности.

Во-вторых, речевые характеристики не дифференцируют героев. Нестественно правильная книжная речь Щербакова, как русская, так и французская, с «удивительными интонациями уверенности в себе» [3, с. 131] вызывает некоторое возмущение у рассказчика, будто тот «не имел ни возможности, ни права говорить таким голосом» [Там же]. Негодование вызвано, может быть, и тем, что он узнавал собственную манеру говорить нарочито интеллигентными оборотами, выверенными практикой. Возможно, по той же причине во время первой беседы с Лидой его также «несколько раздражала – в патетических местах – ее склонность к книжным оборотам ...» [3, с. 190]. В обоих случаях он встретился с присущей ему безупречной речью, которая в других устах выглядела несколько гротескной и карикатурной.

В-третьих, сделаем вывод о призрачности, недовоплощенности и исчезновении всех газдановских персонажей. Например, Лида впервые появляется как пародийное напоминание о Катрин: в голубом платье она претенциозно демонстрирует музыкальный талант. Затем, по мере развивающихся отношений, она утрачивает четкость облика: *Чтобы не видеть ее, я закрыл глаза, и передо мной появилась привычная мягкая мгла...* [Там же, с. 179], а потом и вовсе растворяется: *Затем Лида расплылась, я увидел на ее месте мутное белое пятно* [Там же, с. 191]. Ее псевдометонимия – голубой цвет – как палитра синего и «посветлевшего» разлагается на компоненты, из которых Лиде достается безликая бледная масса. Показательно, что и герой желает «исчезнуть и раствориться, как призрак во сне, как утреннее пятно тумана» [Там же, с. 167].

Человеческая призрачность зеркально отражается в природе и предметных, вещных явлениях, сопровождающих действие. Определяя свое место в ненадежном мире, герой осознает, что все «может вдруг оказаться условным и призрачным» [3, с. 130]. Возвращаясь из пограничных состояний в реальность, он едва различает предметы «в сумеречном освещении» [Там же, с. 134]. Бессмертие для него – это «какое-то призрачное бессмертие» [Там же, с. 167], «кажущаяся победа над смертью» [Там же, с. 166], а послеболезненные или посмертные утешения – это «иллюзорные утешения» [Там же, с. 198]. Описания природных или архитектурных явлений, как и людей, импрессионистичны, зыбки, текучи и изменчивы, лишены резкости и очерченности. Употребляемые автором языковые средства усиливают неуверенность в происходящем, процент вводных слов со значением сомнения, неуверенности довольно высок [Там же, с. 219–220].

Можно заключить, что в анализируемом романе воплощено полифоническое множество разноголосых, обладающих минимальной атрибутивностью персонажей с признаками недооформленности и призрачности, но составляющих партитурное единство зеркальных отражений рассказчика, возвращающегося в сюжетное действие каждый раз в новом воплощении. Таким условным приемом Гайто Газданов воссоздает, с одной стороны, трагедию бесконечных страданий, фатальную закольцованность обреченных на одиночество и, с другой стороны, возможность и волю вырваться из круга множества абсурдных существований [Там же, с. 207]. Эстетическое преодоление этой трагедии писатель явил, создав роман «Возвращение Будды».

Библиографический список

1. Боярский В.А. «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и «Возвращение Будды» Г. Газданова: некоторые мотивные аналогии // Сайт «Хронос. Всемирная история в Интернете». URL: http://www.hrono.ru/statii/2002/boyar_gazd01.html (дата обращения: 20.03.2013).
2. Газданов Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Вечер у Клэр. История одного путешествия. Полет. Ночные дороги. М., 1996.
3. Газданов Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. Призрак Александра Вольфа. Возвращение Будды. Пилигримы. Пробуждение. Эвелина и ее друзья. М., 1996.
4. Зверев А.М. Парижский топос Газданова // Возвращение Гайто Газданова. Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения: Материалы и исследования / Сост. М.А. Васильева. М., 2000. С. 58–67.
5. Куталов К. О некоторых особенностях прозы Газданова на примере романа «Ночные дороги» // Сайт «Хронос. Всемирная история в Интернете». URL: <http://www.hrono.ru/statii/2001/gazdan14.html> (дата обращения: 20.03.2013).
6. Лопухин А.П. Толковая Библия. Т. 10. Стокгольм, 1987.

7. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Милан, 1996.
8. Опарин А.А. Колесо в колесе. В стране золота, первых денег и блудниц // Сайт «Наука и Библия». URL: <http://nauka.bible.com.ua/koleso/kol1-05.htm> (дата обращения: 20.03.2013).
9. Орлова О.М. От «Алексея Шувалова» к «Призраку Александра Вольфа» // Возвращение Гайто Газданова. Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения: Материалы и исследования / Сост. М.А. Васильева. М., 2000. С. 96–101.
10. Проскурина Е.Н. Единство иносказания: о нарративной поэтике романов Гайто Газданова. М., 2009.
11. Флоренский П. Столп и утверждение истины. М., 2002.
12. Яблоков Е.А. Нерегулируемые перекрестки. М., 2005.

А.В. Щербитко

Роман Всеволода Бенигсена «ГенАцид»: испытание книгой

Статья посвящена ключевой теме романа Вс. Бенигсена «ГенАцид» – книге, которая оказывается символом, воплощающим идею традиционных человеческих ценностей, разума и духа. Многогранным образом книги пронизан текст романа, превращая его в своеобразную книгу о книгах.

Ключевые слова: образ-символ книги, антиутопия, массовая культура, большинство, меньшинство, одномомерный человек, образ, текст, хаос, смех.

О романе Всеволода Бенигсена «ГенАцид», который был напечатан в ежемесячном журнале «Знамя» (№ 7, 2008 г.) и после нескольких номинаций на отечественные литературные премии был издан книгой, как и о самом писателе, пока мало пишут критики и литературоведы. Можно отметить также рецензии на спектакль, созданный по роману «ГенАцид» в московском театре «Современник»¹.

¹ Г. Заславский. Книга – худший подарок («Независимая газета», 1 ноября 2012 г.); М. Токарева. ГенАцид в Больших Ущерах («Новая газета», 22 октября 2012 г.); Н. Берман. Деревня фанатов русской литературы («Газета.ру», 22 октября 2012 г.) и др.

Время происходящего в романе действия – условно реальное время, в котором все события выстраиваются линейно и движутся к Новому году, рубежу, который становится символическим началом новой жизни. Место действия – некая российская деревушка Малые Ущеры, которая оказывается также символом мира, поскольку «иной фрагмент может поведать об общей картине гораздо больше, нежели самое необъятное живописное полотно» [2, с. 7]. Сюжет романа Бенигсена сформирован вокруг книги и все действия в нем, кроме прямого, имеют символические значения, что создает в романе несколько имплицитных пластов повествования.

Словно бы следуя теории, что «в мире конца века, все более подвластном материализму и анархизму, литература оказывалась последним оплотом против варварства, точкой опоры» [8, с. 43], российское правительство (также условное) проводит экспериментальную попытку провести в деревне объединение вокруг Государственной Единой Национальной Идеи (неслучайно названную ГЕНАЦИДом). В случае удачи действие указа должно распространиться по всей стране, однако о том, что только их деревня стала испытательным полигоном, сами жители до определенного момента не догадываются. Указ по причине «потребности общества в консолидации вокруг общенациональной идеи» пытается сформировать интерес «на сохранение и поддержание культурного (а конкретно литературного) наследия нашей Родины» [2, с. 22–23]. Таким образом, писателям, изрядно забытым на своей собственной земле, словно бы дается вторая жизнь, которая сосредоточена в их творчестве. Один из персонажей рассказа «Изгнанники» Р. Брэдбери, писателя, в произведениях которого часто разрабатывается образ и тема книги, говорил: *Вчера я был свечой, которая вот-вот погаснет, но вдруг пламя разгорелось с новой силой, потому что ребенок ... нашел на старом чердаке мою потрепанную, изъеденную временем книгу* [4, с. 613]. И в романе Бенигсена оказывается, что «поэты и писатели вроде как снова обретали давно утерянный ими статус властителей дум», а литература на некоторый срок становится для жителей деревни самым важным делом.

Однако воплощение, на первый взгляд, здорового указа дает неожиданные результаты. Жителям раздают тексты русских писателей и под страхом административного наказания заставляют выучить их к определенному сроку. Вначале негативно воспринявшие задачу односельчане постепенно вовлекаются в процесс выучивания, устраивают совместные читки. Затем народ начинает разделяться на группки в зависимости от того, к какому жанру относятся их текстовые фрагменты. Начинаются ссоры, затем, после самоубийства одного из жителей деревни, обстановка резко меняется. Народ, под влиянием смерти односельчанина из-за лите-

ратуры, начинает ее ненавидеть, убивает библиотекаря, сжигает выданные им книги и библиотеку, видя в ней «вражеское логово». А затем жизнь продолжает идти своим чередом.

Сюжет романа, таким образом, строится вокруг темы и образа книги как воплощенной литературы. Книга оказывается связанной с образами персонажей и существует неотделимо от родственных ей образов-символов библиотеки и библиотекаря и с образом враждебного и одновременно усиливающего значение книги огня как стихии, оппозиционной цивилизации и культуре.

Реализация образа книги оказывается парадоксальным образом связанной с несвободой, хотя книга традиционно означает индивидуальность, свободу, ведь сама «современная субъективность развилась благодаря литературному опыту и образом свободного человека является читатель» [8, с. 42]. Однако здесь книга распространяется насильственным способом, не совместимым с литературой, становится одним из механизмов воздействия на народ тоталитарным государством. Традиционная идеологическая связь книги с личным действием, с умственным усилием индивида полностью нарушается. Книга, которая традиционно учит «частности человеческого существования» через обращение «к человеку тет-а-тет, вступая с ним в прямые, без посредников, отношения» [3, с. 7–8], оказывается инструментом доминирования над человеком. Происходит смещение – книги нужно по приказу заучивать, но вникать в их смысл необязательно. На первый план выходит внешнее в книге – текст, а не внутреннее – сообщение, который несет этот текст. Устранение самой идеи книги приходит путем видимого принятия ее. А именно таким образом книга словно бы усваивается массовой культурой, превращающей продукт человеческого духа в один из винтиков бездушной государственной машины. При этом воплощаются идеи не ГЕНАЦИДа, а геноцида: угнетения своего народа иезуитски оправданным способом, через видимые благие намерения. По-чиновничьи строго предписывается: всем «в трехнедельный срок, то есть к 31 декабря сего года» выучить «отведенный ему отрывок литературного текста (или же целое произведение, в зависимости от объема) с последующим тестом на знание оного» [2, с. 23].

Парадоксальным образом литература трансформируется в одно из чудовищ, превращающих людей в массы, закрепляя отсутствие индивидуальности. При этом текст распределяется теми, кого нельзя назвать образованными людьми, например, Черепицыным, у которого «большинство произведений не вызывали в душе положительно никакого отклика» [2, с. 29]. Книги для властей только скучная необходимость,

что проявляется в характерной лексике: *Вся деревня с этой ботвой колупаться будет. И все, как миленькие, 31-го декабря экзамен пойдут сдавать* [Там же, с. 50]. Но есть и исключение. Это Антон Пахомов, который видит в происходящем миссию, отвечающую духу литературы.

Антон, бывший аспирант, а ныне библиотекарь, давно погружен в книжную среду. Он принимает на себя ответственность раздачи текстов, и оказывается, что эта ответственность является не номинальной, а действительной. В этом образ Антона приближается к таким литературным аналогам, как доктор Моро, Франкенштейн, профессор Преображенский и прочим героям-творцам, не способным нести бремя ответственности за свое творение. Однако ношу эту Антон берет на себя с легкостью, «ощущая себя в тот момент Творцом, вдыхающим жизнь в мертвые тела большеушерцев» [Там же, с. 47]. Он решает, что людей необходимо «Учить любви силой. Душу возвышать указами. В приказном порядке сердца искусством облагораживать» [Там же, с. 47–48].

Интересно, что образ Антона писатель создает в ироничном ключе. Писатель активно использует оксюморон, в утверждении о «возвышении души указами» и прочих соединениях несоединимого вызывая ассоциацию со стилем речи главного героя романа Замятина «Мы» («благодетельные тенеты счастья», «карающая рука Благодетеля» [6, с. 111, 92]). Но и все повествование, выстроенное как сатира не только на современную реальность, но и на природу человеческого общества вообще, имеет иронический тон (включая название романа). Это дает возможность найти в романе приметы комедии, деревенского анекдота, который писатель создает, следуя по пути, проложенным Гоголем, Чеховым, Зощенко и другими писателям-сатирикам, в произведениях которых «беззаботно-шутливые нотки являются только лишь фоном для нот боли и горечи» [13, с. 10]. Бенигсен неоднократно подчеркивает «неодушевленность» жителей деревни, их сходство с «медведями-шатунами», до времени проснувшимися от зимней спячки, с «зомби». При этом комический аспект создается посредством самой лексики повествователя, который как бы стоит на одном уровне с жителями деревни и воспринимается как один из представителей массового общества. Повествователь приспособливает свою речь к речи персонажей, имитирует ее. В его речи используется сниженная лексика, присказки (например, «ясен пень»), просторечие, юмористическое словообразование и сочетания слов («большеушербцы», «будет вам Пушкин», «похмельные руки»). Сатирически выписан и образ Антона. Свою вроде бы высокую миссию он выполняет несвободно от личных счетов с жителями деревни: *Вот спит Валера-тракторист. Ведь это он, гад, вчера за Пушкина пить предлагал. Ну и получай своего Пушкина* [2, с. 44].

Таким образом ситуация в деревне становится сатирой на жизнь, в которой до абсурда доведены черты реальности. Сравнение скромного библиотекаря с Творцом, весь пафос мыслей Антона оказывается необходим не только для того, чтобы осмеять и дискредитировать созданную нелепую ситуацию. Смех как особый писательский прием оказывается способом выявления недостатков, шуточный тон речи повествователя скрывает внутренний трагизм ситуации. Благодаря этому художественному приему создается два плана значения – внешний, юмористического повествования из жизни одной деревни, и внутренний – скрытого трагизма жизни. Именно благодаря иронии, в которой «все должно быть шуткой и все всерьез» [14, с. 360] в итоге проявляется внутреннее противоречия мира как хаоса.

Тема хаоса, неразделимая с темой смеха и его горьким проявлением – иронии, которая сама – «ясное сознания вечной подвижности, бесконечно полного хаоса» [Там же, с. 287], неоднократно появляется в романе. И в итоге хаос реализуется не только в иронии, но и в карнавальном смехе – причем в самом его жестком аспекте. Этот смех оказывается уже не только веселой относительностью мира, универсальностью, амбивалентностью, но и ницшеанским дионисийством, вылившимся в кровопролитие и жестокость¹. Иронический смех в хаосе бытия оказывается смехом злым, сатанинским.

Персонажи романа – типичные представители массового общества, «одномерные» (Маркузе), ничем не выделяющиеся люди, те, кто «ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной незначительностью» [12]. Жизнь их ограничена работой и досугом. Чтение же книг делает досугом более увлекательным, т.к. благодаря книгам «посиделки под водочку» «обогащались за счет появления новых тем для обсуждения» [2, с. 107]. И хотя книги по-новому переустраивают жизнь в деревне, перемены не меняют сути людей. Персонажи романа Бенигсена видят в книгах то, что созвучно их собственной личности. Книга не изменяет их мировоззрение, не ведет в иной мир (вопросов, чувств, мысли, индивидуальности), а, наоборот, будто бы сама трансформируется под массовое сознание. Поскольку внутренние монологи в романе даны только в характеристике Антона, это можно увидеть в оценке персонажами текста книг, который ими заучивается. Так, «каша из междометий и матерных восклицаний» Гришки кажется односельчанам «даже забавнее, чем стихи»

¹ Черты дионисийского культового жертвоприношения: ритуальной жертва – царь, лучшее, что народ имеет; убийство совершает толпа, находящаяся под воздействием опьяняющих средств.

Крученных [2, с. 118]. Основными мотивами, которые видятся жителям во всех без исключения литературных текстах, оказываются мотивы эротические (которые со времени с античных комедий близки народному смеху). Чтение текстов неизбежно вызывает скарედные шутки, по поводу чего одна из деревенских женщин, Агафья, замечает: *Кобели несчастные! Полторы извилины, да и те только в одном направлении шевелятся* [Там же, с. 119]. Книги остаются одним из способов развлечься, ведь и на сами «читки» ходят для того, чтобы поучаствовать в деревенской жизни, в том, «как народ нынче развлекается» [Там же, с. 118].

Однако один из персонажей все же поддается преображению под воздействием книг. Это Сергей Сериков (автором названный так по ассоциации с его главным признаком – серостью, обыкновенностью). Выданные ему произведения (Баратынского и Чехова) оказывают на него такое сильное воздействие, что он словно попадает внутрь книги. Сериков начинает размышлять над прочитанным, и в его сознании возникают вечные вопросы, неотвратимая потребность каждого мыслящего человека, пробуждается сознание, а сознание оказывается тяжелой ношей. После прочтения Чехова Сергей обнаруживает, что его «личные обстоятельства жизни... самым критическим образом наложились на очутившуюся в его руках литературу» [Там же, с. 172]. В романе душевную жизнь Серикова можно проследить в диалогах с Антоном, которого Сериков выбирает в качестве исповедника, и во внутренних монологах самого Антона, который чувствует себя виноватым в его муках. Пробуждение сознания из-за книг становится для Серикова пробуждением души, которая всегда обречена страдать «от извивающихся, как черви, мучительно грызущих, как черви, вопросительных знаков» [6, с. 162]. И это страдание отделяет Серикова от прежнего мира. Он становится индивидуальностью, книги помогают герою укрепиться в обретении «самостояния».

Однако при этом книги не только преобразуют. Врезая, словно скальпелем, оболочку бесчувственности, серости, они смертельно ранят и саму душу. И жизнь Серикова идет не к большей, чем прежде, полноте жизни, а к ее завершению. Но, хотя бы и на краткий миг, он становится истинным героем романа-антиутопии, обретает индивидуальность и, противопоставляя себя обществу, совершает выбор. И на примере этого персонажа писатель показывает, что нет ни одного абсолютно «одномерного» человека, не способного к жизни духа. В каждом живет вечность, т.к. человек – это парадокс, соединение противоречий, «с жалким скарбом проблем и сомнений. <...> Во всей его красоте и убогости» [2, с. 246].

Судьба Серикова оказалась трагичной, т.к. он замкнулся на самоанализе собственной пустоты. Он убивает себя, оставляя записку с цитатой

из произведения Чехова, ведь именно литература дала Серикову возможность «сверить» себя с образцами, выявить полную пустоту не только душевную, но и житейскую, которую нечем было наполнить. Так герой, оставшись лишь слабым человеком, не способным пройти путь истинного героя антиутопии, предпочитает сдаться. Но именно его поражение показывает потенциальную силу воздействия книг. Поэтому войти в мир художественного творчества отныне означает для остальных подвергнуть себя опасности. И на поминках происходит объединение всей деревни, вновь ставшей единым живым организмом. Смерть Серикова оказывается ключевой для формирования финала, т.к. он «не только оказался в эпицентре всеобщего волнения, но и объединил вокруг себя ранее непримиримых врагов» [Там же, с. 273], всех жителей деревни, которые всеобщим врагом объявляют книги: *перепыхала эта литература чистую душу простого человека, как комбайн целину. Да так, что не выдержал человек этого беспредела человеческих сомнений — взял да и в петлю* [Там же, с. 274]. Другим виновным становится библиотекарь, чье имя приходит на ум сразу всей толпе, ставшей в действительности «быдломассой», в вожаках у которой никчемный пьяница Гришка. Антон же сам чувствует, что он не только чужак здесь, но и виновный. Теперь уже он ясно отделен от толпы, с которой долго пытался «слиться», и которая готова призвать его к ответу: *За что ты нас так?* [Там же, с. 275].

Народ своим поведением показывает, что является варварским обществом, а ведь «ничто не может превзойти автоматизма и жестокости словесного, дописьменного общества в его безличном коллективизме» [10, с. 53]. Толпа сметает «чужаков» — Мансура, Антона, а затем сжигает библиотеку, место распространения инакомыслия и рождения сомнений. Огонь, эта лежащая в самом основании мира стихия, превращает книги в прах, чем создается образ символического уничтожения первобытным хаосом человеческой культуры и цивилизации. Акт деструкции, сопровождающийся веселыми возгласами и шутками, вновь связывается с близкой хаосу стихией смеха, через балаган на крови превращающего ужасающее действо в почти священное отстаивание права большинства.

Среднестатистическое современное общество в итоге оказывается племенем. И как дикарь не боится уже мертвого врага, так и персонажи романа, разгромив библиотеку, книг уже не опасаются: *книжки с пепелища, которые либо чудом остались целы, либо не до конца сгорели, большеулицеры растащили по домам* [2, с. 309]. Угрозы нет, библиотека потеряла свою мистическую силу, и существование людей продолжилось.

Таким образом, роман Бенигсена в своем воплощении оказывается близок таким текстам, как «Имя розы» (1980) У. Эко (финальный

пожар библиотеки, тема хаоса), «451° по Фаренгейту» (1953) Р. Брэдбери (тема влияния книги на человеческое сознание, огня, образ людей-книг), «О дивный новый мир» (1832) О. Хаксли (образ Дикаря с его восприятием мира через призму литературы), «МЫ» (1920) Е. Замятина (проблема пробуждения души и связанные с этим страдания) и многими другими литературными произведениями, в основе которых лежат тема и образ книги (с близким ей образами-символами огня и библиотеки), воплощенных в виде литературных романов-антиутопий, включающих в себя элементы научной фантастики или элементы сатиры. При этом, говоря о финале романа, следует отметить, что А. Зверев считал, что «серьезная антиутопия никогда не бывает фаталистичной, она не запусивает...» [7, с. 67]. Однако в мире, созданном Бенигсеном, антиутопия оказывается близкой сатире, в которой через высмеивание обличается зло. Это массовое сознание, устремление человеческой природы к злу, неспособность даже думающего человека нести ответственности за кого-либо, вследствие не только равнодушия и душевной лени, но и неспособности самому дать ответы на вечные вопросы. Это жестокость, тяготение к экспериментам над живыми людьми безо всякой жалости и любви к ним на всех уровнях человеческого общества (государство, Антон, жители). Это тяготение массового человека к злу, вследствие чего «серость» на умственном уровне обращается в душевную черноту на уровне нравственном.

Однако в романе Бенигсена ясно выписанными оказываются только проблемы, тогда как после их констатации автор не указывает никаких путей к их преодолению. Трагизм жизни остается единственной ее реальной чертой, в чем роман приближается в финальных строках к фаталистическим антиутопиям. Однако роман Бенигсена при этом является не таким четко выстроенным по логике мысли, как антиутопии Хаксли и Оруэлла, и не таким художественно совершенным по литературной составляющей, как романы Замятина или Брэдбери. И в то же время, Бенигсен в романе «ГенАцид» становится продолжателем традиций знаменитых литературных предшественников, по-новому, в своеобразной художественной форме поднимая не только социальные и современные проблемы, но и универсальные проблемы бытия.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Бахтин. Смех. Христианская культура // М.М. Бахтин как философ / Под ред. Л.А. Гогтишвили, П.С. Гуревич. М., 1992. С. 7–19.
2. Бенигсен Вс. ГенАцид: Роман. М., 2009.
3. Бродский И. Власть стихий: Эссе. СПб., 2010.

4. Брэдбери Р. Марсианские хроники: Сб. М., 2002.
5. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 73–79.
6. Замятин А. Мы: Сб. М., 2006.
7. Зверев А. «Когда поет последний час природы...» Антиутопия. XX век // Вопросы литературы. 1989. № 1. С. 26–69.
8. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. М., 2001.
9. Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.
10. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М., 2005.
11. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002.
12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Сайт «Библиотека Гумер – гуманитарные науки». URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gas_voss/ (дата обращения: 12.03.2013).
13. Томашевский Ю. Рассказы и повести Михаила Зощенко // Зощенко М. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Рассказы и фельетоны. М., 1994. С. 10.
14. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т. I. М., 1983.

Р.А. Арчаков

Конвенциональность и субстантивная номинация: к определению оснований речевого поведения носителя языка

Особое внимание автор уделяет фрагменту языковой картины мира, который отвечает за номинацию предметных денотатов, денотативных состояний и ситуаций и связан с субстантивной сферой вербализации предметности как общеязыковой категории и сферы когниогенеза.

Ключевые слова: конвенциональность, предметно-понятийная категориальность, номинация предметных денотатов, субстантив, языковая картина мира, когниогенез.

Актуальность исследования способов субстантивной номинации становится очевидной, когда речь идет об антропоцентрическом (а точнее – антропогенном) осмыслении процесса закрепления определенных единиц языка и речи за областью предметной денотации. Исследования последних лет в области теории наименования, в частности – концепция синтаксической номинации [4; 5], или лексинтактики [19], позволили выйти на уровень осмысления динамического подхода к актам обозначения предметов и явлений действительности, а следовательно – и к языковой картине мира как форме закрепления образа этой действительности в социальном и индивидуальном языковом сознании. Эвфемизмы, традиционно бывшие объектом анализа преимущественно в лингвостилистике, риторике и литературоведении (Д.Н. Шмелев, Л.М. Крысин, Б.А. Ларин, А.М. Кацев, Л.И. Рахманова, В.Н. Суздальцева, О.С. Сахно, А.С. Мейриева, В.П. Москвин и др.), стали осознаваться как разноструктурные речевые производные семиотического характера, чьи функции явно сложнее,

чем просто решение определенных художественно-изобразительных задач смягченного обозначения фактов определенных денотативных областей. Подход к эвфемизации как к проявлению общеязыковых категорий конвенциональности и аппроксимации (Дж. Серль, З. Вендлер, Дж. Садок, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, Е.В. Падучева, В.В. Бузаров, Е.С. Бочарова, С.В. Ионова, Р.А. Арчакова и др.) с позиций номинационно-синтаксического семиозиса позволяют включить в сферу анализа эвфемизации как особого способа номинации [12] фразовых наименований – предикативных единиц, выраженных по преимуществу субстантивной разновидностью местоименно-соотносительных придаточных сложноподчиненных предложений нерасчлененного типа и выступающих в качестве расчлененных наименований предметов и явлений окружающей действительности [4; 5]. Именно фразовое наименование мы в первую очередь имеем в виду, рассматривая вопрос о связи способов номинации и конвенционального употребления тех или иных номинативных единиц в соответствии со сложившимися правилами общения.

Выход номинации в область, относящуюся к речевому поведению, очевиден. В этом плане подход к выбору средств обозначения предметных денотатов, состояний и ситуаций адекватно обстоятельствам речи представляется весьма важным, поскольку непосредственно связан с речевым поведением говорящих. Так, когда мы слышим в трамвае реплику кондуктора *Кто еще не оплатил – оплачивайте за проезд!*, то даже не обращаем внимания на то, что сталкиваемся с употреблением в разговорной речи субстантивной фразовой номинации *кто еще не оплатил*, позволяющей произносящему ее в данной ситуации одновременно и описательно обобщить адресатов обращения, и актуализировать обращение индивидуально к каждому за счет расчленения внутренней формы наименования, и актуализировать экспрессивный момент своего общения с пассажирами. Субстантивное фразовое наименование, о котором идет речь, выступает удобной формой номинации еще и потому, что позволяет, не называя никого конкретно, сэкономить речевые усилия и решить актуальную для данной речевой ситуации коммуникативную задачу. Перед нами – типичный случай конвенционального употребления описательного субстантивного наименования.

Аналогичные случаи мы наблюдаем в языке художественной литературы. Так, когда в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» Вронский, узнав о гибели Анны, вбегает в казарму железнодорожной станции, он видит уже не Анну, а лишь «то, что оставалось от нее». Писатель глазами героя передает восприятие непередаваемого, не подвластного рассудку денотативного состояния также с помощью фразовой номинации, которая реша-

ет в данном случае функциональные задачи эвфемизации – завуалированного, смягченного обозначения [5, с. 296]. Здесь также присутствует авторская речевая конвенция, соблюдение этики общения в соответствии с общепринятыми договоренностями.

Совершенно справедливо высказывание Н.Д. Арутюновой о том, что общение между людьми, следующее определенным социальным конвенциям (договоренностям), определяется речью, или речевой деятельностью [1, с. 414], а следовательно – за счет включения в пространство конвенциональности категории языковой личности автора. Л. Витгенштейн считает, что конвенциональность является важнейшим признаком функционирования высказывания как речевого знака, когда в намерения говорящего может входить или не входить конвенциональное использование речевых единиц [12, с. 36–37].

Конвенциональность играет важную целенаправленную роль в организации речевого общения и участии в нем личности говорящего (автора), когда язык используется «для выражения мыслей, или для внесения в них ясности, или для того, чтобы, например, обмануть, снять неловкость от наступившего молчания, и т.д. и т.п.» [21, р. 19; 22, р. 13]. Конвенция требует от говорящего (автора) умения отбирать с намеренной ясностью такие средства языка, которые помогают одновременно и скрыть цель обозначения, и непосредственно указать на буквальное значение.

Когниогенез, имеющий непосредственный выход в семантику номинативных единиц, тесно связан и условиями их речевого употребления, среди которых немаловажное место занимают как убеждения, желания, намерения и цели, так и необходимость подчинять свое речевое поведение определенным условным договоренностям.

Конвенциональность – это категория речевого поведения, которая устанавливает запрет на употребление тех или иных номинаций (табу, налагаемое по причинам социального, религиозного, нравственно-этического, ситуативного, игрового и иного характера) и, соответственно, правила включения в практику речевого общения их «компенсаторов» – так называемых «конвенциональных имен», позволяющих восполнить недостаточность словаря и ликвидировать словарные лакуны. Можно предположить, что конвенция связана с регулированием словарной недостаточности мнимого типа, когда лакуна словаря заполняется по условной взаимной договоренности. Важно учитывать при этом роль языковой личности говорящего, который с помощью конвенциональной номинации формирует особый участок языковой картины мира. В силу своего индивидуально ощущаемого характера этот участок часто ассоциируется с речевой картиной мира.

Этимология термина «конвенция» («конвенциональность») восходит к латинскому языку: *conventio* (*conventire*) – «договариваюсь» («договариваться») [16, с. 900]. При этом слово *conventio* имело 10 значений: 1) сходиться, собираться; 2) принадлежать к определенному кругу; 3) попадать под власть мужа в результате брака; 4) сходиться с кем-либо, встречаться; 5) образовывать целое, соединяться; 6) соглашаться, быть согласным (*convenit* согласились насчет чего-либо, решено); 7) состояться, заключаться; 8) соответствовать, согласовываться, быть согласным; 9) относиться к кому-либо; 10) быть приличным, приличествовать [7, с. 220].

Семантическое пространство латинской номинации, вместе со своей формой и ее трансформациями (*конвенция*, *конвенциональность*, *конвенциональный*) оказывает воздействие и на употребление в русском языке. Думается, современная трактовка категории «конвенциональность» предполагает множественность интерпретаций при доминирующем начале семы «договор, соглашение» (ср. целый ряд русских субстантивных эквивалентов латинского понятия *conventio*: *договор*, *уговор*, *заговор*, *приговор*, *выговор*, *наговор*, *сговор*, *оговор*).

Как видим, конвенциональность тесно связана с репрезентацией словами субстантивной семантики. При этом решение задач гармонизации общения, снятия речевого дискомфорта с помощью употребления субстантивных *конвенктивов* может быть, на наш взгляд, рассмотрено в нескольких ракурсах: когнитивном, структурно-семиотическом, функционально-прагматическом.

Первый ракурс связан с реализацией субстантивной семантики, когда происходит взаимодействие концептосферы и семиосферы языка. Как нам представляется, конвенция – то недостающее звено, которое синтезирует акт речи, формирует его в тех случаях, когда необходимо разрешить проблемные речевые ситуации, связанные с необходимостью номинации отрезков картины мира, словарное обозначение которых по тем или причинам отсутствует, невозможно или нежелательно. Поэтому задачи конвенционального употребления явно шире, чем задачи эвфемизации, поскольку последняя предполагает решение задач завуалированного обозначения денотативных областей за счет употребления лексических номинаций типа теонимов и демонимов [18] или соматизмов [8] и др.

Конвенциональность обнаруживает себя на уровне отношений между концептом, обозначающим предметный денотат, и его субстантивной номинацией. Если сложность концепта не позволяет использовать лексическую номинацию с определенным значением, на помощь приходят производные номинационно-синтаксического семиозиса. В самом деле, рассмотрим следующий контекст: *Тепло-влажная трава... настойчиво*

говорила что-то, что недостойно вместить человеческое слово, чего не понять мозгу, сдавленному костяными покрывками (В.В. Вересаев. К жизни).

Здесь словарная недостаточность с точки зрения реализации говорящим концептной семантики носит неопределенный, необъяснимый характер, и это требует поиска тех доступных сознанию признаков обозначаемого, той атрибутики, которая хотя бы каким-то образом сможет сформировать внутреннюю форму номинации – а следовательно, и саму субстантивную номинацию аппроксимационного (приблизительного) типа [2].

Второй ракурс проявления конвенциональности и употребления субстантивных конвенктивов связан с переходом номинации из статического состояния в динамическое, когда реализуется «скрытая память языка» и структура переводится говорящим в соответствие с подвижностью семантики [19, с. 63–69]. Конвенциональность здесь способствует выявлению потенциала динамики речевого общения и возможностей синтаксической номинации в той или иной речевой ситуации. Вот известный пример: *в середине грудной клетки Григория словно одубело то, что до атаки суетливо гоняло кровь* (М.А. Шолохов. Тихий Дон). А.А. Буров считает, что употребление фразового наименования «то, что до атаки суетливо гоняло кровь» вместо имени существительного *сердце* – это не просто экспрессивно-синонимическая стилистический прием субституции – замены субстантива перифразой; здесь – особое «номинативно-экспрессивное употребление субстантивных местоименно-соотносительных перифраз, которое, ... восполняя экспрессивную недостаточность непредикативных средств номинации, позволяет воспринимать называемое описательно в образно-эмоциональном плане» [4, с. 117].

Для третьего ракурса конвенционализации характерно участие в употреблении субстантивных конвенктивов носителя языка как языковой личности, индивидуально воспринимающей фрагменты картины мира и реализующей субстантивные функции на уровне оттенков предметной семантики, воспринимающихся сугубо личностно. Данный ракурс выводит прагматику в области интимизации восприятия фрагментов языковой и – тем более – речевой картины мира. Например: *Он* (Каренин. – Р.А.) *вдруг почувствовал, что то самое, что было источником его страданий, стало источником его духовной радости, то, что казалось неразрешимым, когда он осуждал, упрекал и ненавидел, стало просто и ясно, когда он прощал и любил...* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

По выражению В.Г. Гака, называемый объект «обладает в принципе бесконечным числом признаков, элементов, отношений между

ними» [7, с. 25]. Однако и для конвенциональности, и для эвфемизации как одного из ее прямых проявлений в сознании говорящего оказываются существенными, с точки зрения данной речевой ситуации, лишь некоторые признаки. Внутренняя форма номинации-конвенктива специфична тем, что произвольна и субъективно маркирована: говорящий вступает в определенную игру с пространством атрибуции и пользуется той атрибутикой, которая регулируется уже выработанными правилами этой игры.

Обычно под лексическими лакунами понимаются пробелы, пропуски, отсутствие какой-либо лексической единицы в одном языке при ее наличии в другом языке или языках; в последнем случае она выступает как безэквивалентная [ср.: 3, с. 341; 14]. Другое понимание лакунарности, не связанное с контактами двух и более языков, относит нас к отсутствию словарного знака для номинации того или иного денотата, вызванное условиями конвенции [15; 20]. Определенный фрагмент картины мира, остающийся в соответствии с договоренностью и, конечно же, этическими речевыми нормами вне привычной лексической номинации, тем не менее на уровне словаря текста получает свое обозначение, только уже не словарного, а номинационно-синтаксического типа. Словарная лакуна заполняется отрезком текста, соответствующим определенной синтаксической единице [5]. Таким образом, требования речевого поведения в определенной ситуации удовлетворены: лакуна заполнена, предметный денотат получает обозначение, и задачи коммуникации решены. Проиллюстрируем этот процесс на примере употребления синтаксических наименований, которые обозначают предметные денотаты и денотативные состояния в тех речевых ситуациях, когда лексическая номинация по тем или иным причинам отсутствует или невозможна, и субстанция представлена говорящим приблизительно, неким речевым «абрисом», штрихом:

1) *Что-то грозное начинает повисать в воздухе* (М.А. Булгаков. Записки на манжетах); *Парнишка... был взят за границу представителем крупного чего-то (сталь и чугун, к примеру) и с осторожностью поехал...* (Л. Петрушевская. История стража); *Стёпа попытался думать о чем-нибудь нейтральном* (В. Пелевин. Числа); *Он как будто не с ней говорил, а спорил с кем-то отсутствующим* (Л. Улицкая. Веселые похороны);

2) *Ее глаза... казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени); *Что-то тяжелое, как пудовая гиря, обрушилось на его голову* (Л. Андреев. Иностранец); *Пианист играл что-то знакомое, из детства – «В лесу родилась елочка»* (Л. Петрушевская. Вольерганговна и Сергей Иванович); *Вонь горелого мяса напоминала ему о чем-то таинственном и давно забытом (даже при-*

шло в голову странное словосочетание – «гиена огненная») (В. Пелевин. Числа);

3) *Затем верх бревна надломился, немного склонился, и под Александром Семёновичем оказалось что-то напоминающее по высоте электрический московский столб (М.А. Булгаков. Роковые яйца); Что такое «САН», он не знал – может быть, группа в некоем учебном заведении или что-нибудь в этом роде; Его округлые щеки напоминали о двух выступах тройки, и что-то от той же тройки было в небольших черных усиках, естественным образом завивающихся вверх (В. Пелевин. Числа); Она была чем-то вроде совести, не дававшей покоя (В. Пелевин. Пашинцев);*

4) *Король благосклонно глянул на комедианта и, думая о чем-то другом, произнес что-то неопределенное, вроде того, что он, собственно, ничего не имеет против этой пьесы (М.А. Булгаков. Жизнь господина де Мольера); Поэтому он затеял нечто среднее, что-то такое, что до некоторой степени напоминало игру в бирюльки (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города); Чувствовалось что-то выморочное и в этом доме, и в этом человеке, что-то такое, что наводит невольный и суеверный страх (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы); Потом, точно ослабев от сделанного или вспомнив что-то важное, чего нельзя забывать ни на минуту, он (Павел. – Р.А.) бессильно бросил руки на постель, сгорбился и задумался (Л. Андреев. Весной); Поэтому он продолжал встречаться с Простиславом, и между ними вскоре установилось что-то вроде дружбы, которая очень шла к Стёпиной привычке есть палочками (В. Пелевин. Числа); В этих движениях было что-то настолько непристойное и одновременно возбуждающее, что на его губах появилась кривая улыбка (В. Пелевин. Числа); И не было ни одной общей точки, точки соприкосновения между ним и гостями; говорили они всё об чем-то, что было для него совершенной загадкой (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).*

Приведенные примеры разбиты нами на четыре группы далеко не случайно: от первой к четвертой возрастает номинационно-синтаксическое пространство приблизительных обозначений, появляются авторские детали, усиливающие намекающий план и повышающие экспрессивную весомость номинаций. Когда в последней группе в обозначение включаются предикативные синтаксические отрезки с разной степенью осложненности, конвенция постепенно перерастает в панорамную атрибутивную презентацию, где-то напоминающую игровой парад. Говорящий – в данных случаях художник слова – своеобразно обыгрывает сложившуюся конвенциональную ситуацию в своих экспрессивно-изобразительных целях.

Восполняя конвенциональную недостаточность словаря, эвфемистические наименования решают задачи экспрессивно-информационного плана, когда целью употребления является не просто выражение отношения к обозначаемому, а само обозначение, осуществляемое в соответствии с определенной конвенцией. Аналитическая форма эвфемизма облегчает наделение определенных денотатов окказиональными номинационными «масками». По мнению Д.Н. Шмелева, эвфемистические выражения позволяют «скрыть подлинную сущность обозначаемого. Например, в романе Достоевского “Идиот” дается такая характеристика одного из персонажей: “Афанасий Иванович никогда не скрывал, что он был несколько трусоват или, лучше сказать, в высшей степени консервативен”. Определения, естественно, не приобретают характера синонимов. Выразительность характеристики зависит здесь именно от контекстного сближения слов... Первое определение как бы раскрывает *внутреннюю* сущность второго, маскирующего» [20, с. 200]. В пространстве описательного выражения содержатся вполне понятные намеки на реальные атрибуты денотата, в том числе и в позиции предизируемого признака.

Конвенциональное переосмысление обозначаемого дает возможность говорящему за счет средств текста сформировать вторичные номинации синтаксического плана, которые совмещают собственно номинацию и образную характеристику денотата.

Перифрастическая эвфемизация, оставляя существо называемого скрытым, завуалированным, основана на выборе обыкновенных, особенно не выделяющихся атрибутов «внутренней формы», в основном косвенного, намекающего, ассоциативно связанного с существом дела плана. Экспрессивный фон употребления создается за счет «осколочных деталей» косвенно-номинационного характера, которые как бы «рассеяны» в тексте, но в совокупности позволяют воссоздать то, что подразумевается.

Сравним следующий контекст из «дикой животной сказки» Л. Петрушевской «Нирвана», в которой в иносказательной форме сталкиваются альтруистическое и хищническое начала человеческой природы:

Пожилый карп дядя Сережа имел одну цель в жизни, одно заветное желание...

И вдруг он увидел в реальности эту свою мечту, весь затрясся, загромыхал орденами и помчался навстречу ей.

А как раз червь Теофан в это время появился на берегу пруда, сел с томиком Ницше и задумался о том, зачем ему, червю, дана жизнь...

Карп дядя Сережа, однако, разлетевшись, вынужден был сделать «стоп машина» и сказать себе: в таком деле нужен ум, ум, ум, ум и ум.

При этом карп дядя Сережа делал губами глотательные движения, т.к. был сильно проголодавшись...

Затем он даже высунулся из пруда, воскликнувши: «Ум!»

Червь Феофан переспросил, так как не понял сути, и между сушией и водой завязался разговор, причем о вечности, о бренности, и карп дядя Сережа настаивал, что во всем нужен ум, ум и ум, а червь Феофан все спрашивал, к чему этот ум, если надо освободиться от всего, от тела, от земного, и уйти.

Слыша такие речи из уст своей, так сказать, мечты, карп дядя Сережа совсем потерял голову, звякнул орденами и предложил червю Феофану свои услуги в деле освобождения от тела, причем прямо здесь и теперь...

Мы выделили отрезки текста, которые в совокупности формируют в сознании читателя представление о сути предмета «общения» героев сказки. Налицо омонимическая игра – столкновение смыслов имени существительного *ум* («томик Ницше» и философско-созерцательные раздумья о смысле жизни) и похожего на него при произнесении звукоподражания, издаваемого в процессе «глотательных движений» при поедании добычи, а также намекающих деталей – синтаксических наименований типа «своей, так сказать, мечты» или «услуги в деле освобождения от тела».

Автор формирует текстовое конвенциональное пространство, в котором постепенно вырисовывается реальное значение того, что подразуется под «освобождением от тела». При этом постепенно просматривается иронически-трагический подтекст ситуации, которая сама стимулирует употребление второстепенных распространителей намекающего характера.

Соблюдая принцип конвенциональности, автор постепенно развертывает «намекающую» характеристику внутренней формы называемого эвфемистически и создает в нашем сознании образ ключевой денотативной ситуации, восполняя мнимую недостаточность словаря.

Мы видим, что словарь говорящего является своеобразной «номинационной точкой отсчета» в обозначении денотатов [17, с. 45], которая служит опорой при построении высказывания, при выборе словесного материала для его организации. Этот словарь – особый «лексикон», который потенциально включает все единицы, обладающие семантической целостностью на данном отрезке развития языка, а также отражает способность языковой личности (языковой личности автора) включать называемое в конкретную речевую ситуацию и осуществлять акт наименования непосредственно в тексте. По мнению А.А. Бурова, «номинация – это

все то, что предназначено для прагматики высказывания, иными словами, номинация семантики – и есть содержание коммуникации, однако обозначение семантического содержания коммуникативной единицы складывается из ряда номинационных составляющих уже плана употребления, а не значения» [5, с. 123]. Индивидуально ощущается при этом не словарь лексем, а словарь возникающих в тексте отрезков коммуникации, которые и воплощают в сознании говорящего реальное (пусть зачастую представляемое и виртуально) пространство денотации, никогда до конца не раскрывающееся, а потому и непознанное, и полностью не закрепленное за словарной номинацией лексического типа.

Каждая речевая ситуация связано для говорящего как с поиском путей обозначения привычных предметов, всякий раз открывающихся своими новыми – ситуативно значимыми – гранями и свойствами, – так и с выражением к ним своего отношения, которое также носит динамический характер. При этом осознаются такие денотативные состояния как физического, так и психического свойства, номинация которых может быть осуществлена только при непосредственном использовании ресурсов текстового пространства.

Полагаем, что можно согласиться, что действие «лингвистики нового этапа» – той лингвистики, «которая при первоначальной кажущейся “свободе” выбора того или иного варианта, в употреблении той или иной категориальной формы, позволяет разглядеть неописанные ранее категориальные разграничения. Эти категориальные отличия могут формироваться сейчас и явиться продуктом будущего. Они могут также быть “следом” былых, почти нейтрализованных, оппозиций. Если они являются отпечатком былых оппозиций, тогда они связаны с тем, что называют “скрытой памятью” языка» [6, с. 7]. В этой «скрытой памяти» находятся потенциальные возможности открытия, описания, систематизации и категоризации фактов речевой реальности, в том числе связанных и с конвенциональным употреблением субстантивной номинации. Кроме исторической, диахронической «скрытой памяти», есть еще память синхроническая, которая формируется на данном этапе развития языка и зависит от автора как языковой личности, творящей текст.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Речь // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 414–416.
2. Арчакова Р.А., Буров А.А. Местоименно-субстантивная аппроксимация в русском художественном тексте. Пятигорск–Магас, 2009.
3. Большой словарь иностранных слов / Под ред. Ю.А. Москвич. М., 2003.

4. Буров А.А. Функции субстантивных местоименно-соотносительных придаточных в тексте: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
5. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2000.
6. Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 2004.
7. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
8. Голованова Е.Ю. Эвфемизация табуированных соматизмов (На материале французского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005.
9. Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М., 2008.
10. Леденев Ю.И. Язык как многомерная гиперсистема // Системные отношения в языке. Ставрополь, 2008. С. 5–10.
11. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2004.
12. Сахно О.С. Фразовая номинация как средство речевой эвфемизации (на материале языка русской художественной литературы XIX–XXI вв.): Дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2006.
13. Сахно О.С. Фразовые эвфемизмы в русском языке. Пятигорск, 2008.
14. Сименюк А.А., Городецкая И.А. Лексические трудности русского языка. М., 1999.
15. Сорокин Ю.А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения // Семантика и прагматика текста. Барнаул, 1998. С. 32–37.
16. Тананушко К.А. Латинско-русский словарь. М.–Минск, 2002.
17. Фрикке Я.А. Фразовая номинация как средство выражения языковой личности автора художественного текста: Монография. Пятигорск, 2004.
18. Черникова Е.М. Эвфемизация теонимов и демонимов в некоторых индоевропейских и афразийских языках: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
19. Чесноков П.В. О двух картинах мира – статической и динамической // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1989. № 3. С. 63–69.
20. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.
21. Chomsky N. Problems of Knowledge and Freedom. NY., 1971. P. 19.
22. Davidson D. Communication and Convention. Synthese. 1984. № 59. P. 13–17.

Л.Д. Дубовикова

О проблемах разграничения префиксального словоизменения и словообразования в видовременной системе русского глагола

Статья представляет собой опыт описания аспектуальной префиксальной парадигмы в русском языке и содержит анализ ее типологических и специфических особенностей. В работе показана наглядная объяснительная модель русской глагольной префиксации, которая может быть успешно использована в практике преподавания инофонам семантики видов русского глагола.

Ключевые слова: аспектология, категория вида, префиксация, префиксальные видовые пары, способы глагольного действия, новые перфективированные глаголы.

Глагольная префиксация относится к числу важных проблем аспектологии и словоизменения/словообразования. Она вызывает многочисленные научные споры и представляет серьезные трудности для восприятия изучающими русский язык как неродной. На сегодняшний день в системе русской аспектологии единогласно не принята ни одна объяснительная модель русского вида и префиксального словообразования. Это неблагоприятно сказывается не только на состоянии научного описания данной грамматической категории, но и в прикладных областях, в частности, в преподавании иностранных языков. В своей работе мы не претендуем на собственный вариант окончательного решения данной «вечной» проблемы, перед нами стояла вполне конкретная цель – выделить ее наиболее существенные стороны и обозначить свое понимание тех вопросов, которые соотносятся с нашими исследовательскими задачами.

Категория вида является фундаментальной категорией русской и в целом славянской грамматики, где она является регулярной и обязательной и выражается во всех глагольных формах. В зависимости от смысла высказывания русская языковая система заставляет носителя языка каждый раз употреблять в устной речи или на письме глагольную лексему в форме либо несовершенного вида (НСВ), либо совершенного вида (СВ). Как известно, в славянских языках вид является грамматической реализацией аспектуальности. Аспектуальность как характеристика процесса протекания действия во времени представляет собой универсальный

смысл и составляет семантическую категорию, существующую во всех языках мира. Поэтому центральное понятие в славянской аспектологии составляют видовые пары, которые выражают регулярное грамматическое противопоставление двух смыслов – протяженности и лимитативности¹ (семы ПРОТ/ЛИМИТ) и являются единицей «измерения» вида в целом.

Носители русского языка усваивают систему видового противопоставления с рождения и употребляют в речи ту или иную форму глагола автоматически, неосознанно и безошибочно, в отличие от иностранных учащихся, в том числе и прекрасно владеющих русским языком. Для них огромной проблемой становится не только усвоение правил употребления видов, но и понимание сложной словообразовательной структуры русского глагола ввиду значительных расхождений между различными языковыми системами. В образовании русских форм НСВ и СВ участвуют аффиксы: префиксы, суффиксы и циркумфиксы, например: *стро-ить* → *строитьСЯ* → *ПОстроитьСя*. Они меняют грамматическую характеристику глагола и влияют на его сочетаемость. Суффиксальные видовые пары представляют собой ядро грамматической категории вида, т.к. имперфективация является более регулярным грамматическим процессом, чем перфективация. При имперфективации большая часть глаголов НСВ чаще всего (но не всегда) остается лексически тождественной своим коррелятам – глаголам СВ. От того или иного глагола СВ видовая пара может быть образована с помощью одного и только одного суффикса, выбор здесь небольшой. Это либо суффикс *-а-*, либо суффикс *-ва-*, либо суффикс *-ива-*: *явиться* → *являтьСя*, *дать* → *даВАть*, *выстроить* → *выстраИВАть*.

Что касается префиксов, то их у глагола может быть несколько. При этом префиксы могут изменять или не изменять лексическое значение глагольной лексемы. Другими словами, они могут не только участвовать в видообразовании и создавать формы слов, но и являться носителями деривационных значений и образовывать новые слова. В первом случае у глагола НСВ образуются видовые префиксальные корреляты СВ, т.е. видовые пары (членов видовой пары мы рассматриваем как формы

¹ Понятие лимитативности действия мы рассматриваем как инвариантное значение глаголов СВ, анализ которого представлен в работах А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, М.А. Шелякина [1–3; 11; 14]. Данный термин мы понимаем как физическое прекращение действия, его остановка (не обязательно как целостность, результат или внутренний предел) в конкретной точке на временной оси. В работе М.Ю. Чертковой инвариантная сема глаголов СВ ЛИМИТ соотносена с инвариантной семой глаголов НСВ ПРОТ (протяженность) как эквивалентная бинарная оппозиция грамматического противопоставления СВ и НСВ. Данные семы, по ее мнению, являются аспектуальными универсалиями, выражающими общекатегориальный инвариант вида – «действие во времени» [15].

одной лексемы, исходя из тезиса о том, что вид относится к словоизменительным категориям), во втором – новые глагольные лексемы СВ, не составляющие видовые пары с первоосновой. В структуре глагольного вида именно префиксальные пары труднее для вычленения и изучения, чем суффиксальные.

На примере глагола *звать* рассмотрим весь возможный спектр его приставочных образований (глагольную приставочную парадигму) – глагольных лексем, представляющих собой видовые пары, способы глагольного действия (СГД) и глаголы с новым лексическим значением. Приведем пример образования структуры приставочной парадигмы у данного глагола, реализующего лексико-семантический вариант (ЛСВ) «приглашать кого-либо куда-либо».

Так, приставка *по-*, присоединяясь к форме глагола НСВ *звать* (кого? что? куда?), образует парный видовой коррелят СВ *ПОзвать*: *звать* → *Позвать*: *Олю домой, соседа в гости, подругу на концерт*.

Приставки *воз-, вы-, за-, на-, об-, от-, под-, при-, про-, с-*, присоединяясь к этому же глаголу НСВ, образуют новые глаголы СВ:

звать → *ВОЗзвать* (к кому? к чему? о чем?) «долго обращаться с призывом»: *к Богу о милости, к властям о помиловании, к их разуму и совести*;

звать → *ВЫзвать*₁ (кого? что? куда?) «позвать откуда-нибудь, пригласить, предложить, потребовать явиться»: *врача на дом, родителей в школу*;

звать → *ВЫзвать*₂ (кого? на что?) «призвать, побудить к каким-то действиям»: *на разговор, на откровенность*;

звать → *ВЫзвать*₃ (что?) «заставить появиться, породить»: *пожар, войну, гнев начальника, раздражение*;

звать → *ЗАзвать* (кого? куда?) «долго приглашать куда-либо и наконец побудить прийти»: *сестру погулять, друга в кино*;

звать → *НАзвать*₁ (кого?) «пригласить многих, созвать какое-нибудь количество»: *гостей в ресторан, друзей на день рождения*;

звать → *НАзвать*₂ (кого? чего? кем? чем?) «дать имя, определить, охарактеризовать кого-, чего-либо»: *дочь Настей, вещи своими именами, чье-то поведение образцовым*;

звать → *НАзвать*₃ (кого? что?) «произнести имя, название кого-, чего-нибудь, сказав, объявить»: *имя победителя, фамилии студентов*;

звать → *ОБОзвать* (кого? что? кем? чем? как?) «дать кому-нибудь, чему-нибудь обидное название»: *брата лентяем, картину карикатурой*;

звать → *ОТОзвать*₁ (кого?) «позвав, заставить отойти куда-нибудь»: *собеседника в сторону*;

звать → *ОТОзвать*₂ (кого? что?) «потребовав обратно, вернуть»: *иск, работника из отпуска раньше времени;*

звать → *ОТОзватьСЯ*₁ (на что?) «откликнуться»: *на просьбу, на зов, на чужую проблему;*

звать → *ОТОзватьСЯ*₂ (о ком? о чем?) «высказать свое мнение, оценку»: *о новом сотруднике, о новой книге;*

звать → *ПОДозвать* (кого?) «позвать, попросив или заставив подойти»: *прохожего, продавца;*

звать → *ПРИзвать* (кого? что? к чему?) «позвать в связи со срочной необходимостью, пригласить, потребовать явиться»: *прохожих на помощь, юношей на военную службу, мужа к откровенному разговору;*

звать → *ПРОзвать* (кого? что? кем? чем? как?) «дать кому-нибудь прозвище»: *одноклассника толстяком, подругу растеряхой;*

звать → *СОзвать* (кого? что?) «позвать, пригласить многих»: *коллег на совещание, консилиум врачей, всех родственников на праздник.*

Разные приставки, присоединяясь к одному и тому же глаголу, могут образовывать несколько видовых пар: *мыть (руки)* → *ПОмыть, ВЫмыть*; *кормить (ребенка)* → *НАкормить, ПОкормить*. Префиксальные глаголы СВ *ВЫмыть* и *ПОмыть* имеют одинаковый коррелят НСВ – глагол *мыть*, а глаголы СВ *НАкормить* и *ПОкормить* соотносятся с лексемой НСВ *кормить*. Глагол НСВ *звонить*, реализуя ЛСВ «издавать звон», входит сразу в две результативные видовые пары: *звонить* – *ПОзвонить* и *звонить* – *ПРОзвонить*: *Телефон опять звонит раз и второй, – должно быть, кто-то точно знает, что он дома, но Скварыш все равно не подходит к трубке, хоть и тревожится еще больше*¹. Ср.: *Телефон опять прозвонил (позвонил) раз и второй, – должно быть, кто-то точно знал, что он дома, но Скварыш все равно не подошел к трубке, хоть и встревожился еще больше* (В. Быков). Этот факт принципиально отличает русские и славянские префиксы в целом от префиксов в других языках, в которых эти морфемы выполняют только роль словообразовательных формантов.

Результативные перфективные пары, наряду с суффиксальными и супплетивными, составляют ядро грамматической категории вида, между их коррелятами прослеживается полная лексическая тождественность: *делать* – *Сделать, рисовать* – *Нарисовать, читать* – *ПРОчитать* и т.д.

¹ Здесь и далее в качестве примеров использовались материалы сайта «Национальный корпус русского языка» [9].

Однако видовую пару не всегда составляют абсолютно тождественные по значению глаголы НСВ и СВ. Анализ функционирования русских глаголов свидетельствует о том, что видовая пара – это пара *близких* по значению глаголов, т.е. пара «функциональных видовых партнеров» (этот термин в отношении понятия видовой пары впервые введен и обоснован немецким лингвистом Ф. Леманом [6]), их ЛСВ, характеризующихся определенным семантико-структурным типом и отвечающих функциональному синтаксическому трансформационному критерию истинности видовой пары Маслова Ю.С. [8, с. 82], Чертковой М.Ю. [15, с. 112]. Контекст есть не только средство реализации грамматических значений вида, но и инструмент их обнаружения. Принцип функционально-коммуникативного подхода к исследованию префиксального видо- и словообразования дает возможность не только увидеть грамматическую категорию вида непосредственно в динамике развития современного языка, наглядно сопоставить ее с аналогичной категорией в других языках, но и позволяет успешно выстроить методику его преподавания в иностранной аудитории, направленную в первую очередь на практические цели овладения русским языком в речи.

Как мы говорили выше, у глагольной лексемы может быть несколько префиксальных видовых пар, которые характеризуют действие с разных видо-временных точек зрения и, соответственно, проявляют разные лексико-грамматические модели видовых пар [Там же, с. 127–130]. Нами выделяется четыре семантических типа видовых пар: результативные, которые являются более грамматикализированными и составляют ядро префиксального видообразования, а также начинательные, делимитативные и пердуративные, которые сформировались на базе способов глагольного действия и в современном языке функционируют и как СГД, и как пары. Несмотря на то, что многие аспектологи не признают их в качестве видовых, их существование невозможно игнорировать, это доказывает развитие современного русского языка.

Рассмотрим несколько примеров. Глагол *болеть* (чем?), реализуя ЛСВ «переносить какую-нибудь болезнь», имеет три видовые пары: результативную: *болеть* – *ПЕРЕболеть ангиной*, делимитативную: *болеть* – *ПОболеть ангиной* (сколько времени?), пердуративную: *болеть* – *ПРОболеть ангиной* (сколько времени?). Проверим их «парность» с помощью диагностического контекста Ю.С. Маслова: *Она где-то простудилась, переболела (поболела, проболела) ОРЗ, но уже неделю спустя, как ни в чем не бывало, раздался по затихшему было, насторожившемуся старому дому, перестук ее резвых каблучков, и привычные гаммы, ададжио, пассажи неслись из комнаты девочки. Ср.: Она где-то простужается,*

болеет ОРЗ, но уже неделю спустя, как ни в чем не бывало, раздается по затихшему было, насторожившемуся старому дому, перестук ее резвых каблучков, и привычные гаммы, адажио, пассажи несутся из комнаты девочки (Е. Маркова). *Она проболела (поболела) от горя недели три, потом несколько месяцев жила как в погребѣ, задыхаясь без его голоса; наконец стала выздоравливать от этой запойной любви и в конце концов выжила, обошлось...* Ср.: *Она болеет от горя недели три, потом несколько месяцев живет как в погребѣ, задыхаясь без его голоса; наконец выздоравливает от этой запойной любви и в конце концов выживает, обошлось...* (Д. Рубина). Все три глагола СВ составляют видовые пары с глаголом НСВ *болеть*. Таким образом, глагольная лексема *болеть* имеет многочисленную аспектуальную парадигму и объединяет в себе в одном и том же ЛСВ три приведенных выше типа видовых пар: результативную: *болеть* – *ПЕРЕболеть*; делимитативную: *болеть* – *ПОболеть*; пердуративную: *болеть* – *ПРОболеть*.

В современном русском языке имеется более 40 глагольных приставок, из них 17 оказываются способны выступать в качестве словоизменительных и словообразовательных морфем. В русском языке в других частях речи встречаются также морфемы, которые могут в одном слове выполнять одновременно и словоизменительную, и словообразовательную функцию, а также употребляться то в одной функции, то в другой: *ужин* → *ужинать*, где суффикс *-а-* имеет словообразовательную функцию, создавая новое слово – глагол, и грамматическую функцию, переводя имя существительное в разряд глаголов. А также другие примеры: *дышать* – *дыша*, где суффикс *-а-* участвует в словоизменении и образует форму деепричастия; *соль* → *солить* и *солить* → *соли*; *синий* → *синеть* и *жаркий* → *жарче*.

Итак, перечислим 17 приставок с двоякой функцией: *вз-*(*взо-*, *вс-*), *воз-*(*возо-*, *вос-*), *вы-*, *за-*, *из-* (*изо-*, *ис-*), *на-*, *о-*, *об-*(*обо-*), *от-*(*ото-*), *пере-*, *по-*, *под-*(*подо-*), *при-*, *про-*, *раз-*(*разо-*, *рас-*), *с-*(*со-*), *у-*: *волноваться* – *ВЗволноваться*, *ненавидеть* – *ВОЗненавидеть*, *лечить* – *ВЫлечить*, *планировать* – *ЗАпланировать*, *печь* – *ИСпечь*, *рисовать* – *НАрисовать*, *слабеть* – *Ослабеть*, *венчать* – *ОБвенчать*, *редактировать* – *ОТредактировать*, *ночевать* – *ПЕРЕночевать*, *темнеть* – *ПОтемнеть*, *готовить* – *ПОДготовить*, *готовить* – *ПРИготовить*, *сверлить* – *ПРОсверлить*, *сердить* – *РАСсердить*, *есть* – *Съесть*, *жалить* – *Ужалить*. Когда префикс, присоединяясь к конкретной основе глагола, грамматизируется и ослабляет свое лексическое значение, он выполняет не словообразовательную, а словоизменительную функцию. Его словоизменительная роль сводится только к выражению грамматического значения

СВ, а именно – лимитативности действия [15, с. 131–135]. Ю.С. Маслов с полным основанием относил такие приставки к «словоизменительным видовым префиксам» [7, с. 179].

Как нами отмечалось выше, перфективация представлена неоднородным количеством перфективных видовых пар, различающихся грамматической семантикой, которая характеризует все глагольные действия относительно временного интервала их совершения. Одна глагольная лексема может иметь до 5 видовых префиксальных пар, различающихся временной семантикой.

Большинство глагольных лексем НСВ имеет не одну, а две-три видовые пары. Наиболее продуктивными и частотными перфективирующими словоизменительными морфемами, изменяющими глагольный вид, оказываются префиксы *по-*, *про-*, *за-*, *с-*.

Префикс *по-*, выступая в роли словоизменительной морфемы, создает следующие семантико-видообразовательные модели пар.

1. Видовые пары с начинательным значением (моментальные). В этой группе оказываются исходные глаголы однонаправленного движения и некоторые другие, семантически сходные с ними, а также глаголы восприятия с помощью органов чувств: *бежать* – *ПОбежать*, *везти* – *ПОВезти*, *ехать* – *ПОехать*, *катить* – *ПОкатить*, *сыпаться* – *ПОсыпаться*, *литься* – *ПОлиться*, *чувствовать* – *ПОчувствовать*, *слышаться* – *ПОслышаться*, *мерещиться* – *ПОмерещиться*.

2. Видовые пары с результативным значением. Здесь имеют место корреляты от исходных глаголов, семантика которых направлена на достижение результата, а также пары, образованные от некоторых глаголов становления и глаголов непосредственного эффекта: *смотреть* – *ПОсмотреть*, *жарить* – *ПОжарить*, *звонить* – *ПОзвонить*, *темнеть* – *ПОтемнеть*, *белеть* – *ПОбелеть*, *стареть* – *ПОстареть*, *звать* – *ПОзвать*, *шутить* – *ПОшутить*.

3. Видовые пары с делимитативным и результативным значением: *кататься* – *ПОкататься*, *говорить* – *ПОговорить*, *искать* – *ПОискать*, *решать* – *ПОрешать*, *бегать* – *ПОбегать*.

Префикс *про-* участвует в образовании следующих видовых пар.

1. Видовые пары с результативным значением, а также пары, образованные от глаголов со значением рече- и звукопроизводства. Приставка *про-* придает корреляту значение предела действия, направленного сквозь, через что-либо: *читать* – *ПРОчитать*, *листать* – *ПРОлистать*, *голосовать* – *ПРОголосовать*, *свистеть* – *ПРОсвистеть*, *бормотать* – *ПРОбормотать*, *пищать* – *ПРОпистать*, *кричать* – *ПРОкричать*, *шипеть* – *ПРОшипеть*.

2. Видовые пары с пердуративным значением: *говорить по телефону* – *ПРОговорить час по телефону*, *смотреть в окно* – *ПРОсмотреть весь день в окно*, *спать несколько часов* – *ПРОспать несколько часов*, *болеть весь отпуск* – *ПРОболеть весь отпуск*.

Префикс *за-* образует два типа видовых пар.

1. Результативные со значением предела, направленного на заполнение, покрытие, закрытие чего-либо чем-либо: *асфальтировать* – *Заасфальтировать*, *цементировать* – *Зацементировать*, *ламинировать* – *Заламинировать*.

2. Начинательные: *аплодировать* – *Зааплодировать*, *волноваться* – *Заволноваться*, *играть* – *Заиграть*.

Приставка *с-* придает общее значение достижения результата: *бегать* – *Сбегать*, *варить* – *Сварить*, *возить* – *Свозить*, *делать* – *Сделать*. Приставка *с-* часто образует пары разговорного стиля речи: *готовить* – *Сготовить*, *строить (глазки)* – *Состроить (глазки)*.

Категория вида, как известно, принадлежит также к области деривации, т.к. русские глагольные приставки участвуют не только в процессе создания видовых пар, т.е. в словоизменении, но и, имея разветвленную область различных лексических значений, являются продуктивным словообразовательным средством создания новых лексем. Если рассматривать область образования новых префиксальных лексем, неоднозначным остается вопрос о статусе способов глагольного действия. «Для аспектологии аспектуальные способы действия важны не сами по себе, а как такие семантические признаки глаголов, которые обладают объяснительной силой при изучении видовых свойств отдельных групп глаголов. Этим и оправдывается их место в грамматике...» [13, с. 125]. Среди лингвистов идут постоянные споры, признать ли эти глаголы новыми лексемами или рассматривать их в зоне словоизменения. Конечно, данные глаголы в значительной степени близки к словообразованию, однако понятие так называемых СГД несколько не противоречит понятию видовых пар, т.к. глаголы, входящие в видовые пары, не обязательно должны быть полностью тождественны друг другу и могут различаться дополнительными смысловыми оттенками и представлять собой лексически близкие, а не тождественные единицы.

Случаи возникновения дополнительных оттенков у членов видовых пар, привносимые приставками, а также случаи расхождения их разных ЛСВ могут рассматриваться как «внутрисловные различия одной лексемы» [12, с. 158] или как «вариации лексических значений разных форм одного и того же глагола» [5, с. 91]. Имеются соотносительные и несоотносительные по виду конкретные корреляты (не СГД). Например, в гла-

голе *ПРОспать* (ЛСВ «в течение некоторого времени спать») приставка *про-* создает пердуративную пару к глаголу *спать*: *спать* – *ПРОспать весь день* – и участвует в процессе словоизменения. Процесс словоизменения доказывает тот факт, что два члена одной видовой пары имеют одно лексическое значение, одно управление и функционируют во всех типах контекста как морфологические члены одной словесной единицы: *Потом Сергей лег на нижнюю полку, обнял футляр с упрятым внутри инструментом и проспал до Москвы* (Л. Улицкая). Ср.: *И вот Сергей ложится на нижнюю полку, обнимает футляр с упрятым внутри инструментом и спит до Москвы*. Как видим, нельзя сказать «*просыпает до Москвы*», здесь возможен только парный коррелят НСВ «*спит до Москвы*», следовательно, глаголы *спать* – *ПРОспать* (сколько времени?) являются видовыми парами. Присоединяясь к этому же глаголу *спать*, приставка *про-* актуализирует пространственное лексическое значение «сквозь, через», и образует другой ЛСВ лексемы *проспать* с другим управлением в значении «проснуться позже, чем нужно»: *Нарочно приехал сюда, подумал поезд встретить на станции, и вдруг проспал* (А. Чехов). *И вот нарочно приезжаю сюда, думаю поезд встретить на станции, и вдруг ПРОсыпаю*. В этом предложении глагол *ПРОспать* не может быть соотнесен с глаголом *спать*, т.к. в этом ЛСВ их смыслы расходятся, и здесь возможен только парный глагол *ПРОсыпать*.

Итак, СГД – это пограничная зона между словоизменением и словообразованием, к ней относятся глаголы, образованные при помощи префиксов, а также префиксов и циркумфиксов на *-ся*, передающих количественно-временные отношения. СГД относятся к более периферийной зоне категории вида и чуть менее грамматикализованы, чем имперфективные и перфективные пары с чисто видовыми префиксами. Именно «из зоны СГД, смежной и находящейся, с одной стороны, как бы за рамками категории вида, а с другой стороны, лежащей в самой основе категории вида, вид как грамматическая, более глобальная категория находит возможности своего развития» [16, с. 223].

Рассмотрим полную префиксальную парадигму глагола *строить*, реализующий ЛСВ «(что?) возводить, создавать какое-нибудь сооружение, машину» [10, с. 760], а именно: видовые пары, все возможные СГД и новые префиксальные лексемы с их соотносительными коррелятами.

С помощью диагностического контекста определим и выделим видовые пары у глагола *строить* с учетом указанного выше ЛСВ (в приведенных ниже примерах подчеркнем цепь участвующих глаголов, которые мы трансформируем в настоящее историческое время). Словарь русского языка С.И. Ожегова выделяет у глагола *строить* в данном значе-

нии такие пары: *строить* – *ВЫстроить*; *ВЫстроить* – *ВЫстраивать/строить*; *строить* – *ПОстроить*: Он еще пытался вернуть расположение властей, продолжал звонить в Министерство культуры и даже выстроил (построил) на собственные сбережения детский сад. Ср.: Он еще пытается вернуть расположение властей, продолжает звонить в Министерство культуры и даже выстраивает (строит) на собственные сбережения детский сад (Е. Акимова). Они купались, учили Мишку плавать, выстроили (построили) лабиринт из мокрого песка, потом заснули и проснулись под вечер, когда солнце утихомирилось и с моря подул ветерок... Ср.: Они купаются, учат Мишку плавать, выстраивают (строят) лабиринт из мокрого песка, потом засыпают и просыпаются под вечер, когда солнце утихомирилось и с моря подул ветерок... (Л. Улицкая).

Как видно из данного предложения, в соответствии с критерием истинности/неистинности видовой пары лексема *строить* имеет две видовые пары: *строить* – *ВЫстроить* (*ВЫстраиВАть*), *строить* – *ПОстроить*. Лексема *строить* входит в видовую тройку вместе с соотносительным глаголом СВ *ВЫстроить* и с вторичным имперфективом *ВЫстраиВАть*, который представляет собой дублетную форму НСВ, маркирующую результат действия *строить*.

Итак, глагол *строить*, реализуя ЛСВ в значении ЛСВ «(что?) возводить, создавать какое-нибудь сооружение, машину», имеет многочленную парадигму, включающую две формы СВ, образованные приставками *по-* и *вы-*: *строить* – *ПОстроить*, *строить* – *ВЫстроить* и дублетную форму НСВ вторичный имперфектив *ВЫстраиВАть*.

Теперь перечислим все префиксальные глаголы СВ с количественно-временными характеристиками, образованные от лексемы *строить*, т.е. способы глагольного действия. Все полученные приставочные лексемы соотнесем с видовыми парными коррелятами:

строить → *Встроить* (что? во что?) «построить, соорудить внутри чего-нибудь»: *встроить* – *встраивать*: В Америке таких проблем не было: как только котенок подрос, для него встроили специальную откидную дверцу, чтобы он мог уходить из дома и возвращаться, когда ему заблагорассудится (И. Безладнова);

строить → *ДОстроить* (что?) «построить до конца»: *достроить* – *достраивать*: На этом пустыре хоть что-то достроили до конца (Е. Прошкин);

строить → *ДОстроитьСЯ* (до чего?) «долго строить, получив какую-нибудь неприятность»: *Достроились до того, что один киловатт энергии уже едва ли не дороже золота* (С. Заворотный, И. Черняк);

строить → *ЗАстроить* (что?) «занять большим количеством новых построек какой-нибудь участок земли»: *застроить* – *застраивать*: *Исключение составляет, пожалуй, только Лондон, центр которого в дни расцвета Британской империи застроили массивными правительственными зданиями, грандиозными соборами в стиле поздней готики и вычурными частными особняками* (Л. Безрукова);

строить → *НАстроить*₁ (чего?) «построить в большом количестве»: *настроить*₁ – *настраивать*: *Старик, морщась от боли, бежал по хрустящей, как будто — скорлупе, но по яйцу огромному — в крапинках, из которого даже проросли деревья и на котором настроили зданий* (Ю. Петкевич);

строить → *ОБстроить* (что?) «построить кругом чего-либо в некотором количестве»: *обстроить* – *обстраивать*: *Зданиями, словами, чувствами обстроили и заселили землю* (В. Панова);

строить → *ОТстроить*₁ (что?) «закончить строить»: *отстроить*₁ – *отстраивать*: *Всем миром отстроили спаленную войной деревню, насадили сады, возвели школу* (А. Казинцев);

строить → *ПЕРЕстроить* (что?) «произвести переделку в какой-нибудь постройке»: *перестроить* – *перестраивать*: *Дом перестроили после разгрома, развернув на этот раз задворками к трубе, да еще поставили у входа с фасада цементных львов, что обеспечивало добрый фэн шуй* (В. Скворцов);

строить → *ПОДстроить*₁ (что?) «построить еще что-нибудь рядом с тем, что уже имеется»: *подстроить*₁ – *подстраивать*: *Чтоб не горел — сеточку такую подстроили из проволоки* (А. Солженицын);

строить → *ПРИстроить* (что? к чему?) «построить дополнительно к чему-нибудь, сделав одно целое»: *пристроить* – *пристраивать*: *Под руководством архитектора Г.И. Шеделя к парадной центральной части здания пристроили двухэтажный западный флигель с «надугольными палатами...»* (Т. Базарова).

Теперь покажем все префиксальные лексемы с новыми лексическими значениями, образованные от глагола *строить*, включая их корреляты:

строить → *НАстроить*₂ (что?) «отрегулировать, привести в нужное техническое состояние»: *настроить*₂ – *настраивать*: *Теоретически пользователи могут настроить программное обеспечение и сами, но сделать это сложнее, чем установить обычную прикладную программу* (Е. Дридзе, С. Баричев);

строить → *НАстроить*₃ (кого? на что?) «привести кого-нибудь в какое-либо настроение, внушить кому-н. какие-либо чувства, мысли по

отношению к кому-чему-н.»: *настроить*₃ – *настраи́вать*: Тренеру удалось *настроить* мальчишек, да и сами они *рвались* в бой (В. Габран);

строить → *ОБ-У-строить* (что?) «создать где-либо уют, приятный жилой вид»: *обустроить* – *обустраи́вать*: Вы только что *обустроили* свой уголок отдыха – *замостили* площадку и *расставили* садовую мебель... (В. Иршенкова);

строить → *ОТстроить*₂ (что?) «наладить так, чтобы не мешали близкие по длине волны»: *отстроить*₂ – *отстраи́вать*: Музыканты сами *чего-то крутили* на сцене, но так и не *добились*, то есть *звук гитарный* ему так и не *отстроили* (А. Помещиков);

строить → *ПЕРЕстроитьСЯ* «изменить порядок своей работы, направление своей деятельности»: *перестроиться* – *перестраиваться*: После первого матча с каталонцами мы *учли* свои *ошибки*, *перестроились* в тактике, и это *принесло* свои *плоды* (Ю. Дудь);

строить → *ПОДстроить*₂ (что?) «втайне, с умыслом устроить, сделать что-нибудь»: *подстроить*₂ – *подстраи́вать*: Из *чего* было бы еще *соблазнительнее* сделать *вывод*, что они как бы *подстроили* *убийство Асеба*, *использовав* нас с Мелой в качестве *простых орудий* (А. Пятигорский);

строить → *ПОДстроитьСЯ* (под кого? подо что?) «приблизить темп или образ своей деятельности к темпу или образу деятельности кого-чего-нибудь, а также, чтобы угодить»: *подстроиться* – *подстраиваться*: По мнению аналитиков, *имеющегося* времени *вполне достаточно* для того, чтобы *оптовые компании подстроились* под *новые условия лицензирования* (В. Штанов);

строить → *ПРИстроитьСЯ* «устроиться на работу»: *пристроиться* – *пристраи́ваться*: Лаборатория, в которой *пристроился* Илья, оказалась *полусекретная*, и до него, по *халатности*, по *недоразумению* или в силу *тугодумства администрации*, не *добрались*... (Л. Улицкая);

строить → *РАСстроить*₁ (что?) «помешать осуществлению чего-либо»: *расстроить*₁ – *расстраи́вать*: Планы *расстроили* друзья, *уговорившие* Сергея за *компанию* *подать* *заявление* в *строительный институт* (Ю. Мамаев);

строить → *РАСстроить*₂ (кого? что?) «огорчить, привести в плохое душевное состояние»: *расстроить*₂ – *расстраи́вать*: *Результаты* его *расстроили*: мальчишка из *параллельного класса* был не так чтобы «*первый сорт*» – *троечник* и, как *поговаривали*, *несмотря на нежный возраст*, *вполне состоявшийся бабник* (С. Таранов);

строить → *Устроить*₁ (что?) «сделать, создать, организовать»: *устроить*₁ – *устраи́вать*: В *Новом Уренгое* *устроили* *праздник* для

самых младших зрителей: программа составлена из сказок, каждый день на двух сценах Культурно-спортивного центра «Газодобытчик» (большой и малой) шли спектакли детских и кукольных театров... («Экран и сцена»);

строить → *Устроить*₂ (что?) «учинить, вызвать своими действиями»: *устроить*₂ – *устраивать*: Своего рода «подвох» мы сами себе устроили после советско-финской войны, когда военное руководство пришло к поспешному выводу, что главное – это подготовить роты и батальоны, а остальные органы управления – сработают (М. Гареев);

строить → *Устроить*₃ (что?) «наладить, придав нужный вид, установить порядок»: *устроить*₃ – *устраивать*: Выехали на вокзал заранее, прокатились через центр Москвы – устроили обзорную экскурсию для Кости (отчет о велосипедном походе).

Итак, вышеперечисленные префиксы образовали от лексемы *строить* две видовые пары, 23 новых глагола, из них 9 лексем, базирующихся на близости лексического значения с исходной лексемой *строить*, и 14 глаголов, имеющих с ней значительные лексические расхождения. «Многозначность глагольного слова усиливается разнообразием живых значений приставок, сложным взаимодействием их со значениями слов, различиями в морфологическом составе и морфологической делимости производных омонимов, – писал В.В. Виноградов, – в глаголе способы объединения и дифференциации значений разнообразнее, чем в именах» [4, с. 353].

Префиксальные русские глаголы представляют собой традиционно трудный объект изучения в иноязычной аудитории. Их употребление связано с большим количеством ошибок в речи учащихся. Эта тема становится особенно актуальной в связи с тем, что до сих пор остается проблематичным вопрос о методических принципах преподавания префиксального видо- и словообразования в иностранной аудитории. Морфологическая категория вида является одной из самых трудных морфологических категорий, которую мы рассматриваем, с одной стороны, как явление, концепт аспектуальности, языковой универсалии, существующей во всех языках мира, с другой – как специфическую грамматическую форму ее выражения, характерную для славянских языков.

Нам представляется перспективным обучать иностранцев префиксальным русским глаголам, выделяя рассмотренные выше три основные лексико-грамматические группы. В создании данной объяснительной модели мы исходили из интегрального описания исследуемой грамматической категории вида во взаимосвязи с образующей ее лексической базой и с реализующими ее синтаксисом и лингвистикой текста.

Описанная выше наглядная объяснительная модель префиксального видо- и словообразования, выстроенная на основе разграничения этих двух явлений в русском языке, на наш взгляд, поможет иностранным учащимся в осознании и овладении самой сложной категорией русской грамматики – вида/асpekта, существующей во всех языках мира, позволит избежать многих вопросов интерференции со стороны их родного языка и будет способствовать эффективности обучения в целом.

Библиографический список

1. Бондарко А.В. Семантика глагольного вида в русском языке // *Beiträge zur Slavistik XXIV*. Frankfurt/Mein etc., 1995. С. 67–83.
2. Бондарко А.В. Семантика предела // *Вопросы языкознания*. 1986. № 1. С. 14–25.
3. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 2001.
5. Виноградов В.В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // *Вопросы языкознания*. 1956. № 5. С. 80–94.
6. Леман Ф. Альтернации акциональных функций русского глагола // *Семантика и структура славянского вида* / Под ред. С. Кароляк. Краков, 1995. С. 113–130.
7. Маслов Ю.С. О морфологических средствах современного болгарского языка // *Ученые записки ЛГУ. Вопросы грамматического строя и словарного состава языка*. 1952. № 156. Вып. 15. Т. I. С. 155–193.
8. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.03.2013).
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2003.
11. Русская грамматика: Т. 2. М., 1980.
12. Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. М., 1998.
13. Шелякин М.А. Категория аспектуальности русского глагола. М., 2008.
14. Шелякин М.А. Основные проблемы современной русской аспектологии // *Ученые записки Тартуского гос. ун-та*. Вып. 434. *Вопросы русской аспектологии*. Вып. II. Тарту, 1977. С. 3–13.
15. Черткова М.Ю. Грамматическая категория вида в русском языке. М., 1996.
16. Черткова М.Ю. Ответы на вопросы аспектологической анкеты филологического факультета МГУ // *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова* / Под ред. Чертковой М.Ю. Т. 2. М., 1997. С. 219–224.

И.Г. Кошечая

О тройной сегментации времени и пространства

Время, будучи объективным явлением, психологически воспринимается, логически оценивается и получает свое выражение в структурных моделях языка путем тройной сегментации: антивре́мя (как прошедшее), собственно время (как настоящее) и псевдо́время (как будущее). Языковая материализация времени связана с сегментацией пространства как допространства (совмещенного с антивременем), собственно пространства (совмещаемого с собственно временем) и сверхпространства (совмещаемого с псевдовременем). В соответствии с процессом совмещения язык располагает двумя моделями: 1) разделенной (как в современном русском и древнеанглийском); 2) смешанной (как в современном английском и древнерусском).

Ключевые слова: языковая модель, ативре́мя, псевдо́время, собственно время, прошедшее время, настоящее время, будущее время.

Язык, преломляя в своих знаковых системах значение конечного и бесконечного, выступает специфическим средством отражения объективных пространственно-временных отношений. Последние же, как формы бытия материи, безграничны по отношению к материи вообще. Однако характеризуя вещи, конкретно отраженные в их языковых связях, пространство и время выступают как ограничители этих вещей (а, следовательно, и самого мышления человека, поскольку каждая вещь измерима в пространственных и временных координатах).

Время, как известно, атрибут материи, т.е. неотъемлемое свойство вещей, которое характеризует превращение вещей и необратимость их движения. Поэтому время является определенным эталоном изменения состояния вещей. Нельзя не учитывать при этом, что объективное время воспринимается через субъективное: оно психологически схватывается, логически осмысливается и находит свое выражение с помощью языковой категории времени [1].

Вопрос о материализации времени непосредственно связан с предложенным нами разделением объективного времени на антивремя, псевдо-время и собственно время [2, с. 194–197; 3, с. 88–106]. Материализация времени является основным моментом бытия всего сущего, без которого нельзя говорить о существовании тел в пространстве. А это значит, что решение данного в высшей степени проблемного вопроса связано с

характером мыслительного восприятия пространства в его психологическом расщеплении на допространство, сверхпространство и собственно пространство.

Время – это объективная реальность, движение которой имеет свою процессуальность. По отношению к ней вечно перемещающее время распадается на следующие периоды: 1) период давно прошедшего; 2) период близко текущего; 3) период ненаступившего. Каждый из этих периодов имеет свои временные зоны: период давнопрошедшего включает в себя зону плюсквамперфекта – Π_1 . Период близко текущего в своем нижнем пределе охватывает зону претерита или недавно прошедшего – Π_2 , а в своем верхнем пределе совпадает с зоной презенса или настоящего. Период же ненаступившего времени соответствует зоне футуреальности – Φ (или будущего), нижним пределом которой является ближнее будущее или футурум 1 – Φ_1 , а верхним пределом выступает дальнейшее будущее или футурум 2 – Φ_2 .

Таким образом, естественно, создается тройная сегментация времени, при которой период давнопрошедшего в силу своей процессуальной удаленности образует сферу антивремени, а период ненаступившего времени в силу своей процессуальной неосуществленности образует сферу псевдовремени. Период же непосредственной процессуальности или близко текущего времени создает сферу собственно времени.

Преломление процессуальности во времени порождает пространственное бытие. Последнее имеет связь, во-первых, либо с антивременной данностью, которая исчерпала себя и превратилась в допространство; во-вторых, либо с непосредственно временной данностью, которая в зоне претерита образует вечно движущуюся нижнюю границу пространства, а в зоне презенса, постоянно совпадая с собственно временной данностью, создает верхнюю границу пространства; обращаем внимание, что с псевдовременем связи нет, т.к. там нет пространственного бытия.

Следовательно, пространство и допространство всегда существуют в сфере времени, поскольку бытие появляется как результат особого преломления времени.

Сегментация бытия на пространство и допространство отражает специфичность его связи с временными сферами, периодами и зонами. Все то, что связано с псевдовременем, не представляет собой бытия, т.к. временная шкала, объективно не дойдя до процессуальной данности, не может дать какой-либо реальной преломленности и превращения в пространственно овеществленное бытие. В силу этого сфера псевдовремени порождает не пространство, а сверхпространство, реальность которого всякий раз еще не наступила.

Этот факт находит свое выражение в языке как общечеловеческом явлении, построенном в соответствии с общими для него законами мышления и представляющем собой особую систему макромира. В этом плане отдельные языки выступают в виде звеньев общей системы психологического отражения времени, т.е. в качестве конкретных реализаторов его воплощенности в бытие.

Известно, что обязательное разделение грамматического времени на настоящее, прошедшее и будущее, т.е. футуральность, не выдерживает проверки конкретным языковым материалом. И это естественно, т.к., если наиболее четко представленным оказывается близко текущее время, то в языке, в первую очередь, должны существовать формы именно его репрезентации, а во вторую – репрезентации антивремени, и лишь в самую последнюю очередь – псевдвремени.

Именно в соответствии с этим большинство языков выделяют лишь дихотомическое временное противопоставление на настоящее – «Н» и прошедшее – «П». Грамматические средства выражения будущего, т.е. футуральности «Ф», свойственны далеко не всем языкам. (Неоспоримым фактом является наличие значительного числа языков, которые и сейчас, наподобие эстонского, не отличают грамматическими формами настоящих действий от будущих). Вместо разделения на «Н», «П» и «Ф» существует иное деление: 1) выражение бытия в процессе, которое протекает в пределах одной временной зоны; 2) констатирование бытия в его полноте, когда захватываются две контактные временные зоны.

Исходные формы как бы воспроизводят выражение бытия с точки зрения характера его выражения:

1) либо в контактирующих зонах, когда важным для восприятия является не время, а результат его преломленности в фактической реализации, наступающей благодаря взаимоограничению контактирующих зон;

2) либо в одной изолированной зоне, когда подчеркивается незавершенность и длительная процессуальность, не выходящая за пределы данной зоны.

Это позволяет заключить, что сами истинно временные формы – «Н» и «П» – в первую очередь выражают характер протекания действия в пространстве, т.е. специфичность бытия, и лишь во вторую – временную отнесенность.

Определяя, какое логическое понятие, будучи генератором времени, группирует разные языки, относящиеся к одному и тому же значению, мы пришли к следующему заключению: при отражении объективного мира две зоны близко текущего времени порождают два различных принципа мыслительной интеграции: центростремительный или центробежный.

При первом наблюдается моноцентризм смысловых понятий и их относительно беспредельное течение, которое в языковом плане сопряжено с использованием структур бытия (типа: глаголов группы бытия, несовершенных причастий, суффиксов *-ива-*, *-ыва-* и т.д., как это имеет место в современном русском языке).

Второй, напротив, характеризуется бицентризмом, относительной предельностью и, соответственно, языковым оформлением с помощью структур обладания (типа: глаголов группы обладания *have*, совершенных причастий и т.д., как это наблюдается в современном английском языке).

Библиографический список

1. Долинина И.Г. Предельность в видо-временной системе глагола. М., 1964.
2. Кошечая. И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. М., 2009.
3. Кошечая И.Г., Свиридова Л.К. Грамматические структуры и категории английского языка. М., 2010.

А.Н. Кузнецова

Английский национальный характер сквозь призму фразеологии

В статье рассматривается наполнение такой культурной универсалии, как отношение к труду, на основе фразеологии английского языка. Материалом для наблюдения послужили фразеологические единицы, входящие в фразеосемантическое поле «Трудовая деятельность». В статье анализируются основные семантические группы вербальных и номинативных фразеологических единиц, выступающих как индикаторы национальных черт.

Ключевые слова: фразеологическая единица, национальная специфика, национальный характер.

Современный этап развития неолингвистики и методики преподавания иностранного языка требует от изучающих иностранный язык не только

овладения лексикой и грамматикой изучаемого языка. Наряду с вышеупомянутыми знаниями, лингвисты и методисты подчеркивают важность знания особенностей национальной специфики как одной из важнейших сторон успешного межкультурного общения. У известной переводчицы Линн Виссон встречается мысль, что человек, не владея знаниями иностранной культуры, но пытаясь общаться с ее носителями на их родном языке, похож на актера, играющего экспромтом роль в малознакомой пьесе [1].

Формирование межкультурной компетенции как неотъемлемый компонент обучения иностранному языку является одной из главных задач обучения иностранному языку. Материал данной статьи посвящен анализу национальной специфики фразеологии как показателю особенностей национального сознания британцев. В лингвистической литературе встречаются несколько источников сведений о национальном характере. Среди них в качестве наиболее приемлемых с научной точки зрения С.Г. Тер-Минасова выделяет национальную классическую литературу, устное народное творчество и национальный язык [2].

Когда пишут об английском национальном характере, отраженном во фразеологическом фонде языка, в основном рассматривают такие стороны жизни, как любовь к охоте, спорт, морская тематика. В данной статье предпринята попытка рассмотреть наполнение такой культурной универсалии, как отношение к труду. В данной работе материал для анализа подбирался в соответствии с семантико-синтаксической классификацией фразеологических единиц.

Цель данной статьи – проанализировав фразеологические единицы, относящиеся к данному полю, найти подтверждения бытующим мнениям относительно типичных черт, присущих представителям английской нации. Необходимо отметить, что «типично британское» поведение приписывают жителям Британских островов с 1707 г., когда официально образовалось королевство Великобритания.

В проанализированном материале (319 фразеологических единиц, относящихся к данной тематике) были выделены две основные группы: вербальные фразеологизмы и номинативные фразеологизмы. Первая группа в основном представлена несколькими семантическими группами. Первая семантическая группа представлена фразеологизмами, имеющими в своем значении семантический компонент «приложение особых усилий для выполнения трудной работы». К ним можно отнести фразеологизмы типа *to break one's back* (трудиться, не покладая рук), *to put some back into one's work* (приложить всю свою энергию, физическую силу), *to roll up one's sleeve* (взяться за трудную работу), *to keep one's nose to the*

grindstone (много и усердно работать), *to die with one's boots on* (умереть на рабочем месте / работать до пожилого возраста / до смерти). В данной группе большое количество единиц, связывающих труд с физической болью: *to take great pains* (с трудом добиться чего-либо), *to draw the first blood* (добиться первого успеха), *to work one's guts out* (надрываться на работе). Данная группа также включает библеизмы (*to work oneself into a lather, do smth by the sweat of one's brow*), профессионализмы (*to push the boat out*), фразеологизмы, единицы, содержащие компонент зооним (*to work like a horse / a dog; do the donkey's work*). Большинство отечественных исследователей в области межкультурной коммуникации отмечают, что англичанин чрезвычайно много работает, напрягая все умственные и физические силы. Даже собственный палисадник у типичного представителя английской нации не для отдыха, а для работы. Человек, праздно стоящий перед домом, вызывает недоумение и порицание. И действительно, можно отметить, что данная группа – одна из наиболее многочисленных групп, представляющих концепт «труд» в английском языке. Однако Кейт Фокс в своем социологическом исследовании «Англия и англичане» упоминает о том, что индусы, японцы и жители северной Европы считают их ленивыми и безответственными [3].

Следующая группа – «Совместное выполнение работы» – предполагает высокую оценку партнерства, например: *to work hammer and tongs, to put heads together, to play along, work hand in hand, to work shoulder to shoulder*. Данная группа в основном своем наполнении содержит синонимичные фразеологизмы.

Противоположная вышеописанной группа «Разделение труда» представляет наличие таких черт, как рационализм, точность и аккуратность. Про англичан говорят, что они отличаются умеренностью, не забывая о ней как в часы работы, так и в часы отдыха. Данная группа представлена следующими фразеологическими единицами: *to keep up one's end, pull one's weight, to break the back of a job* (сделать большую часть работы), *to keep up one's end* (сделать свою часть работы).

Ценятся такие качества, как профессионализм и стремление научиться новому. Подтверждением вышесказанному служат такие фразеологизмы, как *know the ropes* (знать свою работу / иметь навыки), *learn the ropes* (осваивать премудрости, учиться мастерству). Эти фразеологизмы являются культурными универсалиями, т.к. их этимология связана с укладом жизни англичан (*ropes* подразумевает корабельные снасти).

Каково бы ни было общественное положение англичанина, он, прежде всего коммерсант. Особенностью воспитания данной нации является то, что англичанин никогда не станет стараться избавить своих детей от

трудностей жизни. Представленная далее группа фразеологических единиц «зарабатывать на жизнь» показывает корректность данных утверждений. В нее включены следующие единицы: *to find a niche for oneself* (устроиться на подходящую работу), *bring home the bacon* (зарабатывать деньги, достаточные для жизни всей семьи), *earn the honest penny* (зарабатывать на жизнь честным трудом), *to pull oneself up by one's own bootstraps* (выбраться из бедности за счет собственных усилий), *to earn one's daily bread* (зарабатывать на жизнь), *to make a crust* (добывать кусок хлеба), *to make a bundle* (заработать кучу денег, нажить состояние) и т.д.

Анализ номинативных фразеологизмов, принадлежащих к исследуемому фразео-семантическому полю, позволил разделить их на основные семантические группы, объединенные следующими дифференциальными признаками: *doer of action* и *kind of work*. При объединении фразеологизмов в семантические группы были выявлены единицы нейтральные: *old blood* (старые кадры), *a captain of industry* (ведущий промышленник), *Johnny-come-lately* (люди, пришедшие в коллектив недавно), и единицы, имеющие коннотативную окрашенность. Экспрессивно окрашенные фразеологические единицы, в свою очередь, подразделяются на положительно и отрицательно окрашенные. Положительные фразеологические единицы в основном подчеркивают надежность и работоспособность: *a wheel-horse* (ломовая лошадь, надежный, безотказный работник), *safe pair of hands* (хороший работник, умелые руки).

Основным отрицательным качеством является некомпетентность: *dead wood* (бесполезные члены коллектива), *Jerry builder* (неквалифицированный рабочий), *every Tom, dick and Harry* (сброд, чернорабочие, неквалифицированные рабочие). Отрицательная оценочность таких единиц, как *job for the boys / job for the girls* (престижная высокооплачиваемая работа, предназначенная для родных и знакомых), позволяет судить о негативном отношении к данному явлению в обществе. Как говорят англичане сами о себе, они свято верят в справедливость и поэтому не одобряют явления, лежащие в основе вышеупомянутых фразеологизмов [3]. Существуют и другие фразеологизмы, описывающие различные негативные стороны личности работника: *an eager beaver* (излишне ретивый работник; человек, выслуживающийся перед начальством), *a pen / pencil / paper pusher*, *desk jockey* (конторская крыса, бюрократ). Фразеологические единицы, употребляющиеся с негативной эмоциональной составляющей, так называемые пейоративные единицы, более многочисленны. Это связано с внеязыковыми факторами. Психологи отмечают, что человек склонен в первую очередь замечать отрицательные характеристики окружающих, считая, что они могут представлять опасность.

Интересно отметить, что по аналогии с *blue-collar workers* и *white collar workers* был образован неологизм *gold-collar workers (GCW)*, имеющий два варианта значения: *young, low-wage workers who invest in conspicuous luxury* и *highly-skilled knowledge workers who have recently become essential enough to business operations as to warrant a new classification*. Фразеологизм со вторым значением приобретает оценочную окраску *most important resource, brainpower*.

Рассмотрев некоторые примеры, относящиеся к фразеологическому фонду английского языка, можно прийти к выводу, что на фразеологическом субуровне языка наиболее эксплицитно отражена сама специфика познавательного и эмоционального опыта того или иного этноса, черты его материальной и духовной культуры. Но также здесь необходимо отметить, что процесс глобализации охватывает все сферы человеческой деятельности. Практически каждое национальное сообщество приобретает не только определенные унифицированные черты, но и заимствует лексические средства в свой языковой фонд из других языков. Поэтому в некоторых случаях становится трудно сделать однозначные выводы в отношении специфических национальных качеств.

Библиографический список

1. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. М., 2005.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
3. Фокс К. Англия и англичане. То, о чем умалчивают путеводители. М., 2012.

М.М. Морараш

Языковые средства актуализации категории темпоральности (на примере романов В.В. Набокова «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь»)

Основная идея статьи заключается в актуализации на основе ранее проведенного комплексного описания функционально-семантического поля темпоральности содержательно значимых языковых единиц в романах В.В. Набокова, позволяющих проникнуть в их символический подтекст. Описываются конкретные фрагменты текстов, демонстрирующие специфику вербализации имплицитных смыслов и представляющие ценность для выявления особенностей мировидения писателя. Автор статьи приходит к выводу о том, что текстовая категория времени определяется не только в узких контекстах, а в целой системе средств, виртуальных и реальных моделях связей и отношений всего текста.

Ключевые слова: темпоральность, В. Набоков, актуализация, информация, имплицитность, интерпретация, подтекст, языковые единицы, образные номинации.

В настоящее время в лингвистике значительно усилился интерес к художественному произведению с целью более полного понимания его идейно-эстетического содержания. Семантическое пространство уникального (авторского) текста основывается на соотношении его двух ипостасей – содержания и выражения, представляющем богатейший источник генерации различных (явных и скрытых) смыслов. Как правило, восприятие денотативной (буквальной) информации, составляющей поверхностный слой произведения, не считается трудным, информация же коннотативная строится на ассоциативных связях и, следовательно, допускает широкую вариативность в силу большого объема невербализованных компонентов семантики.

Языковые средства (единицы) – эксплицированная форма выражения имплицитного по своей сути смысла. При отсутствии полной формальной выраженности всех элементов структуры высказывания, что является вполне естественным свойством, связанным с многомерностью структуры художественного текста, возникает необходимость конструирования

целостной информации, в данном случае необходимой для понимания произведений В.В. Набокова. В свете идей современного языкознания актуализация содержания текста – процесс, направленный на извлечение как из *глубинных*, так и *поверхностных* структур художественного текста коммуникативно значимого состава языковых средств, который *приближает* и даже *предвосхищает* в определенных отношениях особый («глубинный») смысл, зашифрованный писателем.

Актуализаторы (языковые средства, участвующие в данном процессе) характеризуются, как правило, специфическим способом выдвижения текстового смысла: «нестандартным употреблением языковых единиц, нарушением предсказуемости, которое достигается необычной сочетаемостью языковых единиц» [1, с. 216]. Речь идет о языке в его индивидуалистическом преломлении, о языкотворческом процессе, о языковых средствах, формирующих экспрессивное содержание текста (сюда можно отнести любые метаморфозы слова и его сочетания с другими словами, а также участвующие образы-символы, мотивы). Следует отметить, текстовые доминанты «не обязательно выделяются частотой своего употребления, хотя частота обычно им свойственна. Они могут выделяться не количественно, а качественно “служить симптомом ” текста» [Цит. по: 1, с. 216]. Между тем, на наш взгляд, не следует исключать из вида и то, что языковые единицы, не подвергшиеся явной литературной обработке, но используемые в тексте, а значит, так или иначе участвующие в формировании концептуального семантического пространства, также позволяют проникнуть в символический подтекст произведений. Так, несмотря на то, что синтаксические средства получают в принципе вербальное оформление, обилие повторяющихся временных «сигналов» в них свидетельствует об их не менее важной роли в образовании метафорического смысла. Отправной точкой представляемого исследования явились синтаксические единицы. Проанализировав весь состав синтаксических конструкций, имеющих временной компонент/компоненты (обстоятельственные детерминанты, придаточные части и др. в романах В.В. Набокова), мы выявили два достаточно полно реализованных аспекта в ракурсе актуализации темпорального смысла.

1. Конкретное временное указание на то или иное событие/явление/состояние, для того чтобы сохранить временную динамику сюжета (тем самым акцентировать основное свойство концептуального времени – *линейность, непрерывность*). Причем конститuentы, входящие в подгруппы «временная приуроченность», «временная длительность», «дискретность времени», «временное соотношение событий», отличаются наиболее *абстрактным характером* (т.е. время выступает

прежде всего грамматической категорией). Рассмотрим в качестве примеров следующие предложения: *В этот вечер к Антону Сергеевичу зашел гость* [5, с. 61]; *Пресловутую квартиру ... Лужин посетил сразу после того, как добыл свой первый пункт* [4, с. 99] и др. В первом случае употребление обстоятельственного детерминанта в начале простого двусоставного предложения связано с уточнением конкретного времени (*в этот вечер*) происходящего события (*к Антону Сергеевичу зашел гость*). Более того, в комплексе с остальными используемыми в тексте темпоральными детерминантами он образует временную перспективу всех происходящих действий (сменяемость событий человеческой жизни неотделимо коррелирует с текучестью времени) и представляет собой, таким образом, вербальный компонент смыслового содержания текста. Во втором случае в сложноподчиненном предложении определяется временное соотношение двух действий (*посетил – добыл*), которое имеет характер одновременности (*посетил сразу после того, как добыл*), что отвечает общей идее развития логических связей внутри семантического пространства романов.

2. Поэтическое и/или грамматическое описание времени происходящих событий/явлений, связанное (или тождественное) с настроением героев (как правило, главных героев) или авторским отношением, соответственно, к происходящим событиям/явлениям. Обратимся к тексту. *Было уже темновато, когда он прикатил в дачный городок* [5, с. 61]; *Только в апреле, на пасхальных каникулах, наступил для Лужина тот неизбежный день, когда весь мир вдруг потух...* [4, с. 88] и др. В первом случае указание на время (*темновато* – вечернее время суток, лишнее света) выражено в грамматической форме предиката со значением состояния природы, окружающей среды. Во втором предложении обстоятельственные детерминанты со значением времени вместе с подлежащим участвуют в образовании стилистической фигуры – градации, заключающейся в расположении слов/сочетаний слов (*апрель → пасхальные каникулы → неизбежный день*) в порядке нарастания их смыслового и эмоционального значений при выраженном сужении временных границ названных отрезков (*апрель* имеет наиболее отчетливый характер протяженности времени, *день* из них – самый короткий отрезок). Данные проведенного анализа подтверждают, что жизнь Лужина делится на две части – до шахматного увлечения и непосредственно шахматный период, *день* при этом является временным рубежом, точкой отсчета его новой жизни, приобретая таким образом наивысшую степень значимости. Использованный эпитет *неизбежный* носит характер рокового предопределения. Позднее наблюдается более полная реализация этого мотива. Таким образом, ана-

лиз синтаксических конструкций способствует экспликации их глубинно-смысловой организации.

Также в центре внимания нашего исследования оказываются следующие фрагменты: *Утро было... нежное...* [5, с. 54]; *Дни пошли радостные, бодрые* [Там же, с. 58]; *Затем шла другая пора, долгая шахматная пора, о которой и доктор, и невеста говорили, что это были потерянные годы, темная пора духовной слепоты, опасное заблуждение, – потерянные, потерянные годы* [4, с. 130]; *Он (роман с Машенькой – М.М.) длился всего четыре дня, – эти четыре дня были, быть может, счастливейшей порой его жизни*» [5, с. 111], отличающиеся повышенной экспрессивностью, что находит выражение в их экспрессивном вокабуляре и стилистических приемах, актуализирующих эмоции. К последним относятся 1) эпитеты: *утро нежное* (т.е. «ласковое, проявляющее любовь» [6, с. 325]), *дни радостные* (т.е. «доставляющие радость» [Там же, с. 521]), *дни бодрые* (т.е. «полные сил, деятельности, энергии» [Там же, с. 46]), последний эпитет, относящийся в данном контексте к календарному времени, скорее, соответствует настроению главного героя; 2) метафоры: *потерянные годы* (т.е. годы, которые растратили, расходовали нецелесообразно [Там же, с. 649–650]), *пора духовной слепоты* (т.е. безрассудности); 3) повторы: *потерянные годы, пора, четыре дня*, с помощью повторов усиливается значимость их наличия в контексте.

В данном анализируемом материале время предстает реальным (т.е. свойственным реальному миру), но относится к сфере психологического восприятия его человеком. Выделенные лексемы отражают глубокое психологическое состояние героев (либо *счастья*, либо *напряженности, неблагополучия*) на вербальном уровне. Так, в последних предложениях события, происходящие в шахматный период жизни героя, имеют явно негативную оценочность, определены достаточно длительной протяженностью во времени – *годами*, любовный же роман главного героя и Машеньки определяется положительными эмоциями и связан, соответственно, с убыстренным темпом времени – несколькими днями (*всего четыре дня*). Следует заметить также, что в этих двух противоположных по значению контекстах использована одна и та же лексема *пора*, имеющая двоякую окрашенность: соответственно в первом случае – *темная пора*, во втором случае – *счастливейшая пора*, благодаря чему усматривается примененная здесь писателем стилистическая фигура, построенная по принципу синтаксического параллелизма: *шла пора – это были годы, длился четыре дня – эти четыре дня*. Несмотря на то что параллельные конструкции выражают противоположную субъективную эмоциональную оценочность, их связывает логико-смысловая общность.

Правда, в первом случае наблюдается заметное расширение объема конструкции, она более сложная по структуре, что также не является случайным. Она призвана отражать более сложные эмоции героя. В ней время обусловлено длительным и негативным переживанием событий, что осложняется ощущением не только тоски, грусти во внутреннем мире героя. Возникает трагическое восприятие собственной бессмысленно прожитой жизни и связанное с ним чувство опустошения, безысходности. Логика данного контекста такова: подобный внешний рисунок пути героя не совпадает с повествовательной позицией В.В. Набокова.

Безусловно, наиболее ярко в процедуре построения семантического пространства участвуют лексические языковые средства, которые, хотя во многом и базируются на значениях, выявленных в ходе анализа синтаксических единиц, привносят значительную дополнительную информацию в силу больших экспликационных возможностей: *И мысль, что повторение будет, вероятно, продолжаться, была так страшна, что ему хотелось остановить часы жизни, прервать вообще игру, застыть, и при этом он замечал, что продолжает существовать, что-то подготавливается, ползет, развивается, и он не властен прекратить движение* [4, с. 161]; ... *когда Родион ушел и время потянулось дальше обычной своей трусцой, он понял, что его снова обманули...* [Там же, с. 440]; *Время, ровно жужжжа, продолжало течь* [Там же, с. 349] и др. В данных контекстах время также характеризуется *непрерывностью*. Но индивидуальная система значений пополняется новой информацией, а именно: структуру категории времени образуют различные комбинации динамичности/статичности (*ползет, развивается, потянулось дальше обычной своей трусцой, продолжает течь, дремлет*), о чем свидетельствует сочетаемость лексемы *время* и других временных лексем с глаголами условной лексико-семантической группы движения/остановки движения. Неопределенное местоимение *что-то* в первом предложении не обладает денотативным значением времени на уровне языковой системы, но в условиях художественного текста у него появляются признаки семантической определенности, в создании которой основную роль играет метафоризация. В последнем предложении используемая традиционная образная параллель «время – вода» не актуализирует неожиданные или периферийные стороны понятия времени (*подвижность, текучесть*), но способствует гиперболизации ощущения конкретной ситуации (Цинцинат из романа «Приглашение на казнь», находившийся в камере заключения и мучительно ожидавший наказания, особо гипертрофированно воспринимал медленное движение времени). Кроме того, следует отметить, что образ воды и образ реки – традиционные символы необратимого

течения времени – в следующем контексте аккумулируют противоположные признаки изучаемого понятия: *Тропинка, поюлив в лесу, вылилась в поперечную дорогу, а дальше, в темноте, поблескивала река; ... невиданный отблеск запрыгал в реке* [4, с. 116], где обозначенный объект (*река*) характеризуется статичностью и осмысливается как «не имеющий движения». Следовательно, образ времени строится из двух составляющих: статичности и подвижности одновременно.

Философы утверждают, что время – это другое название для жизни [7, с. 74]. В контекстах *Сладко дремало время; ... время продолжало жить* [4, с. 175]; *Только тиканье часов на ночном столике доказывало, что время продолжало жить* [Там же]; *Лужин вслушивался в это мелкое сердцебиение и задумался опять и вдруг вздрогнул, заметив, что тиканье часов прекратилось* [Там же] и др. время отождествляется с жизнью наиболее отчетливо. Кроме того, в начале романа «Защита Лужина» появляется уникальное сравнение времени с лифтом: *Иногда маленький Лужин поднимался вместе с ней, но чаще оставался внизу и слушал, как в вышине, за спиной, трудно взбирается лифт, – он всегда надеялся, маленький Лужин, что лифт на полпути застрянет. <...> Наконец что-то содрогалось, приходило в движение, и через некоторый срок спускался лифт – уже пустой, ... – может, доехала она уже до небес. – И там осталась со своей астмой, лакричными конфетами и пенснэ на черном шнурке* [4, с. 130]. В традиционном бытовом понимании направление лифта осуществляется «снизу – вверх», в художественном пространстве текста оно трансформируется в более широкий план: «земное – небесное» бытие, иначе переименованный в план «жизнь – смерть». Это описание и подчеркивает художественную функцию лифта в качестве проводника в небытие, и выражает главную мысль прозы В.В. Набокова: динамичная основа времени становится тождественна протеканию жизни, процессу жизни [3, с. 82].

По замыслу автора, время – это последовательная смена минут, часов, дней, лет и т.п., и относительно этой последовательности разворачивается жизнь действующих лиц в его романах. Жизнь и время должны быть заполнены полезными делами, только тогда они будут представлять ценность и значимость. Погружение же Лужина в шахматную игру отгораживает его от окружающей жизни, людей. Не случайно главное свойство времени – непрерывность, неоднократно репрезентированное в многочисленных контекстах, актуализируется достаточно отчетливо в шахматный период жизни героя.

Эта проблема нарушенного соответствия непрерывного времени и застывшей жизни героя далее усложняется: *Лужин, коря себя за медли-*

тельность, ежеминутно предчувствуя кого-то, зашагал по указанному направлению; Таинственная погоня далеко позади. Теперь уж его не поймаешь [4, с. 115]. Встретившийся герою по пути домой призрак (вновь используется неопределенное местоимение *кого-то*) метафоризируется и начинает восприниматься как своего рода «призрак» времени, что подчеркивается определением *таинственная*. Именно «таинственная погоня» «призрака» времени на протяжении всего романа преследует Лужина. Время в данном контексте предстает как *погоня, атака, противник, страшная игра*. Данными образными номинациями подчеркивается беспощадная, разрушительная «сила» времени, которая усиливается в следующем фрагменте: *В эту ночь он особенно остро почувствовал свое бессилие перед этой медленной, изощренной атакой, и ему хотелось не спать вовсе, продлить как можно больше эту ночь; ... старался найти тихое место и все время смотрел и слушал, не проскользнул ли где намек на следующий ход, не продолжается ли игра, не им затеянная, но с ужасной силой направленная против него* [Там же, с. 175]. Шахматный мотив – важный для развития темы судьбы, предопределения. Следует отметить, что неоднократно повторяющийся «призрак» времени отчетливо указывает на судьбоносное влияние времени на жизнь героя (на протяжении всего сюжета в романах В.В. Набокова концепты «жизнь» и «время» соотносятся и сопоставляются). Показывается власть судьбы с ее роковыми знаками-символами. Слова *тень, призрак* становятся лейтмотивами «мнимой жизни» [3, с. 81]. Таким образом, полноценным участником действия становится некое мистическое начало – *судьба* (рок), оно создает вторую реальность, причем в представленных контекстах параллель рока (судьбы) и времени (их расположение в одном синонимическом ряду – *хотелось остановить часы жизни, прервать вообще игру*) становится более очевидной.

Кроме того, в заключение необходимо отметить средства, актуализирующие *субстанцированность*, невозможность субъекта физически воздействовать на время (остановить), т.к. время не зависит от воли человека и других явлений: *он не властен прекратить движение; время потянулось дальше обычной свой трусцой; ровно жуужжа, продолжало течь*. Время в романах В.В. Набокова лишь позволяет его *ждать, ожидать, предвкушать, намечать, обещать, назначать, создавать* (т.е. планировать его, организовать свою жизнь в соответствии со временем) [2, с. 15]: *Он дождался той минуты, когда по железному мосту медленно прокатил шедший с севера экспресс* [5, с. 112]; *Ну что вам, ведь еще не пора, мне обещали целый час* [4, с. 443]; *... там время складывается по желанию, как узорчатый ковер* [Там же, с. 379] и др.

Перейдем к выводам. В предъявленной работе речь не шла о каком-то сложном механизме взаимодействия поверхностного слоя и глубинных структур информации. Согласно нашему материалу, исследование имплицитного смысла, выявленного из особенностей функционирования категории темпоральности, раскрывает оригинальные аспекты вербального уровня или привносит значительную дополнительную информацию, важную для интерпретации романов. Таким образом, именно подтекст произведений становится для нас главным оценочным критерием художественного мировидения В.В. Набокова. Рассмотренные случаи приведены не с целью выявления индивидуальной манеры использования языковых средств темпоральной семантики, обнаружения экспрессивного содержания его текстов (или, во всяком случае, не только), но с тем, чтобы открыть доступ к реконструкции образа мира изучаемого писателя, вывести на уровень познания его мировосприятия, русской национальной ментальности. Определено, что В.В. Набоков, несмотря на создание в своих романах мнимой реальности (это в той или иной мере отмечается в исследованиях как литературоведов, так и лингвистов, изучающих его творчество), пытается найти всякую возможность выразить свою заинтересованность в жизненной *реальности*, в полноте жизни, наполненности ее различными событиями и делами. Создавший экзистенциальный вакуум вокруг героев, например Лужина, является следствием негармоничного сосуществования человека с «человеческим» временем, течением жизни, изменчивостью бытия.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. 6-е изд. М., 2009.
2. Морараш М.М. Категория темпоральности и ее отражение в художественном дискурсе В.В. Набокова (на материале романов «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.
3. Морараш М.М. Семантическая структурализация концепта «время» в романе «Защита Лужина» // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. Материалы I Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 14–18 октября 2008 г. / Под ред. Т.И. Поповой и Е.Е. Юркова. В двух частях. Т. II. СПб., 2008.
4. Набоков В.В. Избр. соч.: В 3-х т. Т. 1: Защита Лужина; Камера обскура; Приглашение на казнь: Романы. М., 2003.
5. Набоков В.В. Машенька // Собр. соч.: В 4 т. Т. 1 / Вступ. ст. В.Е. Ерофеева. М., 1990.

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М., 1998.
7. Философия / Под ред. проф. В.П. Копановского. Ростов н/Д., 2003.

Л.К. Свиридова

Перевод как обязательное выражение категории тождества

Статья поднимает вопрос о достижении максимального тождества переводного текста и текста оригинала и необходимости соблюдения для этого ряда требований. В этом аспекте анализируется выделение нейтральной (фоновой) части, которое должно максимально соответствовать исходному тексту, поскольку в ней заложен сюжетный интерьер произведения. Особое внимание уделено переводу названия, которое в силу его бифункциональности может значительно деформироваться и даже отсутствовать в текстах малого жанра, восполняясь микротемой, равной инварианту. Особо отмечается необходимость учета в процессе перевода связи авторского ракурса и сюжетной перспективы, когда семантическое ядро передается через тему, центральное звено – через макротему, а смысловой узел – через гипертему с соответствующим использованием конкретизированной, агглютинативной и сенсативной лексики.

Ключевые слова: авторский ракурс, сюжетная перспектива, семантическое ядро, центральное звено, смысловой узел, инвариант.

Для того чтобы отразить содержание текста при переводе, представив максимально точную фактуру оригинала в ином языковом коде, переводчик должен интуитивно чувствовать те типологически общие закономерности, которые шире, чем закономерности, присущие каждому языку в его разделении на лексику, грамматику и фонетику. Переводчик сталкивается с этим явлением, выходящим за рамки такого традиционного разделения, уже с первых шагов перевода текста, приступая

к переводу названия. Ср., например, название романа Уилсон Митчел (Mitchell A. Wilson) «Live with Lightning» (1949) и его перевод «Жизнь во мгле» (1951), где не только грамматические структуры не соблюдены (изменение наклонения, использованы разные части речи), но и содержательная сторона подверглась существенной трансформации (например, свет, исходящий от молнии – *lightning* – в результате субординационных связей, которые раскрываются на протяжении всего романа, передан своей полной противоположностью – «мглою», т.е. мраком).

И, поскольку наибольшая сложность, с которой сталкивается переводчик, начинается с перевода названия текста, то решение этого вопроса наряду с интуитивным подходом требует глубокого научного филологического понимания. Название, как показали исследования последних лет, является бифункциональной единицей, входящей в состав не только поверхностного, но и глубинного уровня языка, не учитывать которые переводчик не имеет права, поскольку в противном случае нарушается адекватность исходного и переводного текста.

На глубинном уровне в творческой лаборатории любого автора формируется так называемая кодовая идея будущего произведения, претворенная в общесодержательном кодово-схематичном макете [1]. Сам макет строится на линии авторского ракурса, который, в зависимости от объема будущего текста, носит поэтапно расширяющийся характер. Начинается он от микротемы, сконцентрированной в инварианте, типа описания сюжетного интерьера, в котором будет происходить действие.

Далее сюжетная линия авторского ракурса усложняется, и в схематичном макете могут появляться несколько объединенных инвариантов, формирующих семантическое ядро будущего произведения, как те варианты сюжета, в которых концентрируется уже не микротема, а тема будущего произведения, типа появления череды лиц, среди которых обязательно находятся главные герои произведения, фигурирующие уже на поверхностном уровне.

При более объемном содержании на линии авторского ракурса появляется центральное звено, объединяющее несколько семантических ядер, в которых находят свою реализацию варианты макротемы, типа обучения Элизы Дулитл, ее триумфа на балу, ее ухода из дома профессора Хиггенса и ее встречи с преображенным отцом.

И, наконец, если схематический макет оказывается настолько объемным, что требует выхода за пределы центрального звена и объединения нескольких центральных звеньев, порой даже диаметрально оппозиционных (как, например, ложь и истина, любовь и ненависть, верность и предательство и т.д.), то появляется гипертема, обнимающая собой скон-

центрированные и кодово-запрограммированные макротемы. Эти центральные звенья формируют смысловой узел, лежащий в основе всего будущего текста.

На поверхностном уровне микротема, преломляясь в инварианте, может в силу своей смысловой прозрачности быть настолько однозначной, что не требует от автора наличия названия [3; 4]. Содержание текста ясно и без него. Это имеет место в небольших стихотворениях, посвящениях, эпиграммах, сонетах, анекдотах и т.п. текстах малого жанра. Например, известное стихотворение Р. Бернса:

*My heart's in the Highlands,
My heart is not here ... etc.*

или: *This is the house that Jack built.*

Или ср. посвящение А.С. Пушкина к его поэме «Руслан и Людмила»:

*Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы
В часы досугов золотых*

*Под шепот старины болтливой
Рукою верной я писал.
Примите ж вы мой труд игривый,
Ничьих не требуя похвал.*

Тексты с семантическим ядром типа газетных статей, небольших рассказов и т.п. получают свои наименования (так называемые заголовки), поскольку в них имеет место сочетание по меньшей мере двух инвариантов, формирующих тему, типа: «Волк и ягненок», «Арап Петра Великого».

В случае симбиоза нескольких семантических ядер, сливающихся в единое центральное звено на поверхностном уровне, появляется большой объемный текст, название которого должно отразить этот сложный процесс смыслового слияния семантических ядер. Примером такого содержательного превращения может служить приведенное выше название «Live with Lightning» в его переводе «Живи с молнией».

Если же содержание кодово-схематичного макета требует введения нескольких центральных звеньев, то его текстологическое изложение создает ту гипертему, которая раскрывается на поверхностном уровне через линию сюжетной перспективы (как это имеет место в таких объемных многотомных текстах, как «Сага о Форсайтах», «Война и мир», или научных монографиях, охватывающих описание глобальных явлений природы, физиологии, социальной и политической жизни об-

щества, эволюции и функционирования языка как общечеловеческого феномена и т.д.).

Объясняется это явление, надо полагать, тем, что для получения максимального тождества перевода языковое понимание речевых ситуаций, разбросанных по ходу композиционного построения текста, должно восприниматься переводчиком более вдумчиво и обостренно, чем восприятие этих ситуаций читателем в переводном тексте, который ему предлагает переводчик. Нельзя забывать, что основная цель перевода – дать такой слепок оригинального текста, который был бы максимально тождественен исходному содержанию текста оригинала.

Мы полагаем, что методика такого подхода даже интуитивно реализуется в выделении трех основных лингво-психологических фаз текста [2]. К их числу мы считаем возможным отнести следующие: нейтральную, логическую и эмоциональную.

Причем эмоциональная в ходе повествования, как правило, выступает предшествующей нейтральной и логической, но она – эмоциональная фаза – как показывает анализ фактического материала, не является начальной в произведении. Тематические речевые ситуации обычно начинаются с нейтральной фазы, в которой преобладающей оказывается конкретизированная лексика, т.е. лексика, описывающая объект речевой ситуации в его статике, динамике или качестве. Например, возьмем пьесу Бернарда Шоу «Пигмалион», где действие начинается с конкретизации той обстановки, в которой происходит встреча действующих лиц и их представление зрителю:

London at 11.15 p.m. Torrents of heavy summer rain. Cab whistles blowing frantically in all directions. Pedestrians running for shelter into the portico of St. Paul's church (not Wren's Cathedral but Ingo Jone's church in Covent Garden vegetable market), among them a LADY and her DAUGHTER in evening dress. All are peering out gloomily at the rain, except one MAN with his back turned to the rest, wholly preoccupied with a notebook in which he is writing.

The church clock strikes the first quarter.

Перевод не требует грамматического соответствия частей речи, но требует соответствия конкретизированных выразителей для тех же объектов речевой ситуации. Поэтому начальная, т.е. нейтральная фаза призвана дать в переводах словесный образ описываемого объекта, или интерьера, или ландшафта с точки зрения адекватности его соотнесения оригиналу.

Вторая, т.е. логическая фаза, является в этом плане заключительной, выступая содержательным раскрытием первой фазы и, в известной мере, ее логическим продолжением. Например:

The NOTE TAKER. You see this creature with her kerbstone English: the English that will keep her in the gutter to the end of her days. Well, sir, in three months I could pass that girl off as a duchess at an ambassador's garden party. I could even get her a place as lady's maid or shop assistant, which requires better English.

The FLOWER GIRL. What's that you say?

The NOTE TAKER. Yes, you squashed cabbage leaf, you disgrace to the noble architecture of these columns, you incarnate insult to the English language: I could pass you off as the Queen of Sheba. [To the gentleman.] Can you believe that?

Эта фаза создается на основе предшествующей нейтральной фазы как закономерный вывод из нее, поскольку позволяет определить выделенный ранее и описанный на определенном фоне объект или объекты в системе их связей по принципу то ли их координации, то ли их субординации.

В первом случае возникают отношения равенства (ср., например, встречу двух всемирно известных ученых: профессора Генри Хиггенса и полковника Пиккеринга):

The GENTLEMAN. Of course I can. I am myself a student of Indian dialects; and –

The NOTE TAKER [eagerly]. Are you? Do you know Colonel Pickering, the author of Spoken Sanscrit?

The GENTLEMAN. I am Colonel Pickering. Who are you?

The NOTE TAKER. Henry Higgins, author of Higgins's Universal Alphabet.

PICKERING [with enthusiasm]. I came from India to meet you.

HIGGINS. I was going to India to meet you.

Во второй фазе – логической – наблюдается субординация в отношениях доминирования одного из нескольких объектов над другим (ср., например, Элизу Дулитл и ее зависимую позицию в отношении к двум вышеназванным персонажам – профессору Генри Хиггенсу и полковнику Пиккерингу).

В соответствии с этим от переводчика требуется четкое разграничение двух этих фаз: нейтральной и логической, как базовой основы понимания мысли автора в двух ее аспектах: 1) раскрытие того участка информации, который автор выделяет в качестве исходного объекта повествования; 2) не менее четкого разграничения того, в каких соотношениях с другими объектами автор считает необходимым поместить доминантно избранный участок с тем, чтобы привлечь читателя или зрителя к совместному поиску последовательных путей для построения логического заключения.

Переводчик не может не учитывать при этом то важное обстоятельство, что для реализации двух вышеназванных аспектов автор, как правило, использует в оригинальном тексте наряду с конкретизированной лексикой лексику агглютинативную, т.е., как правило, слова-выводы, например, *thus, hence, consequently* и т.д., перевод которых обычно не допускает вариативной подмены, а имеет прямолинейный перенос с языка оригинала.

Такая методика работы позволяет наиболее полно отразить содержание текста в переводе и представить в нем максимально точную фактуру оригинального текста. Однако переводчику не следует представлять развитие мысли автора как прямое следование двух фаз, при котором логическая фаза непосредственно вытекает из нейтральной. В ряде случаев имеет место длительный разрыв текстологического содержания, создающий промежуток, равный иногда целому произведению, для того, чтобы из нейтральной фазы перевести читателя в логическую и сделать правильное заключение, совпадающее с мыслью автора. (Выше мы попытались показать это на примере формирования названия).

Внутри текста обычно переход нейтральной фазы сопровождается временным разрывом, в течение которого исходный объект, ранее уже запечатленный в сознании читателя, вдруг поворачивается к нему какой-то новой неожиданной для него стороной, противоречащей тому образу, в котором он был представлен до этого момента. Ср., например, реакцию Элизы Дулитл на двух ученых, которых кто-то из прохожих объявил полицейскими; или поведение той же Элизы Дулитл после выигранного пари, когда она в бешенстве запускает туфли в профессора Хиггенса. В таких случаях нейтральная фаза не является начальной.

В новой речевой ситуации ей предшествует эмоциональная фаза. Она вступает в действие вместо нейтральной, будучи построенной на нарушении языковых стандартов. При таких условиях ее реализация связана с использованием другого типа ассоциативной лексики – сенсатов, к которой относятся словарные единицы типа *alas, oh, for God's sake, what on earth, what's the devil* etc. Например:

HIGGINS [in despairing wrath outside]. What the devil have I done with my slippers? [He appears at the door.]

LIZA [snatching up the slippers, and hurling them at him one after the other with all her force]. There are your slippers. And then. 'Take your slippers; and may you never have a day's luck with them!'

HIGGINS [astounded]. What on earth – ! [He comes to her.] What's the matter? Get up. [He pulls her up.] Anything wrong?

LIZA [breathless]. *Nothing wrong – with you. I've won your bet for you, haven't I? That's enough for you. I don't matter I suppose.*

HIGGINS. *You won my bet! Presumptuous insect! 'I won it. What did you throw those slippers at me for?*

LIZA. *Because I wanted to smash your face. I'd like to kill you, you selfish brute. Why didn't you leave me where you picked me out of – in the gutter? You thank God it's all over, and that now you can throw me back again there, do you? [She crisps her fingers frantically.]*

HIGGINS [looking at her in cool wonder]. *The creature is nervous, after all.*

Эмоциональная фаза отличается наличием в тексте эллипсисов и даже грамматических неточностей, перевод которых реализуется путем поиска аналогичных форм, которые позволяют сохранить категорию тождества (типа: *Here are them slippers* вместо *their slippers* и перевод, который должен сохранить эту неточность, типа: *Не брала я ваших туфель* вместо грамматически правильного *Ваших туфель*, т.е. должен показать неправильность речи героини на примере нарушения норм языка перевода).

Таким образом, перевод текста может быть художественно адекватным лишь в случае рассмотрения его как двухуровневого монолита с обязательным выделением кодово-схематичного макета и его разложения на линии авторского ракурса по микротеме, теме, макротеме и гипертеме, позволяющим определить название как бифункциональное явление. Сам перевод должен, на наш взгляд, строиться с использованием трех видов лексических единиц: конкретизированной, агглютинативной и сенсативной, с помощью которых происходит реализация в построении основных лингво-психологических фаз построения текста.

Библиографический список

1. Кошечкина И.Г. Стилистика современного английского языка. М., 2011.
2. Свиридова Л.К. Роль эмоциональных структур в реализации категории тождества при построении драматургического текста: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
3. Смородина П.В. Название как бифункциональная единица текста. М., 2009.
4. Шелепова А.С. Название как кодовая единица текста. М., 2003.
5. Шемчук Ю.М. Переименование как особое лингвистическое явление неологии // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2010. № 1. С. 76–82.

А.Н. Себрюк

Отражение этнической самоидентификации в антропонимии: особенности имянаречения афроамериканцев

Статья посвящена специфике личных имен афроамериканцев в ее исторической перспективе. Афроамериканцы сформировали на территории Соединенных Штатов Америки отдельный этнос, в рамках которого происходит непрерывный процесс самоидентификации, что нашло отражение и в лингвистических особенностях афроамериканского варианта английского языка. На примере личных имен в статье прослеживается путь от желания полностью ассимилироваться с белым населением до полностью сепаратистских настроений.

Ключевые слова: антропонимия, имянаречение, афроамериканский английский, афроамериканцы, смена личного имени, самоидентификация, африканское наследие.

Личное имя является неотъемлемым атрибутом человека. В каждом имени отражаются верования, фантазия и художественное творчество людей. Появление и функционирование имени в определенной языковой общности всегда мотивированно.

Этнический состав населения США чрезвычайно разнородный, что и делает особенной антропонимию американцев, в которой можно найти имена и фамилии самого разного происхождения. Современное американское имянаречение – это результат многовековой эволюции и влияния множества различных факторов: религиозных, исторических, этнографических, собственно языковых.

Если рассматривать современную антропонимическую систему США, то безусловно можно утверждать, что ее основой служит общеанглийская антропонимия. Но ее специфика определяется наличием имен и фамилий самого разнообразного происхождения.

США как демократическое государство известно отстаиванием равноправия всех национальностей и рас, но в действительности наблюдается расовая сегрегация, проникающая во все сферы жизни и отражающаяся на языковом поведении людей. Яркое тому подтверждение являют собой американские антропонимы [2, с. 15].

Заметным пластом антропонимической системы США являются имена афроамериканцев. Здесь можно выделить следующие особенности:

- широкое употребление библейских имен (*Adam, Eve*);
- использование имен исторических личностей, героев мифологии (*Nero, Caesar, Pompey, Phoebe*);
- распространенность сокращенных форм имен, которые выступают как самостоятельные имена и могут заноситься в официальные документы в этой форме (*Tom, Jack, Bill*);
- заметная тенденция к использованию инициалов (*P.B.S. Pinchback*);
- создание сложных имен, которые обычно объединяют имена родителей или двух имен бабушек или дедушек, например: *Georgianna (George + Anna), Joanna (Joe + Anna)*;
- добавление *Jr.* («младший») к имени сына, который повторяет имя и фамилию отца (*Cuba Gooding, Jr.*) [3, с. 203].

И.В. Гайдук в своем диссертационном исследовании дополняет список Томашина следующими особенностями:

- распространенность личных имен с противоречащим правилам нормативного правописания употреблением заглавных букв, апострофа, частиц и т.п. (женские: *ClarEtta, LaDonna*; мужские: *Del Ray, LaFerry*).
- употребление имен апеллятивного происхождения (*Ruby, Daisy, Violet*) [1, с. 142–143].

Известно, что почти каждый американец африканского происхождения имеет два имени: имя, данное при рождении, и имя, которое используется исключительно в кругу его семьи. Согласно американскому лингвисту Лоренцо Доу Тернеру (*Lorenzo Dow Turner*), система имянаречения афроамериканцев дуальна. Ребенку дается английское или американское имя, а также более индивидуальное имя, используемое только среди родственников и сообщества [5, с. 78–79].

Эта особенность имеет корни еще в рабовладельческих временах. Вековые традиции и культурная индивидуальность африканских рабов были почти искоренены. Единственное на то время право, которое у них было, – это возможность носить выбранное ими самими имя, которое отражало их происхождение и наследие их предков. Но рабовладельцы также давали рабу и новое имя. Нередко он получали его уже на корабле, плывущем в Америку, но чаще всего уже по прибытии к новому хозяину, который, не задумываясь, менял, по его мнению, странно звучащее, трудно произносимое экзотическое имя на более привычное своему уху.

Эти новые имена чаще всего были основаны на популярных в то время именах, но обычно в сокращенной форме. Если в одной группе были несколько рабов с одинаковыми именами, то в качестве идентификатора к имени добавлялись такие определители, как *Little* или *Big*. А некоторые рабы получали имена согласно тому труду, который они

выполняли, например, *Cotton* – имя для раба, который собирал с полей хлопок.

В годы Гражданской войны 1861–1865 гг. особое распространение в семьях рабов приобрела тенденция использовать в своих именах фамилии американских лидеров. Таким образом, чрезвычайную популярность имело имя *Washington, Jefferson* и *Madison* [4, с. 101–104].

На исходе Гражданской войны одним из первых самостоятельных действий, которые предприняли освобожденные рабы, был отказ от имен, данных им по принуждению бывшими хозяевами. Они захотели взять себе такие новые имена, которые бы отражали обретенную ими свободу. Некоторые называли себя полным именем от своего сокращенного (*Matt* – *Matthew*, *Betty* – *Elizabeth*, *Tony* – *Anthony*, *Bill* – *William*, *Bob* – *Robert* и т.д.).

Другие пошли еще дальше и добавили к своим именам префиксы или суффиксы (например, *Medgar* образовано от *Edgar*, такое имя взял себе лидер борьбы за гражданские права *Medgar Evers*). Некоторые изменили правописание своих имен, чтобы еще больше отличить их от тех, которые использовали белые.

Популярным в те времена было прибавление суффикса *-inda* к уже распространенным именам. Например, *Clara* превратилось в *Clarinda*, *Flora* – *Florinda*, *Lucretta* – *Lucinda* [4, с. 121–124].

После отмены рабства многие свободные мужчины и женщины взяли себе имена и фамилии своих бывших владельцев. Также широкое распространение получила фамилия *Freeman* («свободный человек»). Чаше всего имена освобожденных рабов были идентичны именам, которые для себя выбирали и белые американцы. Такие имена, как *John*, *James*, *George*, *Henry*, *Samuel*, *Charles*, *Isaac*, *Robert*, *Peter* и *Mary* были популярны у обеих рас. Также нередко выходцы с африканского континента брали себе вышедшие из употребления и потерявшие распространение имена белых.

Но несмотря на такое массовое изменение своих имен, бывшие рабы не возвращались к именам африканского происхождения. Культура и традиции их предков были надолго забыты. А та информация, которая приходила из Африки, была недостаточной для восстановления своего наследия. Как следствие, афроамериканцы создавали свою уникальную систему имяназвания, сохранившуюся и поныне.

Такие суффиксы, как *-on*, *-won*, *-quon*, *-el* и *-ell* использовались для изменения мужских имен, например, *Davon* от *David* и *Marquon* от *Mark*. Для еще большего различия от первоначального имени ударение нередко делали на последний слог.

Такие префиксы, как *Chan-*, *Shan-*, *Ka-* и *La-* и суффиксы: *-isha*, *-el* и *-ell* помогали создавать совершенно новые женские имена (*Danell*, *LaTasha*, *Shandra* и *Monisha*). Приставки *De-*, *Ja-*, *Tri-*, *Ni-*, *Wa-* и *Sha-* использовались как в создании мужских, так и женских имен.

Тернер в своем исследовании приводит газетные объявления о поиске сбежавших рабов. В них рабовладельцы указывали как официальное имя беглеца, так и его *country name* («домашнее имя»), такие как: *Pie Ya*, *Frog*, *Tennie C.*, *Monkey*, *Mush*, *Cooter*, *John De Baptist*, *Fat-Man*, *Preacher*, *Jack Rabbit*, *Sixty*, *Pop Corn*, *Old Gold*, *Dootes*, *Angle-eye*, *Bad Luck*, *Sky-up-de Greek*, *Cracker*, *Jabbo*, *Cat-Fish*, *Bear*, *Tip*, *Odessa*, *Pig-Lasses*, *Rattler*, *Pearly*, *Luck*, *Buffalo*, *Old Blue*, *Red Fox*, *Coon* и *Jews-harp* [5, с. 112–113].

Эта практика имяназвания на территории США существует и по сей день. Вот некоторые примеры таких «семейных» прозвищ: *Jo Jo*, *June Tiny Baby*, *O.K.*, *John-John*, *Mercy-Mercy*, *Baby Sister*, *Sister*, *Sunny Main*, *Bo*, *Boo*, *Bad Boy*, *Playboy* и *Fats*.

В последние десятилетия среди афроамериканской молодежи все больше закрепляется тенденция к изменению своих американизированных имен на имена африканские. Прежде всего, это связано с их националистическим настроем. К примеру, известная современная писательница афроамериканского происхождения Полетт Уильямс (*Paulette Williams*) сменила свое имя на Нгуну Нтозахе Шанж (*Nguni Ntozakhe Shange*).

Некоторые организации поощряют афроамериканцев навсегда отказаться от своего так называемого *slave name* («рабское имя»), которое мешает цивилизованному миру видеть в человеке свободную личность, а не потомственного раба, ущемленного во всех правах. «Нация Ислама» (*the Nation of Islam*) – возможно, наиболее радикальная афроамериканская религиозная группа. Лидер этой организации *Elijah Muhammad* часто пишет о доставшихся современным афроамериканцам рабским именам. Вот его высказывания на этот счет: «You must remember that slave-names will keep you a slave in the eyes of the civilized world today. You have seen, and recently, that Africa and Asia will not honor you or give you any respect as long as you are called by the white man's name. <...>

You are still called by your slave-masters' names. By rights, by international rights, you belong to the white man of America. He knows that. You have never gotten out of the shackles of slavery. You are still in them¹» [7].

¹ «Вы должны помнить, что рабские имена будут держать вас в качестве рабов в глазах всего цивилизованного мира и сейчас. Вы уже убедились, что Африка и Азия не окажут вам ни чести, ни уважения до тех пор, пока вы будете носить имена белых. <...>

Легендарный боксер Мухаммед Али (*Muhammad Ali*) был одним из первых афроамериканцев, сменившим свое имя Кассиус Марцеллус Клей (*Cassius Marcellus Clay Jr.*). Свой поступок он прокомментировал нежеланием носить рабское имя.

С развитием различных движений за гражданские права были предприняты огромные усилия восстановить когда-то потерянную культуру афроамериканцев. Как только этническое наследие шаг за шагом восстановилось, афроамериканцы с воодушевлением отказывались от своих старых имен, которые не имели ничего общего с их культурными традициями.

Наряду с традиционными африканскими именами, все большую и большую популярность обретают имена мусульманские. Как известно, ислам играл значительную роль в жизни Африки на протяжении нескольких столетий. Известные активисты за гражданские права и свободы *Malcolm Little* и *Stokely Carmichael* стали *El-Hajj Malik El-Shabazz* и *Kwame Touré* соответственно.

Кроме националистической причины, существует множество и других факторов, влияющих на выбор имени для младенца. Это могут быть религиозные верования родителей, место жительства, семейные традиции и т.д. Вот примеры популярных африканских имен афроамериканцев и страна их происхождения: *Agulu* (*ah-goo-loo* – «сражается, как лев»), Нигерия; *Harara* (*hah-rah-rah* – «страсть»), Кения; *Laah* (*la-ah* – «огонь»), Камерун; *Soja* (*soh-jah* – «солдат»), Того; *Jinga* (*jehn-gah* – «целеустремленность»), Камерун [6].

Смена имени, как правило, связана с каким-то важным событием в жизни афроамериканцы, например, такие как переезд на другое место жительства, рождение ребенка, уход из семьи и проч.

Американский лингвист Джозеф Холловэй (*Joseph E. Holloway*) в своем исследовании приводит пример раба Фредерика Дугласса (*Frederick Douglass*), который после бегства от своего хозяина сменил несколько имен. «On the morning after our arrival at New Bedford, while at the breakfast-table, the question arose as to what name I should be called by. The name given me by my mother was Frederick Augustus Washington Bailey. I, however, had dispensed with the two middle names long before I left Maryland so that I was generally known by the name Frederick Bailey. I started from Baltimore; I found it necessary again to change my name... I gave Mr. Johnson, Mr. Nathan Johnson of New Bedford, the privilege of choosing me a name, but

Тебя еще называют именем, которое дал тебе твой рабовладелец. Согласно правам, международным правам, ты принадлежишь белому американцу. Он знает это. Ты никогда не избавлялся от кандалов рабства. Ты еще в них.» (Перевод автора).

told him he must not take from me the name “Frederick,” I must hold on to that a sense of identity¹» [4, с. 342–343].

В наше время традиция смены имени столь же жива в мире джазовой музыки. Изменение личного имени свидетельствует о радикально новом событии в жизни музыканта, например: *Jelly Roll Morton (Ferdinand La Menthe)*, *Satchmo (Louis Armstrong)*, *Yardbird (Charles Parker)*, *Lady (Billie Holiday)*.

Довольно часто второе имя дается новорожденному сообществом (*community*), членом которого является его семья. Как правило, это имя характеризует особенные черты ребенка, его индивидуальность, например, *Smart Child* (Умный ребенок), *Shanty (show off)* (Воображала).

Яркой иллюстрацией к особенности антропонимической системы афроамериканцев служит пример знаменитого американского баскетболиста Дикембе Мутомбо (*Dikembe Mutombo*), полное имя которого *Dikembe Mutombo Mpolondo Mukamba Jean-Jacques Wamutumbo*. Его составляющие: имя дяди, фамилия его семьи, имя дедушки, прозвище, данное в городе, где он родился, официальное имя при рождении и его семейное имя.

Популярностью пользуются и названия животных или рыб в качестве составляющих личного имени: *De Dog*, *Doggie*, *Kitty*, *Fish*, *Yellowtail*, *Crocker*, *Frog*, *Spider*, *Jumper*, *Tooti*, *Crocki*, *Akebee*, *Dr. Buzzer* и *Dr. Eagle* [4, с. 136].

Историю черных американцев можно свести к долгой борьбе за самоидентификацию и выживание. С одной стороны, можно наблюдать их явное стремление к ассимиляции в американском обществе, с другой – постоянное подчеркивание своей непохожести. Африканские имена, символы, одежда становятся все более и более популярны в современной Америке. Без сомнения, все процессы, происходящие в социальной, духовной, политической сферах жизни непременно находят отражение в языке.

¹ «На утро после нашего прибытия в Нью БэДФорд, за завтраком был поднят вопрос о том, каким именем меня назовут. Имя, которое дала мне мать, было Фредерик Августос Вашингтон Бейли. Тем не менее, я обходился только двумя именами задолго до того, как покинул Мэриленд, поэтому я был известен под именем Фредерик Бейли. Я считал необходимым сменить свое имя. Я дал привилегию выбрать мне имя мистеру Джонсону, мистеру Натану Джонсону из Нью БэДФорда, но сказал ему, что он не должен лишать меня имени “Фредерик”, я должен придерживаться его из чувства самосознания». (Перевод автора)

Библиографический список

1. Гайдук И.В. Особенности функционирования антропонимов в английской и американской прессе: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.
2. Сапронова Т.А. Современный американский именник: особенности функционирования и имяназвания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.
3. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. языков. М., 1988.
4. Holloway J.E. Africanisms in American Culture Second Edition (Blacks in the Diaspora). Indiana University Press; Second Edition edition, 2005.
5. Wade-lewis M. Lorenzo Dow Turner: Father of Gullah Studies. University of South Carolina Press, 2007.
6. Afrikan names. URL: <http://afrikannames.com> (дата обращения: 12.03.2013).
7. Nation of Islam. Settlement #1. URL: <http://seventhfam.com/> (дата обращения: 11.03.2013).

И.В. Вискова

Урок-коммуникация как средство развития грамматической способности учащихся (на примере изучения темы «Местоимение как часть речи»)

Для эффективности изучения темы «Местоимение как часть речи» автор предлагает использовать при обучении такой тип урока, как урок-коммуникация. В статье также описаны основные характеристики урока-коммуникации, рассказано о целях таких занятий и об условиях их проведения. Приводится примерный план урока и его содержание.

Ключевые слова: часть речи, местоимение, коммуникативно-деятельностный подход, урок-коммуникация, развитие грамматической способности.

На современном этапе развития науки о преподавании русского языка в связи с модернизацией системы образования появилась проблема: принятые и введенные в действие в стране Стандарты образования, основанные на системно-деятельностном подходе, противоречат действующим в школе учебно-методическим комплексам. Таким образом, становится необходимым поиск продуктивной методики изучения грамматики в основной школе. Процесс усвоения грамматического понятия напрямую связан с организацией учебно-поисковой деятельности учащихся на уроке. Следовательно, чтобы она была эффективной, возникает необходимость создания соответствующей методической системы, основанной на коммуникативно-деятельностном подходе.

Результатом освоения основной образовательной программы учащимися, по ФГОС, должно стать овладение рядом способностей, необходимых для усвоения русского языка как предмета (определять цели обучения, понятия, организовывать учебное сотрудничество и совместную деятель-

ность, осознанно использовать речевые средства и другие) [4, с. 9]. С точки зрения методической науки, грамматическую способность следует рассматривать не как психологическое свойство личности, а как овладение способами познания, т.е. усвоение учащимися таких методов и приемов, с помощью которых они могут решать поставленные перед ними учебные задачи.

Грамматическая способность учащихся формируется в процессе обучения на основе умений:

- использовать грамматические явления русского языка в практике речевого общения с целью решения коммуникативных задач как в устной, так и в письменной формах речи;
- осмысливать грамматические категории и средства их выражения;
- находить местоимение в тексте, определять его функции и использовать его в качестве текстообразующего звена;
- применять выявленные самостоятельно грамматические знания для развития речевых и орфографических навыков;
- формировать культуру речи в процессе совершенствования речевой практики на основе изучения текстов на уроках.

Уроки-коммуникации позволяют тренировать речемыслительные умения школьников, решая таким образом проблему формирования языковой личности. Главной целью такого урока является создание речевой ситуации, «которая естественным образом рождает мысль и требует ее реализации в речи» [2, с. 183]. Основным в уроке-коммуникации является общение между учителем и учениками, направленное на совместную деятельность.

На уроке-коммуникации раскрываются три стороны общения:

- 1) информативная (передача информации и обмен ею);
- 2) интерактивная (организация взаимодействия в процессе совместной деятельности);
- 3) перцептивная (восприятие и понимание человека человеком) [1].

Урок-коммуникация строится по следующей схеме:

I условие – необходимо поставить цель урока, которую учащиеся вместе с учителем будут достигать в процессе коммуникации;

II условие – необходимо соблюдать правила обсуждения (не кричать, не перебивать и т.д.);

III условие – необходимо логически и лингвистически связно оформлять свои высказывания;

IV условие – необходимо сравнить результат с поставленной целью;

V условие – необходимо восстановить ход рассуждений и выявить способ, с помощью которого учащиеся пришли к полученному результату.

Структура и содержание урока-коммуникации позволяют нам решать общедидактические и общеметодические задачи.

Содержание уроков-коммуникаций может варьироваться с учетом объема усваиваемого результата, заинтересованности школьников, также могут использоваться различные методические приемы: творческие игры, дискуссии, постановки, презентации, наглядность, проекты, раздаточный материал, использование инновационных технологий и т.д.

На уроке-коммуникации рекомендуется использовать тексты художественной, популярной, публицистической литературы, которые позволяют проследить функционирование языковых единиц в письменной речи. Также рекомендуется предлагать школьникам творческие задания, направленные на развитие речи и связанные с темой урока.

Урок начинается с мобилизующего этапа, на котором школьники на основе предложенной темы самостоятельно формулируют цель занятия:

«Какой раздел науки о языке мы сейчас изучаем?»

– Морфологию.

Что мы успели с вами узнать?»

– Морфология изучает части речи. Мы уже знаем такие части речи, как имя существительное, имя прилагательное, глагол, причастие, деепричастие, имя числительное.

Как вы думаете, для чего нам эти знания?»

– Мы должны уметь использовать части речи в соответствии с их лексическим и грамматическим значением, должны знать, что они обозначают и как их правильно употреблять, когда мы говорим или пишем.

Правильно! Тема нашего сегодняшнего урока «Местоимение». Запишите. Как вы думаете, какова цель нашего сегодняшнего урока? Или она не одна?»

– Их несколько. 1. Построить понятие «местоимение как часть речи». Уметь определять способ построения понятия. 2. Уметь находить местоимения в тексте из позиции адресата, понимать его роль.

Хорошо. Давайте подумаем, а в речи мы их часто используем как авторы?»

– Да. Поэтому третья цель – уметь использовать местоимения в речи с позиции автора.

Если мы будем это делать, то что мы будем развивать?»

– Речь и мышление. 4. Развивать речемыслительные способности».

Изучение грамматических особенностей местоимения происходит в процессе наблюдения над фактами языка. Ответ на вопросы «Как мы будем это делать? С помощью чего?» помогают развитию мышления

школьников и усвоению одного из главных способов познания – наблюдения над текстом.

Для такого наблюдения учащимся предлагается текст любого типа речи (объем и содержание должны соответствовать возрастному развитию детей), в котором авторами используется изучаемая часть речи. Фрагментарный грамматический анализ текста, направленный на поиск местоимений, определение их лексического и грамматического значения, позволяет школьникам самостоятельно построить понятие местоимения как части речи. Эта часть урока может быть построена на основе эвристической беседы, направленной на совместный поиск истинного знания (что такое местоимение, каковы его грамматические характеристики, какие функции оно может выполнять в тексте).

«Как мы будем достигать определенных нами целей? С помощью чего?»

– С помощью текста. Нам нужен текст, чтобы наблюдать за речью. Речь – это текст.

Каким инструментом мы будем пользоваться?

– Сначала мы должны определить, что обозначает местоимение, потом – его постоянные и непостоянные признаки. И назвать роль, которую оно выполняет в предложении.

Верно. Давайте запишем текст. «Со школьных лет чувствовал я красоту моего русского языка. В нем меня привлекала его звучность, богатство слов и выражений». Есть ли здесь слова, которые не называют предмет?»

– Есть. Это слова *я, моего, в нем, меня и его*. Они не называют предмет, а только указывают на него.

Попробуем доказать.

– *Я* – это местоимение называет лицо, но не говорит, кто этот человек.

Что мы можем сказать об этом человеке?

– Только то, что он рассказывает от своего имени, о себе.

Верно. Давайте посмотрим дальше.

– *В нем* – местоимение, не называет конкретный предмет или лицо. Оно только указывает, тем самым показывая связь с предыдущим предложением.

На что указывает?

– На предмет, о котором говорилось в первом предложении (русский язык).

Верно. Значит, какой мы можем сделать вывод? Для чего здесь используется местоимение? Почему автор еще раз не написал «русский язык»?

– Чтобы избежать повторов, сделать речь более разнообразной.

Правильно. Какие еще слова не называют предмет?

– *Меня* – тоже не называет конкретное лицо, хотя указывает на говорящего.

– Местоимение *его* указывает на принадлежность названных качеств русскому языку. Тут снова автор не употребляет «русский язык», чтобы избежать повторов.

– Местоимение *моего* указывает на признак того, что принадлежит говорящему.

А теперь давайте посмотрим, изменяются ли местоимения?

– Да, изменяются.

Как?

– *Я – мы – меня*, изменяется по числам и падежам.

– *Моего – моих – мой – моей*, изменяется по родам, числам и падежам.

– *В нем – в них – в ней*, изменяется по числам и родам.

– *Меня – я – мы*, изменяется по числам и падежам.

– *Его – ее – их*, изменяется по числам и родам.

Какой вывод мы можем сделать? Можем ли мы сформулировать непостоянные морфологические признаки?

– Местоимение изменяется по родам, числам и падежам, а следовательно, непостоянными признаками местоимения являются род, число и падеж.

А постоянные признаки?

Местоимения, которые мы называли, отличаются оттенками значения, наверное, их постоянный признак – разряд по значению.

Правильно. Но эту тему мы оставим на следующий урок. А теперь посмотрим, какими членами предложения являются эти местоимения.

– *Я* – подлежащее, *моего* – определение, *в нем* – обстоятельство, *меня* – дополнение, *его* – определение.

Какой вывод мы можем сделать из проделанной работы?

– Местоимение – это часть речи, т.к. у него есть три существенных признака, по которым они классифицируются.

– Как часть речи местоимение не имеет своего значения. Это такая часть речи, которая указывает на предмет, но не называет его конкретно, которая используется вместо имен для того, чтобы избежать повторов в речи.

В завершении этого этапа урока необходима постановка вопроса «Должны ли мы как-то проверить свои выводы?», с его помощью у учащихся происходит осознание того, что каждый результат нужно подтверждать сравнением с авторитетным источником (в данном случае – учебником):

«Должны ли мы как-то проверить наши выводы?»

– Конечно! Мы должны сверить то, что мы выяснили, с авторитетным источником. У нас есть учебник.

Правильные ли выводы мы сделали?

– Да, выводы мы сделали правильные.

Как же нам удалось сделать такие выводы? Чем мы пользовались, чтобы выяснить, что такое местоимение и какими признаками оно обладает?

– Для того, чтобы понять, к какой части речи относится слово, необходимо обратиться к тексту, в котором это слово используется и проследить за всеми возможными проявлениями этого слова (или слов) в тексте. Так мы можем сделать вывод, что это слово обозначает, как в случае с несколькими местоимениями. Заодно мы можем понять, какую роль это слово выполняет в тексте, и тут мы увидели, что местоимение заменяет другие части речи для того, чтобы избежать повторов, сделать речь разнообразной, даже более красивой. Мы знаем, что части речи изменяются по числам, родам и падежам, поэтому, чтобы понять, как изменяется местоимение и какие у него постоянные и непостоянные признаки, мы попробовали изменить все найденные нами местоимения по падежам, родам и числам».

Закрепление признаков понятия на новом материале также проводится на основе текста любого типа речи. Вопросы общеречевого характера «Какова тема этого текста? Идея?», «Как можно озаглавить данный текст?», «Как вы думаете, для чего автор написал этот текст?» способствуют формированию речемыслительных умений школьников: самостоятельно или вместе с другими учащимися анализировать текст, правильно понимать и передавать его содержание, уметь озаглавливать текст с учетом главной мысли. Таким образом, происходит смыслопорождение. Если урок-коммуникацию по русскому языку делать интегрированным с литературой, то такой анализ является началом герменевтического анализа художественного текста.

Узнавание местоимений в тексте происходит за счет их сопоставления с выявленными на предыдущем этапе урока грамматическими признаками, поэтому на данном этапе необходимо обратить внимание школьников на то, каким способом они будут пользоваться для поиска изучаемой части речи на новом языковом материале:

«А теперь проверим наши выводы на новом языковом материале.

“Я вам расскажу сейчас об одном малюсеньком слове, таком умном, что просто не верится. Этакое малюсенькое словцо: кто!

Столько раз стучали в дверь, ты спрашивал: «Кто?» А не будь этой малышки КТО, ты должен был бы спросить: «Это Казак стучит? Или Менька? Или тетя? Или Гончар? Или продавец посуды?» А тот все отвечал бы: «Нет, нет, нет». И ты мог бы так 3 часа подряд спраши-

вать и не угадал бы. Стал бы мокрый, как мышь, разозлился, не ел и не пил бы, все только спрашивал бы. А так: «Кто там?» – и в этом коротеньком КТО сидят имена всех на свете людей. Кто – это местоимение” (по Я. Корчаку).

О чем этот текст?

– О слове «кто», которое может указывать на «имена всех на свете людей».

Попробуем озаглавить этот текст.

– «Кто?»; «Местоимение «кто»»; «Малюсенькое слово»...

Какой признак местоимения нам иллюстрирует этот небольшой рассказ?

– Под словом «кто» может иметься в виду любой человек. Местоимение только указывает на то, что это человек, а не предмет (иначе был бы вопрос «что»), но не называет этого человека.

Учитывая тему урока и наше предыдущее задание, что ты будем делать?

– Мы будем искать и выписывать местоимения.

Как мы будем их искать?

– По грамматическому значению.

– Я вам расскажу сейчас об одном малюсеньком слове, таком умном, что просто не верится. Местоимения, которые встречаются в этом предложении: Я, вам, таком.

– Грамматические значения: Я – указывает на говорящего, вам – указывает на слушающего, собеседника, таком – указывает на какой-то признак, в данном случае оно относится к слову «умном».

– Я, вам (начальная форма – вы) похожи на существительное, т.к. указывает на предмет, таком похоже на прилагательное, т.к. указывает на признак.

А что мы можем сказать про слово «что»?

– Слово «что» не указывает ни на что, оно служит для связи слов в предложении. Значит, это не местоимение.

– Этакое малюсенькое словцо: кто! Здесь мы находим два местоимения: этакое и кто. Этакое – указывает на какой-то признак, оно похоже на прилагательное, кто – указывает на какое-то третье лицо, но не называет его, оно похоже на существительное.

– Столько раз стучали в дверь, ты спрашивал: «Кто?» Местоимение столько – указывает на какое-то число, но не называет его, оно похоже на числительное, местоимение ты – указывает на собеседника, кто – указывает на третье лицо, оба этих местоимения похожи на существительное.

– А не будь этой малышки КТО, ты должен был бы спросить: «Это Казак стучит? Или Менька? Или тття? Или Гончар? Или продавец посуды?» Этой – указывает на какой-то близкий предмет, кто – указывает на третье лицо, оно похоже на существительное, это – указывает на какой-то предмет.

Отлично! Какой вывод мы можем сделать, посмотрев на все найденные нами местоимения?

– Скорее всего, местоимения делятся на три группы: те, которые похожи на существительные, те, которые похожи на прилагательные, и те, которые похожи на числительные.

Какой вывод мы можем сделать, посмотрев на все найденными нами местоимения?

– Скорее всего, местоимения делятся на три группы: те, которые похожи на существительные, те, которые похожи на прилагательные и те, которые похожи на числительные.

А теперь попробуйте самостоятельно выписать местоимения из оставшейся части текста.

– Тот, это, в этом – указывают на какой-то предмет, всё, всех – обобщают предметы, ты – указывает на собеседника, кто – указывает на какое-то третье лицо.

– Во всех случаях предметы и люди не называются, местоимения лишь указывают на них».

Вопрос «В начале урока мы ставили для себя цель развивать на этом уроке речь и мышление, и у нас это получается. Как мы можем продолжить это делать?» мотивирует учащихся к выбору интересных для них заданий, способствующих закреплению изучаемого материала. Одно из таких заданий – составить текст с использованием местоимений. При выполнении этого задания дети могут продемонстрировать умения логически и стилистически правильно строить высказывание/текст на любую тему:

«– Меня спросили: «Что такое весна?» Я сказал, что весна – это такое время года, когда тает снег и со временем оживает природа. Зеленеют все деревья, распускается столько цветов! Весна – самое лучшее время года!

В моем тексте я использовал несколько местоимений. Меня, я – указывает на говорящего, рассказчика, что – используется для того, чтобы спросить о каком-то предмете, в данном случае о весне, это – указывает на предмет, такое – указывает на признак, все – обобщает предметы, в данном случае деревья, столько – указывает на количество, в данном случае на большое количество цветов, самое – указывает на признак лучшее и даже усиливает его».

Подводя итоги урока, учащиеся интерпретируют полученные в процессе учебной деятельности результаты, показывая умение аргументированно говорить.

«Что нового мы сегодня узнали?»

– Мы построили понятие «местоимение как часть речи», т.е. сформулировали определение: местоимение – это часть речи, которая указывает на предмет или лицо, не называя его конкретно, имеет род, число и падеж, но у разных разрядов эти признаки могут быть как постоянными, так и непостоянными.

Для чего же служат местоимения в речи?

– Они делают нашу речь богаче, с помощью них мы избегаем ненужных повторов. Показывают связь между предложениями в тексте».

Заключительным этапом урока становится рефлексия способа достижения результата, связанная с рефлексией собственной учебной деятельности и побуждающая ученика мобилизовать свои интеллектуальные ресурсы. Учащиеся осознают не только учебные мотивы, учебную цель, учебную задачу, но и учебные действия, которыми они пользовались для того, чтобы прийти к конечному результату.

«Что мы делали, чтобы достичь наших целей, которые поставили в начале урока?»

– Мы исследовали текст.

– Сначала мы обратили внимание на слова, которые выполняют определенную роль в предложении, но не имеют конкретного лексического значения.

Это позволило нам понять первый признак местоимения как части речи: собственного лексического значения не имеет, но указывает на предмет, признак, количество.

– Далее мы выписали их и обнаружили, что они изменяются по родам, числам и падежам. Однако нам пришлось их разбить на группы, потому что одна часть местоимений имеет род как постоянную категорию и изменяется как имя существительное. Другая часть изменяется как имя прилагательное. А третья – похожа по своим признакам на имя числительное.

Это помогло сформулировать определение местоимения.

– Далее мы сверили наши выводы с определением в учебнике. Потом по этим признакам мы находили местоимения в тексте, чтобы проверить, работает ли наше определение. Но возникли вопросы. И тогда мы сделали вывод, что надо выяснить, на какие группы делится местоимение как часть речи.

– Сами составляли тексты, чтобы научиться использовать местоимения в речи».

Домашнее задание ориентировано на актуализацию сформированных знаний и умений, а также на повторное закрепление грамматических способностей.

Библиографический список

1. Ананьева Е.А. Современный подход к преподаванию иностранного языка // Первое сентября. URL: <http://festival.1september.ru/articles/527056/> (дата обращения: 12.03.2013).
2. Антонова Е.С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход: Учеб. пособие. М., 2007.
3. Русский язык. 6 класс / Ладыженская Т.А., Баранов М.Т., Тростенцова Л.А. и др. М., 2005.
4. Фундаментальное ядро содержания образования / Под ред. В.В. Козлова, А.М. Кондакова. 4-е изд., дораб. М., 2011.

А.С. Калякин

Профессиональная подготовка лингвиста, переводчика в современных условиях

Статья посвящена основным проблемам профессиональной подготовки лингвиста, переводчика в условиях становления двухуровневой системы высшего образования в России.

Ключевые слова: Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), основная образовательная программа, компетентностная модель выпускника, профессионально-ориентированный модуль, специализированно-ориентированный модуль, бакалавр, магистр, письменный перевод, устный перевод.

Присоединение России в Болонскому процессу в сентябре 2003 г. и, как следствие, введение двухуровневой системы высшего профессионального образования «бакалавриат–магистратура», стало важнейшим событием для подготовки профессиональных специалистов в области

перевода в российских вузах. До 2010 г. языковые факультеты и специализированные лингвистические вузы страны осуществляли подготовку переводчиков на основе ГОС ВПО второго поколения, которые были приняты в 2000 г. Они впервые выделяли «Перевод и переводоведение» как отдельную специальность. Нормативный срок обучения по основной образовательной программе составлял 5 лет при очной форме обучения.

Государственный образовательный стандарт второго поколения вобрал в себя лучшие традиции и многолетний опыт подготовки профессиональных переводчиков в России, хотя выстроенная на его основе система подготовки представляла собой довольно жесткую образовательную конструкцию. Подобный подход был вполне оправдан, т.к. он, во-первых, позволял сохранить единую образовательную среду, во-вторых, маркировал требуемые уровни профессиональной подготовки дипломированных специалистов.

Основная образовательная программа подготовки лингвиста, переводчика имела четкую образовательную логику. Она предусматривала изучение следующих циклов дисциплин:

- общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины, направленные на получение будущим переводчиком универсальных знаний, что позволяло ему сформировать необходимый стартовый запас знаний о разных сферах общества;
- общие математические и естественнонаучные дисциплины, транслировавшие знания о достижениях в естественнонаучной сфере и в области информационных технологий;
- общепрофессиональные дисциплины, представлявшие собой цикл предметов общелингвистической подготовки;
- дисциплины специальной подготовки, включая и дисциплины специальности, в ходе изучения которых формировались специальные переводческие умения и навыки;
- факультативные дисциплины, которые дополняли профессиональную подготовку будущего специалиста-переводчика.

Жесткость образовательной конструкции придавали дисциплины федерального компонента, и, отчасти, национально-регионального. Гибкость профессиональной подготовки переводчиков достигалась за счет дисциплин по выбору студентов и частично за счет национально-регионального компонента, который определялся вузом, исходя из потребностей местного рынка труда. Например, на языковом факультете МГГУ им. М.А. Шолохова в качестве дисциплин по выбору предлагались серии бизнес-курсов, практика ведения деловых переговоров, реферирование иноязычных текстов и некоторые другие, что позволяло выпускникам

довольно уверенно чувствовать себя при трудоустройстве в различные компании, в том числе и в международные.

Качество подготовки переводчиков на факультете повышалось и за счет дисциплин специализации. Студентам предлагались различные специализации, но опыт показывал, что при трудоустройстве важное значение имеет умения и навыки специализированного устного и письменного перевода.

Если говорить в целом, то потенциал ГОС ВПО второго поколения и разработанная на его основе основная образовательная программа подготовки лингвиста, переводчика, не были исчерпаны, а многие их положения следует использовать при реализации ФГОС ВПО третьего поколения.

Как известно, ФГОС ВПО третьего поколения был принят в мае 2010 г. В соответствии с новым стандартом профессиональная подготовка переводчика осуществляется теперь в рамках направления «Лингвистика», а специальность «Перевод и переводоведение» стала одним из его четырех профилей. Другим принципиальным новшеством стало введение двухуровневой системы подготовки «бакалавриат–магистратура», и, как следствие, увеличение срока обучения на 1 год. Хотелось бы отметить, что эти изменения были восприняты весьма неоднозначно как академическим сообществом, так и профессиональными переводчиками, которые усмотрели в этом явную опасность для проверенной десятилетиями российской школы перевода. Главной площадкой, где происходили острые дискуссии по всему комплексу проблем переводческой подготовки, стало учебно-методическое объединение (УМО) по образованию в области лингвистики на базе Московского государственного лингвистического университета. Можно без преувеличения сказать, что именно благодаря принципиальной позиции УМО и всех участников дискуссии, продолжавшейся около 8 лет, в основном, удалось сохранить традиции и богатый опыт подготовки переводчиков в России.

Переход российской системы на новую модель подготовки переводчиков начался с 1 сентября 2011 г. Трудоемкость основной образовательной программы стала исчисляться не только в учебных часах, но и в зачетных единицах – кредитах. Один кредит – зачетная единица – равен 36 часам. Общий объем кредитов составляет 360 часов, в том числе: программа «бакалавриат» – 240 зачетных единиц, программа «магистратура» – 120 зачетных единиц.

Главной особенностью ФГОС третьего поколения является ориентация на компетентностную модель профессиональной подготовки, когда процесс обучения переводческой специальности будет определяться, в основном, требованиями будущей сферы деятельности выпускника. Со-

гласно этому положению на факультете иностранных языков и международных коммуникаций МГГУ им. М.А. Шолохова были разработаны образовательные программы подготовки бакалавров и магистров переводческого профиля. Все они базируются на компетентностной модели выпускника (КМВ), которая представляет собой систему универсальных и профессиональных компетенций, требований к уровню их освоения и перечень средств оценки этих компетенций, позволяющих определить уровень их сформированности. По своей сути компетентностная модель выпускника отражает взгляды академического сообщества профессиональных переводчиков и требования работодателей к выпускнику.

Разработка КМВ заняла значительное место в ходе работы над основными образовательными программами (ООП) бакалавра и магистра.

Основными задачами, которые предстояло решить, были следующие:

- создание паспорта КМВ;
- создание матрицы согласования и определение задач профессиональной деятельности;
- кодировка компетенций, функций и задач;
- подготовка паспорта переводческого профиля;
- анализ перечня компетенций, зафиксированных во ФГОС третьего поколения;
- анализ профессиональных функций переводчика на основе квалификационного справочника;
- анализ профессиональных функций переводчика на основе должностных инструкций организаций-лидеров;
- анализ профессиональных функций и задач переводчика на основе опроса работодателей;
- анализ компетенций и характеристик лучших и средних специалистов в области перевода;
- анализ компетенций переводчика на основе опроса ведущих экспертов академического сообщества.

Ядром модели стали выявленные в ходе исследования профессиональные компетенции, которыми должен обладать выпускник переводческого профиля в области лингвистики. Их оказалось около 50. Все они были распределены по трем кластерам: мировоззренческому, нормативному и инструментальному. Результаты работы показали, что современный специалист в области перевода должен обладать развитым интеллектом, высокой общей культурой и широкой эрудицией, владеть тремя иностранными языками, знать историю, культуру и географию стран изучаемых иностранных языков, владеть основами современной информационной и деловой культуры, иметь навыки информационно-аналитической

работы, владеть основами профессиональных знаний в определенной предметной области, уметь хранить конфиденциальную информацию и обеспечивать ее недоступность, знать правовые аспекты переводческой деятельности в России, иметь дополнительное образование в определенной предметной области, уметь работать в стрессовой ситуации.

Лейтмотивом всех опросов являлось мнение о том, что в современных условиях лингвистического компонента в профессиональной подготовке переводчика явно недостаточно, и высказывалось мнение о формировании у переводчика основ профессиональных знаний в определенной предметной сфере, в которой ему предстоит работать. Это достаточно сложная проблема, решение которой зависит от многих факторов, часто мало зависящих от вуза, но такая задача поставлена со стороны работодателей и частично некоторыми экспертами академического сообщества. Представляется, что эту задачу можно попытаться решить на этапе магистерской подготовки.

Разработанная в МГГУ им. М.А. Шолохова основная образовательная программа переводческого профиля предполагает подготовку специалиста, готового и способного работать в качестве межкультурного посредника в различных учреждениях и организациях, осуществляющих, прежде всего, международную и внешнеэкономическую деятельность, что не исключает его работу и в других сферах человеческой жизнедеятельности.

Для выполнения своих профессиональных задачи специалист переводческого профиля должен обладать всем комплексом полноценных профессиональных компетенций: мировоззренческими, нормативными и инструментальными. Практически все они нашли свое отражение во ФГОС третьего поколения по направлению «Лингвистика» и в разработанной в МГГУ им. М.А. Шолохова основной образовательной программе.

Важной составной частью ООП бакалавриата является учебный план, практически реализующий разработанную компетентностную модель выпускника-переводчика на основе модульного принципа обучения. Основными особенностями учебного плана для переводческого профиля, разработанного в МГГУ им. М.А. Шолохова, стали: сохранение преемственности с планами, составленными на основе ГОС второго поколения; наличие единой общекультурной части; разделение вариативной части профессионального цикла на профессионально-ориентированный и специализированно-ориентированный модули.

Профессионально-ориентированный модуль включает в себя основы теории первого иностранного языка, введение в теорию межкультурной

коммуникации, теорию перевода, практический курс перевода, практикум по культуре речевого общения и дисциплины историко-культурной подготовки. Для этого модуля характерна относительная стабильность, т.к. именно он придает бакалавру-переводчику профильную направленность подготовки.

Специализированно-ориентированный модуль представляет собой курсы по выбору, которые должны быть направлены на формирование компетенций в зависимости от сферы будущей деятельности выпускника и требований рынка труда. Из всех модулей учебного плана наиболее сложным и проблемным является именно специализированно-ориентированный модуль. Среди специалистов существуют различные точки зрения относительно необходимости специализации бакалавров в конкретных сферах профессиональной деятельности, что обусловлено общей концепцией бакалавриата как первой ступени высшего образования. Некоторые полагают, что программа бакалавриата не нуждается в специализации, что специализированная подготовка должна быть на этапе магистратуры. Существуют и подходы, которые предполагают начать специализированную подготовку после двух лет обучения в бакалавриате. Представляется, что это – крайние точки зрения. Видимо, чтобы сохранить преемственность в подготовке переводчиков, нужно давать начальную специализацию на последнем курсе обучения бакалавра, чтобы он мог продолжить ее в магистратуре.

Как показывает обучение в магистратуре, суммарный объем аудиторных часов соответствует примерно объему часов на 5 курс специалитета. Что касается других часов, а их объем весьма велик, то они предназначены для других видов учебной работы магистранта. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что начальную специализацию на этапе бакалавриата можно вводить. Главный вопрос – это содержание начальной специализации. Следует ли ее вводить, исходя из сфер будущей профессиональной деятельности бакалавра, или же осуществлять ее по видам перевода, скажем, устный и письменный перевод, как это было, например, на специалитете.

Что касается магистерских программ в области перевода, то их включение в систему высшего образования позволяет, с одной стороны, вывести на качественный уровень российскую систему переводческой подготовки, а с другой – ставит весьма серьезные и трудноразрешимые на сегодняшний день проблемы. Среди таких проблем – это обучение в магистратуре дипломированных специалистов, не имеющих базового лингвистического образования, что весьма осложняет их профессиональную подготовку. Частично этот вопрос можно решить через блок факуль-

тативных дисциплин, но этого все равно недостаточно для формирования полноценных компетенций, необходимых для будущей профессиональной деятельности.

Представляется, что через определенное время возникнет необходимость внесения изменений в систему профессиональной подготовки переводчиков, изменений, которые способствовали бы сохранению и приумножению лучших традиций российской системы перевода.

Библиографический список

1. Замолоцких Е.Г., Дурнева Е.Е. Опыт разработки модели выпускника на основе контекстно-компетентного подхода // Высшее образование в России. 2011. № 6. С. 55–59.
2. Калякин А.С. Концептуальные основы построения программ подготовки переводчиков // Высшее образование в России. 2011. № 6. С. 80–84.
3. Матюшин И.М. Высшее профессиональное образование лингвиста, переводчика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. «Пед. науки». 2012. Вып. 15 (648). С. 75–88.

Арчаков Рустам Абукарович – кандидат педагогических наук; доцент кафедры иностранных языков для неязыковых факультетов, Российский государственный социальный университет. E-mail: ruarchakov@yandex.ru.

Вискова Инна Вадимовна – аспирант кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета. E-mail: tuppence@yandex.ru.

Дубовикова Любовь Дмитриевна – аспирант кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: lubov696@mail.ru.

Калякин Александр Серафимович – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой теории и практики межкультурной коммуникации, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: mggu2008@mail.ru.

Кошечкина Инна Георгиевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теории и методики преподавания иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: mggu2008@mail.ru.

Крашенинников Андрей Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры иностранных языков, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан. E-mail: kroschke@yandex.ru.

Кузнецова Анна Николаевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры педагогического образования, Национальный институт им. Екатерины Великой. E-mail: ann36727000@yandex.ru.

Морараш Марина Михайловна – кандидат филологических наук; ведущий редактор редакции журнала «Филология и культура», Институт филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: moramar@mail.ru.

Маслова Светлана Александровна – соискатель кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова; воспитатель, детский сад № 957, г. Москва. E-mail: fotinija1976@mail.ru.

Свиридова Лариса Константиновна – доктор филологических наук, профессор; декан факультета иностранных языков и международных коммуникаций, заведующий кафедрой теории и методики преподавания иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: mggu2008@mail.ru.

Себрюк Анна Набиевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; ассистент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: anna1804@mail.ru.

Тетерина Елена Николаевна – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: lente-75@mail.ru.

Чернов Александр Николаевич – аспирант кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI вв. Московского государственного педагогического университета. E-mail: beliy-alex@narod.ru.

Щербитко Александра Викторовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: rajani@yandex.ru.

R. Archakov

Convention and substantive nomination:
to the definition of the causes
of a native speaker's oral behavior

The author pays special attention to fragment of language world image, which is responsible for subjective denotative nomination, denotative conditions and situations and is connected with substantive verbalization sphere of subjectivity as a common language category and an area of cogniogenesis.

Key words: convention, subjective-conceptual categorization, subjective denotative nomination, substantive, language world picture, cogniogenesis.

A. Chernov

The function of the character
in Gajto Gazdanov's novels

The article reveals one of the remarkable features of Gajto Gazdanov's prose. The question is about the figurative system and especially about the main characters of Gazdanov's novels. The novel "Budda's Return" was analyzed in detail. This novel leads to the understanding of Gajto Gazdanov's style. The images are interconnected with other characters on the basis of the return motif which is inscribed in the philosophical, overall cultural and myth-poetic contexts. All characters reveal the look alike attitudes, the amorphous nature and polyphonic unity of themselves. That can be interpreted as the esthetic overcoming of the writer's tragedy.

Key words: Gajto Gazdanov, character, figurative system, return motif, lookalike, semantics, allusions, polyphony.

L. Dubovikova

On the problems of differentiation of prefix verbal word-forms from prefix verbal word-formation in the aspect system of the Russian verb

The article presents an attempt of the description of aspectual prefix structure in the Russian language and contains the analysis of its typology and specific peculiarities. In it the clear explicative model of Russian prefix verb is demonstrated, which can be used in the practice of teaching of semantics of aspects of the Russian verb to foreigners.

Key words: verbal aspect, Russian verbal prefixes in aspect, aspectual pairs, prefix verbal word-formation, ways of verbal action, new perfective verbs.

A. Kalyakin

Modern interpreter-translator
and linguist professional training

This article deals with the basic problems of professional trainings for linguists, interpreter-translators under the formation conditions of a two-level higher educational system in Russia.

Key words: Federal State Standard of Higher Professional Education, basic educational program, competence, competence-based model of the graduate student, professional-based module, specialized-based module, bachelor, master, translation, interpretation.

I. Koshevaya

On the triple segmentation of time and space

Time as an objective phenomenon is psychologically perceived, logically comprehended and linguistically expressed by its triple segmentation into antitime (past), proper time (present) and pseudo time (future). The language materialization of time is realized on the base of special segmentation of space into subspace phase, proper space phase and super space phase. Due to connection with the process of simultaneous combinability language as the all human phenomenon has two main models of time representation: 1. the separate model (as in Modern Russian and in Old English) and 2. the mixed model (as in Old Russian and Modern English).

Key words: language model, antitime, proper time, pseudo time, past time, present time, future time.

A. Krasheninnikov

The influence of F.M. Dostoyevsky on the creativity of G. Trakl

The influence of philosophy and works of F.M. Dostoyevsky on the lyrics of G. Trakl are considered in this article. The poems «Sonja», «Die Verfluchten» and «Afra» are provided as an example.

Key words: expressionism, German poets-expressionists, G. Trakl, F.M. Dostoyevsky.

A. Kuznetsova

The English national character through the prism of phraseology

The article gives the description of some features of the English National character associated with work through the prism of phraseology. The article deals with the verbal and nominal phraseological units which are components of the phraseo-semantic field "Work".

Key words: phraseological unit, national specifics, national character.

S. Maslova

Modern literary fairy tales and the infant subculture

The article considers the characteristics of poetics of modern literary fairy tales taking into account the connection of tales to folk subgenre and human mythology conceptualization. Present day literary fairy tale reflects society's shifting attitude towards children as well as problems of the interaction between adults and infants.

Key words: literary fairy tale, infant subculture, children's mythology, dual-world, other-world, genre memory, modern age literary hero.

M. Morarash

Language means of the actualization of the category of temporality (on the example of V.V. Nabokov's novels «Mashen'ka», «Luzhin's defence», «Invitation to a beheading»)

The main idea of the article is to reveal meaningful lingual units permitting to penetrate into their symbolic implication in V. Nabokov's novels. The research is conducted on the basis of the complex description of the functional – semantic field of temporality. Concrete fragments of texts manifesting the specific feature of the verbalization of implicit meanings and valuable for bringing out the writer's outlook are described. The author of the article comes

to the conclusion that the textual category of temporality is actualized not only in narrow contexts but also in the whole system of language means, virtual and actual patterns of text connections.

Key words: temporality, actualization, information, implicitness, interpretation, implication, lingual units, vivid nominations.

A. Sebryuk

Reflection of ethnic self-identification in anthroponymy:
The peculiarities of personal names of Afro-Americans

The article is devoted to the peculiarities of personal names of Afro-Americans in their historical development. Afro-Americans formed a distinct ethnos on the US territory and there is a continuous process of self-identification within it, which influences the linguistics of African American English.

The author traces back a long way from a strong desire to assimilate with white population to total separatist sentiments that has had a great effect on personal names of Afro-Americans.

Key words: anthroponymy, naming, African American English, Afro-Americans, replacement of personal names, self-identification, African heritage.

A. Shcherbitko

Benigsen's novel «GenAcide»: test by the book

This article is devoted to a key theme in Benigsen's novel «GenAcide» – a book which appear as a symbol embodying the idea of traditional human values, mind and spirit. Multi-faceted image of the book runs through the text of the novel, turning it into a unique book about books.

Key words: image-symbol of the book, anti-utopia, admiss, majority, minority, one-dimensional man, text, chaos, laughter.

L. Sviridova

Translation as an obligatory reproduction
of the category of identity

The article puts a question about possibility of achievement of the highest identity between the original and its translation. In this respect singling out the neutral (background) part which expresses the main subject interior of the work is analyzed. Special attention is given to the process of the translation of the title as the bifunctional phenomenon which may be greatly deformed in its

interpretation and even taken away in the minor texts where it is substituted by microtheme equal to the invariant. The translation that follows should combine the author's foreshortening and functional perspective as the components of the deep and surficial levels where semantic kernel is rendered by theme, central chain – by macrotheme, semantic knot – by hypertheme with the corresponding usage of different types of lexis: concretized, agglutinative and sensitive.

Key words: author's foreshortening, plot perspective, semantic kernel, central chain, semantic knot, invariant.

E. Teterina

Category of integrity of a literary work and the problem of the protagonist in J. Milton's «Paradise Lost»

The article is devoted to the use of the key category of our native traditional literary criticism – integrity of the literary work in solving a debatable issue of J. Milton's "Paradise Lost" protagonist. According to the author the capacity of the genre approach that allows to view the system of genre of the poem in its formal-content unity and solve this problem as it points to the only character who can be the protagonist of Milton's work.

Key words: the protagonist of Milton's "Paradise Lost", integrity of a literary work, genre approach, system of genre medium in "Paradise Lost" by J. Milton.

I. Viskova

Lesson-communication as a means of developing students' grammatical ability (on the example of the study subject «Pronoun as a part of speech»)

The author of the article proposes a special kind of lesson, namely lesson-communication as an effective way to learn the topic "Pronoun as a part of speech". The article presents main characteristics of lesson-communication, its objectives and features. A sample lesson plan and its contents are presented as well.

Key words: a part of speech, pronoun, communicative activity approach, lesson-communication, development of grammatical ability.

Памятка автору статьи, представленной для публикации
в ВЕСТНИКЕ МГГУ им. М.А. Шолохова

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Материалы направлять по адресу:

109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 225.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 1-1102 – Журавлева Татьяна Юрьевна, заместитель главного редактора журнала.

E-mail: arhat_5@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет
М.В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
М. А. Трушкина

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2013.2

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 06.06.2013 г.
Подписано в печать 13.06.2013 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,4 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.